ББК 63.3(0)4
В46

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Загадки древних цивилизаций»
выпускается с 2002 года

Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова

Вильсон Дэвид М.

В46 Англосаксы. Покорители кельтской Британии / Пер. с англ. П.В. Тимофеева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 189 с. — (Загадки древних цивилизаций).

ISBN 5-9524-1276-9

Дэвид Вильсон попытался объединить все имеющиеся научные сведения, чтобы дать по возможности полную картину жизни германских племен, на рубеже V—VI веков появившихся на территории кельтской Британии и постепенно утвердивших там свое главенство. Особое внимание в книге уделяется своеобразию культурных традиций различных областей Англии. Архитектура, скульптура, вооружение, нумизматика, богатство книжной иллюстрации представлены в строгой периодизации от языческих времен до Возрождения X столетия.

ББК 63.3(0)4

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное
оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2004

ISBN 5-9524-1276-9

АНГЛОСАКСЫ

Покорители кельтской Британии

Введение
ИЗУЧЕНИЕ АНГЛОСАКСОНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В конце XIX в. археология, возникшая в недрах антикварных изысканий начала викторианской эпохи, в пылу жестоких споров по поводу эволюционной теории обрела статус научной дисциплины, основанной на двух методах познания: раскопках и типологии. Генерал Питт-Риверс придал раскопкам статус науки и заставил археологов подходить с большой тщательностью к тому, что они делают. Прошло много лет, прежде чем его соотечественники усвоили эти уроки, и это позволило им достичь того высочайшего уровня, которым славится теперь английская археология. Второй метод был разработан в Англии сэром Джоном Эвансом и Питтом-Риверсом, а в Скандинавии — Оскаром Монтелиусом и его учеником Бернхардом Салином. Тщательное и детальное изучение артефактов, оставшихся от древних народов, позволяет классифицировать их. Основой типологии является тот факт, что изделия человеческих рук определенным образом эволюционируют. Иногда эволюция выражается в постепенном усовершенствовании формы или в том, что вещь становится более функциональной, или в том и другом; иногда она может быть представлена как изменение декора. В качестве примера Монтелиус приводил эволюцию железнодорожного вагона (рис. 1). Первый вагон представлял собой карету, приспособленную, чтобы ехать по рельсам; далее его форма изме-

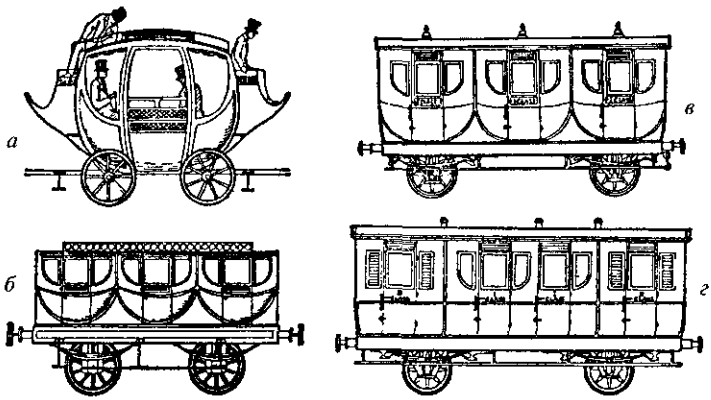


Рис. 1. Вагоны Монтелиуса:
а — английский в 1825 г.; *б* — австрийский в 1840 г;
в и *г* — в Швеции и Германии в 1850 г.

нялась в несколько этапов: сначала три коляски были совмещены в один вагон, и наконец в последние годы XIX столетия единственным намеком на «каретное происхождение» вагона были закругленные внизу окна вагонов первого класса. Типологическая классификация может использоваться сама по себе или для установления хронологии. Если типологическая последовательность показывает, например, развитие формы определенной разновидности фибул, она может служить шкалой для датировок. Предмет, найденный с фибулой раннего типа, скорее всего, будет древнее предмета, найденного с фибулой более развитой формы. Археологи называют этот принцип «датировкой по связи».

Два метода, описанные выше, вместе с исследованием архитектурных памятников обеспечили основу для археологического изучения англосаксонского периода английской истории. Естественные науки снабдили археологов техническими устройствами, некоторые из которых можно применить для исследования находок англосаксонской эпохи. Но предварительное обследование

ются раскопок и радиоуглеродный анализ[1] органических останков являются не методическим, а техническим достижением — логическим развитием методологии, разработанной в течение последних ста лет.

Изучая вещественные останки человека и следы его деятельности, археолог стремится воссоздать прошлое. В значительной степени область его исследований ограничивается внешней стороной жизни: хозяйственными практиками и материальной культурой. Результатом его трудов будет хронологический перечень особенностей жилищ, одежды, сельскохозяйственных орудий; он сможет узнать о системе землепользования, торговле и технических достижениях. Археологу трудно — почти невозможно, исходя только из археологических данных, — понять, о чем люди думали и каковы были их представления о мире. В этом смысле археологам, занятым изучением англосаксонского периода, повезло: в их распоряжении имеются письменные источники. Свидетельства их не всегда полны, но они дают достаточно ясное представление о социально-экономической структуре общества, о верованиях, обычаях и законах Англии того времени.

Примером того, что сотрудничество археологов и историков может существенно пополнить знания их обоих, служат результаты раскопок королевской резиденции в Ингеринге в Нортумбрии[2]. Несомненно, этот город

[1] Метод радиоуглеродного анализа основан на том, что накопленный в организме животного или растения радиоактивный изотоп углерода с атомным весом 14 (С 14) после гибели организма начинает распадаться. Период полураспада этого изотопа известен. Определив содержание изотопа углерода в древесине или в костях, можно узнать, сколько времени прошло с момента смерти животного или гибели дерева. Правда, такой способ дает датировку в весьма широких пределах и применяется главным образом в археологии доисторических эпох. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

[2] Нортумбрия — одно из королевств, сложившихся в ходе англосаксонского завоевания Британии. Образовалось в начале VII в. в результате слияния королевств англов Бернициии и Дейры. В IX в. Нортумбрия была завоевана викингами. Около 924 г. территория Нортумбрии окончательно присоединена к Уэссексу.

и есть тот самый Гефрин, упомянутый Бедой[1]: королевский город, куда Паулин пришел в 627 г. вместе с королем Эдвином, чтобы проповедовать христианство народу Берниции.

Раскопки в Иверинге описаны в деталях в следующей главе, здесь же следует рассказать, каким образом при исследовании этого участка археологи помогли историкам и, наоборот, историки помогли археологам. Археологи предоставили историкам, среди других фактов, некоторые сведения о внешнем виде англосаксонского королевского города и его планировке, они выяснили, как выглядело место собраний, и назвали приблизительную дату, когда город был оставлен. Историки указали *археологам предположительное местонахождение города*, выдвинули гипотезы о назначении разных зданий и уточнили даты.

Сотрудничество не всегда бывает столь удачным, но ученые разных специальностей должны научиться советоваться друг с другом и со своими коллегами, изучающими топонимику, географию, ботанику. В своей книге я пытаюсь дать краткий очерк истории англосаксонской Англии на основании археологических данных. Я буду использовать сведения, полученные в рамках других научных дисциплин; но поскольку это — прежде всего *археологическое исследование*, следует определить пределы применимости археологических свидетельств. В своем рассказе я не буду говорить о чувстве юмора,

---

[1] Беда — прозванный Venerabilis (Достопочтенный) — церковный историк, род. в 637 г. в Нортумбрии. В семь лет был отдан в монастырь Уэрмаут, где пробыл до 691 г., получив там превосходное образование. Затем он перешел в соседний, подвластный Уэрмауту монастырь Ярроу (основан в 682 г.), где на 19-м году жизни сделался дьяконом и в 702 г. — пресвитером. С этого времени начинается его писательская деятельность, состоявшая, главным образом, в толковании отдельных книг Ветхого и Нового Завета. Наиболее известно его историческое сочинение «Церковная история народа англов», представляющая собой ценнейший исторический источник. Умер Беда *26 мая 735 г.*

философии, обычаях или морали англосаксов. Я также не стану обсуждать власть вождей, положение рабов или среднего класса, хотя интуитивно и исходя из общечеловеческого опыта мы можем на основании погребальных обрядов составить себе некое представление об этих предметах. Героический характер англосаксов, так живо проявившийся в их литературе и поэзии, очень смутно прослеживается по остаткам их материальной деятельности, и археологи должны допустить, что полученные ими сведения открывают только самые прозаические стороны жизни этого народа.

Археологические данные касаются в основном хозяйства и экономики. Благодаря раскопкам захоронений и поселений мы получили более ясную картину внешней, повседневной жизни. За последние годы было произведено множество раскопок различных построек, и, хотя на основе этих работ нельзя сделать общие выводы, касающиеся всей страны, облик англосаксонских поселений начинает мало-помалу вырисовываться. Особенно ценны в этом плане раскопки в Макинге (Эссекс) и в Вест-Стоу (Суффолк), после которых картина деревенской жизни раннего англосаксонского периода стала намного понятнее. Благодаря раскопкам мы понемногу узнаем, как питались и как добывали себе пищу люди в те далекие времена: исследование костей животных показывает, что англосаксы ели мясо как домашних животных, так и диких, ботанический анализ говорит о том, что они выращивали на своих полях. До сих пор нам мало известно о сельском хозяйстве англосаксов, но в последнее время этому вопросу уделяется большое внимание, и я надеюсь, что в скором будущем наши знания пополнятся.

Производственная деятельность англосаксов была более тщательно изучена за последние несколько лет. В ходе раскопок ряда поселений были найдены печи для обжига, что существенно увеличило багаж наших сведений ка-

сательно гончарного дела. Благодаря работе археологов мы узнаем древние секреты кузнецов, ткачей, мельников, и даже о работе плотника получаем отрывочные сведения. Но остатки орудий стекольщиков, резчиков по кости и корзинщиков пока не обнаружены, и о работе этих мастеров мы можем судить только по их изделиям.

Хотя нам достаточно известно о ткацком производстве, мы почти ничего не можем сказать об одежде тех времен, и, хотя найдено большое количество украшений, мы практически ничего не знаем о моде. В ходе раскопок обнаружено огромное множество гребней, но у нас нет сведений о прическах.

Несмотря на то что в нашем распоряжении имеются кости и другие предметы для игр, очень трудно воссоздать сами игры, также как и представить себе музыку тех времен, по остаткам музыкальных инструментов. Материальных свидетельств касательно торговли гораздо больше — достаточно вспомнить множество различных монет, но археологических данных о средствах передвижения нет. Из этих разрозненных кусочков мозаики мы попытаемся воссоздать целостную картину жизни англосаксонского общества, но в некоторых областях нам доступна гораздо более детальная информация.

В области военного дела большое количество письменных свидетельств дополняют результаты раскопок укреплений и множество сохранившихся образцов оружия. Изделия декоративно-прикладного искусства также хорошо представлены среди находок и до сих пор радуют глаз. Христианство оставило глубокий след в культуре — в нашем распоряжении имеются церкви, церковное облачение, утварь и каменные кресты, а раскопки в Винчестере позволили воссоздать очертания одного из самых больших английских кафедральных соборов.

Хотя наши запасники постоянно пополняются новыми находками, следует указать, что исследуемый нами период очень обширен — он длился 650 лет. И хотя возможно

на основании имеющегося материала сделать выводы касательно эпохи в целом, следует признать, что на протяжении двадцати шести поколений вкусы и привычки людей существенно менялись. Эти изменения можно ясно проследить на примере горшков и фибул, но они не выявляются настолько отчетливо при анализе архитектуры зданий и укреплений или планировки поселений. В силу этого составление хронологической схемы — одна из наиболее важных задач археолога-англосаксониста, ибо только таким образом она может вписать свой материал в исторический контекст.

Пока еще естественно-научные методы, такие, как радиоуглеродный анализ и дендрохронология, не могут существенно помочь археологу, занимающемуся англосаксонским периодом, и поэтому ему приходиться полагаться на типологическую датировку. Этот принцип построения относительной хронологии лучше всего выражается «формулой», впервые введенной Монтелиусом. Объект A, найденный вместе с объектом B (A + B), датируется через ссылку на объект E, датировка которого нам известна посредством следующей цепочки: A + B = B + C = C + D = D + E; каждая «сумма» в этой формуле выражает отдельный этап археологических изысканий. Степень неопределенности возрастает с привлечением каждой новой находки до тех пор, пока попытка датировки не станет бессмысленной. Ясно, что такой метод должен использоваться с большой осторожностью и не может считаться абсолютно точным, хотя соблазн сопоставить археологический материал с историческими событиями иногда оказывается слишком велик для тех, кто изучает англосаксонский период. Археологический метод полезен тем, что он позволяет построить общую хронологическую сетку, но едва ли годится для точных исторических датировок.

Напрашивается вывод, что чем больше имеется материала, тем надежней оказываются датировки. Про-

фессор Бертил Алмгрен, однако, показал статистически, посредством изучения самой большой группы викингских фибул, найденных в Скандинавии, что предметы, найденные вместе с любой конкретной фибулой, не могут быть датированы точнее чем столетием. То же самое справедливо и для языческого англосаксонского периода. Некоторые артефакты более поздней англосаксонской эпохи, особенно ювелирные изделия, можно датировать точнее. Во-первых, на некоторых из них значатся имена известных исторических личностей. Во-вторых, некоторые предметы найдены в кладах вместе с монетами, которые могут быть датированы с достаточной точностью. И в-третьих, некоторые из предметов можно датировать по их принадлежности конкретным людям, например когда их находят в гробницах. В таблице перечислены произведения англосаксонского периода, датированные с помощью приведенных выше методов.

Из нее видно, что, хотя существует определенное количество датированного материала для IX и XI вв., предметов VIII и X вв. в нашем распоряжении практически нет. Даже имея на руках датировочные параллели, немногие исследователи осмеливаются точно датировать вновь найденные украшения и в случае, если *можно привлечь в качестве дополнительных данных* оформление рукописей. А насколько труднее определить возраст простого топора или ножа! Хрупкие предметы, вероятно, могут быть более точно датированы с помощью монет. Так, например, случилось, когда в Честере и в Норфолке археологи обнаружили клады монет в горшках. Горшки были дешевыми и достаточно хрупкими и поэтому едва ли были древними, когда их закапывали: разница между их датировкой и датировкой монет составляет максимум несколько лет. Но к сожалению, в нашем распоряжении таких находок не так много. Драгоценные предметы имеют тенденцию передаваться из

ТАБЛИЦА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ ПОЗДНЕГО АНГЛОСАКСОНСКОГО ПЕРИОДА

Век	Датировка по принадлежности конкретной личности	Предметы, найденные в захоронениях известных исторических деятелей	Предметы, найденные вместе с кладами монет
VII		Некоторые предметы из могилы святого Кутберта (ум. 687)	Саттон-Ху (ок. 650—660) Грондалл (ок. 670)
VIII	Кубок Тассило (777—888), сделанный в Германии под сильным английским влиянием		
IX	Кольцо короля Этельвульфа (836—867) Кольцо Этелсвит (855—889) Печать еп. Этельвальда (ок. 850) Драгоценность Альфреда (871—899)		Севингтон (ок. 850) Хексхем (ок. 850) Хон, Норвегия (ок. 855) Киркосвальд (ок. 855) Гравсенд (ок. 872) Бестон Тор (ок. 875) Трухиддл (ок. 872—875) Талнотри (ок. 900)
X			Кердал (ок. 903—905)
XI		Брошь архиепископа Йоркского Вульфстана (1002—1023) *Крест Эдуарда Исповедника (1042—1066) — утрачен*	Иглоса, Швеция (ок. 1005) Стокгольм, Швеция (ок. 1025) Саттон, о-в Эли (ок. 1066—1087) *Сент-Мери-Хилл (ок. 1075) — утрачен*

поколения в поколение, как меч, упомянутый в 1014 г. в завещании принца Этельстана: «Моему брату Эдмунду я дарю меч, который принадлежал королю Оффе». Можно привести свидетельство Летбрижда о погребении десятилетней девочки, «которая была захоронена с фибулами, женскими украшениями и другими вещами, изношенными или переделанными к тому времени, когда происходили похороны. На ней были бусы, слишком большие для нее. Ее похоронили не с ее собственными украшениями, а со старыми драгоценностями, скорее всего, принадлежавшими ее матери. Треснувшую фибулу, из которой выпал гранат, вероятнее всего, извлекли из старого сундука специально для похорон; возможно, фибула принадлежала раньше бабушке умершей».

Перед исследователями, которые занимаются англосаксонской историей, всегда стоит проблема датировки археологических находок. Болдвин-Браун, например, в начале XX в. разработал концепцию, в соответствии с которой он разделил каждое столетие на трети, относя найденные археологические предметы к одному из этих коротких периодов. В последние годы своей жизни Е.Т. Лидс пришел к выводу, что при датировке археологических памятников следует избегать слишком точного определения даты. В этой книге я последую примеру Лидса; если я называю точную дату, то она, без сомнения, проверена со всей тщательностью.

Археолог, исследующий англосаксонский период, должен признать, что хронология — одно из слабых мест в его работе. Признавая это, он может исследовать материал более тщательно и обобщать выводы, к которым пришли его предшественники. Материал, имеющийся в его распоряжении, он может интерпретировать в экономическом и социальном контексте; делать заключения о торговле и королевском правлении, о собраниях и о ремесле, которые были невозможны пятьдесят лет назад. Настанет время, когда относительную хронологию уда-

стся выстроить для всего англосаксонского периода на основаниях, приемлемых и для статистика, и для историка. При помощи новых естественно-научных методов, таких, как дендрохронология (изучение годовых колец деревьев) и метод радиоуглеродного анализа, возможно, в ближайшие пятьдесят лет мы сможем определить достаточно точную абсолютную хронологию. Однако пока мы не можем похвастаться этими достижениями, следует воздержаться от выводов, затрагивающих хронологию.

Осознав такие ограничения, археологи могут прийти на помощь историкам, например, в изучении торговли. Известнейший историк-англосаксонист сэр Франк Стентон писал, что «начало английской внешней торговли тонет во мраке, который рассеивается лишь тогда, когда мы встречаем в грамотах упоминания об освобождении от податей английских монастырей, имевших корабли, и находим ранние английские монеты на континенте или когда церковные источники ссылаются на торговые дела или самих торговцев».

Как многие другие археологи и историки до него, он не использовал археологические свидетельства, которые сообщают нам о торговле предметами роскоши в дописьменную эпоху. Европейская археология изобилует такими свидетельствами: франкский стакан, возможно сделанный на Рейне, найден в Уэльсе, восточная средиземноморская глиняная посуда обнаружена в Корнуолле, и византийское серебро в Суффолке. Богатые шелка с Востока найдены в могиле святого Кутберта; бронзовые чаши из Египта и каури[1], найденные в англосаксонских языческих захоронениях, свидетельствуют об обширности торговых связей в эпоху, когда Англия еще не приняла христианство.

Если говорить о более поздних временах, — в Норвегии были найдены англосаксонские мечи, а англосак-

[1] К а у р и — раковина, заменяющая деньги в некоторых частях Азии и Африки.

сонские монеты — в польских кладах; норвежские точильные камни обнаружены в Лондоне, а фрагменты германских каменных ступок — в Тетфорде. Эти вещественные останки сообщают нам столько же об англосаксонской торговле, как и исторические документы, которыми мы располагаем. Доктор Г.Г. Даннинг, например, проследил на основе археологического материала изменение главных товаропотоков в винной торговле с материком, заполнив некоторые пробелы в знаниях историков.

В последние годы стремительно развивалось еще одно направление в исследованиях англосаксонского периода. Работы мистера Гриерсона, мистера Долли и мистера Бланта, посвященные денежному обращению, внесли свою лепту в решение многих исторических проблем. Нумизматических свидетельств в нашем распоряжении настолько много, что новые находки монет служат только для подтверждения уже сделанных выводов. Впервые с конца XIX в. был предпринят систематический анализ декора англосаксонских монет. Господин Долли, подробно изучив монеты Этельреда II (979—1013), выделил среди них девять «стилей», отличающихся друг от друга типом изображения на реверсе монеты.

Каждый стиль соотносится с определенным географическим регионом. Мистер Долли предположил, что причина появления этих стилистических различий на местном уровне, там, где они не прослеживались ранее, лежит в децентрализации правления перед лицом викингских нашествий, которая в итоге привела к завоеванию страны Кнутом. Такое заключение может оказаться важным и для историков.

Выводы нумизматики могут очень сильно повлиять на наше восприятие археологического материала.

Археологам англосаксонского периода есть чему поучиться у специалистов по нумизматике, поскольку методы работы у них очень похожи. Археологический матери-

ал, имеющийся в его распоряжении, собирался в течение нескольких столетий и найден в большинстве случаев в захоронениях и кладах. Обычно при изучении этого материала археологи берут определенную группу предметов, например небольших фибул, устанавливают их типологию, обсуждают их происхождение и делают наблюдения относительно области их географического распространения. Все это очень ценная работа, и одна из задач будущих археологов англосаксонского периода — опубликовать весь материал, скопившийся в музеях страны.

Но археологи англосаксонского периода никогда не занимались проблемами, которые, по моему мнению, полезны и интересны. Господин Джессуп подробно рассмотрел технику изготовления кентских драгоценностей, но никто еще не обсудил с технической точки зрения конструкцию англосаксонского щита. За единичным исключением, никто не попытался изучить скелеты, найденные в англосаксонских погребениях, на предметы продолжительности жизни, болезней, рациона, хотя некоторая работа в настоящее время ведется в отношении исследования зубов. Никто еще не опубликовал работы (хотя археологический материал для этого есть) о рыбной ловле, сельском хозяйстве и других занятиях англосаксов. Во многих публикациях, касающихся англосаксонских захоронений, содержатся лишь короткие сообщения об остатках полусгнившей ткани на пряжках и на умбонах щитов, но никто не изучил структуру ткани, найденной на металлических предметах, хотя миссис Кроуфут положила этому начало. Никто до сих пор не исследовал детально одежду и моды того периода. Таких вопросов сотни, и все их можно и нужно обсуждать на основе тех знаний, которыми мы обладаем.

В скором времени, я надеюсь, появятся новые детальные исследования уже известных археологических памятников и новые факты. Статьи мистера Джексона и сэра Эрика Флетчера о некоторых особенностях англо-

саксонской архитектуры демонстрируют со всей ясностью, как повторный анализ может пополнить наши знания об англосаксонской эпохе. Их исследование англосаксонской церкви в Лидде, например, убедительно показало, что эта церковь, возможно, была одной из первых в Англии и что она основана до миссии Августина. Эти заключения сделаны на основе простого изучения архитектурных деталей, без каких-либо предварительных гипотез по поводу ее датировки.

Археологи-англосаксонисты до Второй мировой войны изучали музейные экспонаты. После войны, однако, исследователи стали уделять гораздо больше внимания полевой работе. Мы уже упомянули о раскопках в Иверинге, произведенных мистером Хоуп-Тейлором; к перечню можно добавить раскопки группы капитана Нокера и недавние работы мистера Девисона в Тетфорде; сэр Сирил Фокс исследовал «ров Оффы» — линию земляных укреплений, выстроенных вдоль границы Уэльса и Мерсии. Мистер Ратц провел раскопки богатой усадьбы в Чеддере, а мисс Крамп изучала монастырь Беды в Монквермуте. Мистер Хоуп-Тейлор обнаружил королевское поместье в Олд-Виндзоре, а мистер Биддл исследовал древние соборы в Винчестере. Раскопки подобных археологических памятников значительно расширяют наши знания об англосаксонской культуре. Также показательно, историки участвовали наравне с археологами во всех этих работах. Профессор Граймс писал: «Прошли дни, когда историк, филолог, культуролог и археолог могли игнорировать друг друга — не то чтобы безнаказанно, но не вызывая критики в свой адрес. Сегодня представители всех четырех дисциплин должны работать вместе, если они хотят добиться успеха в своем деле».

В этой книге я попытался объединить все имеющиеся сведения, чтобы дать по возможности полную картину материальной культуры, искусства и социально-экономической жизни наших англосаксонских предков.

Эта книга, конечно, не претендует на то, чтобы дать исчерпывающую информацию, но я надеюсь, что для широкого круга читателей она будет полезна. Наши знания о материальной культуре англосаксов, как вы увидите, очень богаты, но с другой стороны — очень ограниченны. Для языческого периода основная трудность заключается в том, что почти все имеющиеся у нас находки — это погребальный инвентарь. Большую часть материала христианского периода, когда практика языческих захоронений была прекращена, составляют случайные находки, детали древних церквей и церковная утварь. Основанная на таких источниках картина, несомненно, будет неполной, но она отражает, насколько я могу судить, современное состояние знаний об англосаксонской эпохе.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ЯЗЫЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Для многих англосаксонская эпоха является белым пятном, и самое большое, что люди обычно знают, — это имена полулегендарных персонажей — Хорсы и Хенгеста, Артура, Альфреда и Оффы.

Чтобы понять археологию этого периода, для начала мы должны отчетливо представлять себе последовательность событий, происходивших в Англии.

Конечно, я не смогу на нескольких страницах изложить всю историю англосаксонской эпохи, но я и не ставил перед собой такой цели. Профессиональному историку мое резюме покажется слишком простым и наивным, но я писал его не для специалистов, а для широкого круга читателей. При этом я опирался на работы ведущих исследователей англосаксонского периода.

Историю англосаксонской Англии мы разобьем на *три периода: а) языческий период — от первых поселений* до миссии Августина[1]; б) формирование единой Англии и в) скандинавская эпоха.

ЯЗЫЧЕСКИЙ АНГЛОСАКСОНСКИЙ ПЕРИОД

В британской истории нет более мрачного периода, чем V столетие. Римская империя, потеряв Британию, завещала ей римские традиции. Романизированное ме-

[1] Августин, апостол Англии — монах из Рима; в 596 г. был послан папой Григорием I с 40 спутниками в Англию, чтобы проповедовать там христианство.

стное население в течение недолгого времени боролось за свою свободу и пыталось сохранить цивилизацию, но постоянно подвергалось нашествиями захватчиков с континента. Пришельцы, писал Беда Достопочтенный, «вышли из трех сильнейших германских племен саксов, англов и ютов. Жители Кента и Векты[1] происходят от ютов, как и обитатели земель напротив острова Векты в провинции западных саксов, до сих пор называемые народом ютов. От саксов, из области, известной ныне как Старая Саксония, происходят восточные саксы, южные саксы и западные саксы. Кроме этого, из страны англов, находящейся между провинциями ютов и саксов и называемой Ангулус, которая с той поры опустела, вышли восточные англы, средние англы, мерсийцы и весь народ Нортумбрии, то есть те, кто живет севернее реки Хамбер, а также и другие племена англов... Не так давно упомянутые народы хлынули на остров, и вот уже число пришельцев возросло настолько, что они начали наводить ужас на призвавших их местных жителей»[2].

Этот отрывок написан примерно через триста лет после событий, о которых в нем говорится, и, к сожалению, является основным источником наших сведений о происхождении английского народа. О том, насколько точен рассказ Беды и как его толковать, уже спорили столько, что не хочется и говорить. В конечном счете, лучше принять версию Беды как она есть: она, вероятно, основана на легенде или устной традиции, но Беда, будучи осторожным и строгим ученым, очевидно, сильно упростил очень сложную историю.

Прежде всего, он упоминает, что «пришельцы» — англосаксы, как мы по привычке их называем, — были *приглашены* в Англию жителями Британии. Эти «при-

[1] В е к т ы — остров Уайт.

[2] Цит. по: *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов / Пер. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001. С. 21—22.

глашенные» являлись не кем иным, как *laeti*, наемниками, доставленными в Англию в конце римского владычества, чтобы защитить страну от нападений из Ирландии, Шотландии и континента. Остатки их глиняной посуды, подобной той, что найдена на их континентальной родине, обнаружены на месте римских военных поселений (Кестер-он-Си, Кестер-Норидж, Йорк и т. д.) и в одном из главных римских городов (Макинг, Эссекс). Во-вторых, Беда определяет родину этих людей (рис. 2). Саксы прибыли из Северной Германии и Голландии, области, которая во времена Беды именовалась Старой Саксонией. Англы приплыли с юга Датского полуострова, из земель, которые все еще называются Ангелн, а юты — из Ютландии. Другими словами, англосаксы явились с западного побережья Европы, из района, расположенного между устьем Рейна и Центральной Ютландией. Их вторжения происходили на фоне сходных движений огромных масс населения по всему континенту, в наше время получивших название Великое переселение народов.

В VI в. византийский писатель Прокопий[1] делит захватчиков Англии на два племени — англов и фризов, — и в его утверждении, вероятно, есть зерно истины.

Хотя фризы, по всей видимости, населяли побережье Северной Голландии, возможно, что в то время фризы и саксы слились в одно племя; нечто подобное нередко

---

[1] Прокопий — историк раннего византийского периода; родился на исходе V в. в Палестинской Кесарии. Получив отличное риторское и юридическое образование, он переселился в столицу и занял (527 г.) место секретаря при императоре Велисарии. Он сопровождал императора в 533 г. в походе против вандалов, а в 536 г. в походах в Италию — против готов, а затем на Восток, против персов. Год смерти Прокопия неизвестен; вероятно, он скончался в 60-х гг. VI в. Из его сочинений наибольший интерес представляет «История войн» в 8 книгах. События изложены в ней не в хронологическом порядке, а по странам, как у Аппиана: в первых двух книгах рассказано о войнах с персами, в 3-й и 4-й — о войнах с вандалами, в 5, 6 и 7-й — с готами.

случалось в период Великого переселения народов. Фактически, к моменту переселения в Англию племена англов, саксов и фризов (в меньшей степени более независимые юты) смешались в одну народность. Эту точку зрения подтверждает смешанный характер погребального инвентаря из наиболее ранних англосаксонских захоронений. Англосаксонские племена были близки и имели много общего до того, как прибыли в Англию.

Отряды захватчиков под предводительством знатных вождей приплывали, чтобы поселиться в новой земле, сначала небольшими группами, затем более крупными объединениями. Наибольшего размаха англосаксонские вторжения достигли, как утверждает Майерс, «в десятилетний период в середине V столетия». Наши знания о них основаны как на археологических данных, так и на свидетельствах письменных источников — ни те ни другие не слишком достоверны. Захватчики появились в Англии под видом мирных поселенцев или наемников.

Наглядным подтверждением того, что римская практика использования наемников продолжала существовать и в постримский период, служит история полулегендарных Вортигерна, Хенгиста и Хорсы.

Вортигерн, «гордый тиран», пригласил германских наемников под руководством Хенгиста и Хорсы, чтобы те помогли ему остановить вторжения пиктов и скотов. Германские поселения, созданные Вортингерном на востоке Англии, получали подкрепления с континента, пока наемники не восстали и не начали захватывать новые земли по всей стране. Имена, возможно, выдуманы, но вполне вероятно, что некая часть Англии — скажем, Кент и Суссекс — была завоевана таким образом. Завоевание остальной части острова, возможно, началось, как и колонизация Америки, с появления на восточном побережье небольших групп поселенцев, которые постепенно продвигались вверх по долинам рек, покоряя все новые области. Бритты, под предводитель-

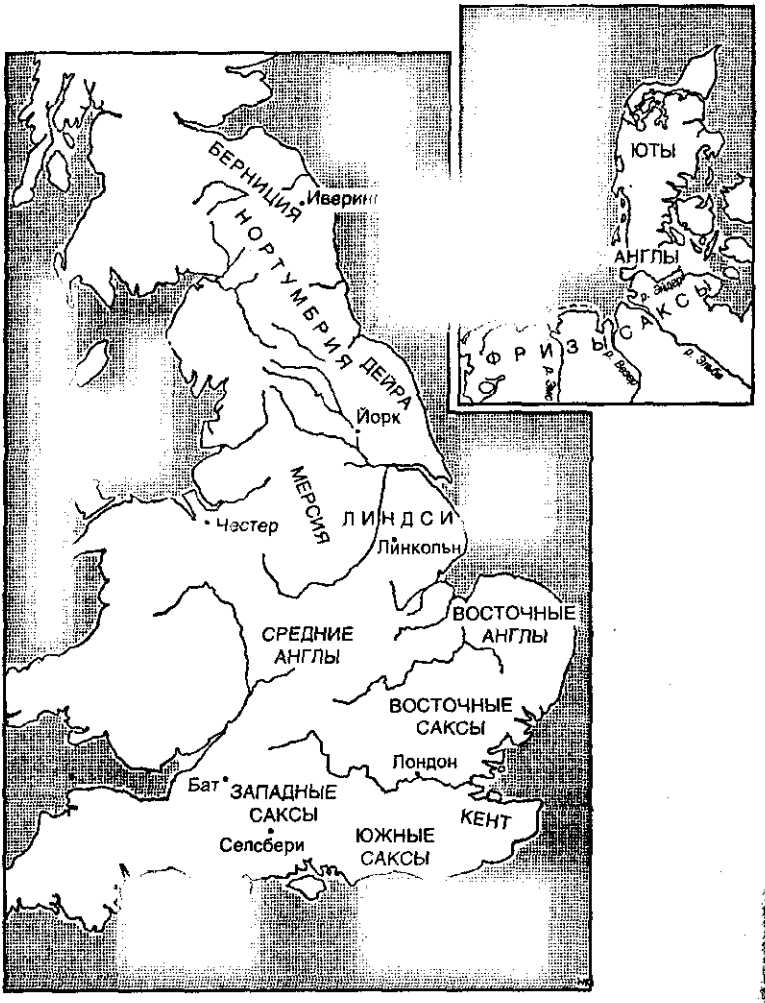


Рис. 2. Королевства и племена англосаксонской Англии. Вставка: континентальная родина англосаксов. (Масштаб примерно в два раза меньше, чем на основной карте)

ством своих вождей, один из которых стал прообразом легендарного Артура, оказывали саксам упорное сопротивление. Однако по прошествии примерно ста пятидесяти лет они покорились захватчикам или бежали в холмы и твердыни кельтских земель на западе или севере. Ко времени миссии Августина англосаксы уже управляли всей Англией — от Кента до Восточного Дорсета и от восточного побережья до низовий Северна, Стаффордшира и Дербишира, большей частью Йоркшира и частью Нортумбрии и Дарема. Завоевание Англии продолжилось очень много лет, и средневековые войны короля Эдуарда[1] — всего лишь закономерное завершение экспансии, начавшейся в середине V столетия.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕДИНОЙ АНГЛИИ

Поскольку в ранний период завоевания в Англию приплыло множество племенных вождей, в Англии возникло множество королевских династий. Отношения между ними чаще были враждебными, нежели дружественными, но есть серьезные основания полагать, что поселенцы чувствовали себя в большей степени англосаксами, нежели подданными какого-то отдельного королевства. Конец VI и VII в. историки обычно называют «периодом Гептархии».

Однако, если перечислить все королевства, существовавшие как самостоятельные единицы в то или иное время, в этот период их окажется больше, чем семь. Это были Нортумбрия (иногда разделенная на два королевства — Бернициию, занимавшую земли между реками Тис и Форт, и Дейру, лежащую между реками Хамбер и Тис), Линдси (приблизительно на месте нынешнего Линкольншира и Восточной Англии), Мерсия (приблизительно там, где

[1] Имеется в виду Эдуард I Английский (1272—1307).

сейчас располагаются центральные графства Англии, вокруг Бермингема), Эссекс, Мидлсекс, Кент, Уэссекс и Суссекс; их короли вели свою родословную от Одина или другого германского бога, Сакснета. История Англии от 600 г. до Нормандского завоевания свидетельствует о постепенном переходе роли главенствующего центра от северных земель к южным, от Нортумбрии — Уэссексу. Это также история уменьшения могущества самостоятельных королевств и их окончательного объединения под властью одного человека.

Одним из главных событий этого периода, несомненно, является принятие англосаксами христианства. Миссия святого Августина, приплывшая на остров в 596 г., и последующая христианизация принесли англосаксам письменность и идею централизованного правления, но, как указывал сэр Франк Стентон, церковь являлась скорее помехой, чем помощником в деле объединения страны. Учреждение архиепископства Йоркского в 734 г., например, привело к разделению церковной и, до некоторой степени, светской власти внутри страны. Нортумбрия в течение этого периода англосаксонской истории рассматривалась как некая отдельная территория, свидетельством чему служит, в частности, тот факт, что король Альфред в своем предисловии к переводу «Обязанностей пастыря» Григория Великого разделяет земли «по эту сторону Хамбера» и земли «за Хамбером».

В начале англосаксонской христианской эпохи Нортумбрия стала главным королевством в Англии. В VII столетии короли Нортумбрии Эдвин[1], Освальд и Осви были

[1] Эдвин (Edwin, Eadwine, *лат.* Aeduinus) — король Нортумбрии (585—633), сын Эллы, короля Дейры. После смерти Эллы (588 г.) король Бернициии Этельрик завоевал Дейру. Эдвин нашел убежище у короля Восточной Англии Редвалда. В 617 г. Эдвин с помощью Редвалда отвоевал Дейру и Бернициию, сделался королем всей Нортумбрии, постепенно объединил под своей властью почти всю англосаксонскую Британию и достиг такого могущества, как ни один король до него. Он был в дружеских отношениях с королями Кента,

близки к тому, чтобы утвердить свое господство над всей территорией Англии.

Но в 658 г. надежды на объединение всей страны рухнули из-за бунта мерсийцев, восставших после того, как Вулфхере занял трон Мерсии. Хотя мы хорошо себе представляем историю королей Нортумбрии благодаря сочинениям Беды, который сам был нортумбрийцем, северное королевство никогда снова не достигло мощи, которую оно имело в правление Эдвина и Освальда.

Тем временем Мерсия поглотила королевства Эссекса и Восточной Англии (вместе с Линдси); правители этих двух областей стали отныне подчиняться мерсийскому королю, как своему верховному повелителю. С 670 г. Лондон, главный торговый город Англии, также принадлежал Мерсии. В правление Вулфхере верховную власть мерсийских королей признали Уэссекс, Суссекс и остров Уайт. Вулфхере потерпел поражение от нортумбрийцев в конце своей жизни, и на долю его преемника, Этельбальда, выпало окончательно утвердить господство Мерсии над всей Англией. Племянник Этельбальда Оффа (757—796) был самым могущественным из королей мерсийской династии, *rex totius*

уже принявшими христианство, и женился на кентской принцессе Эдильберге. Вместе с ней в столицу Эдвина Йорк прибыл христианский миссионер Паулинус и начал там свою проповедь. Король Уэссекса Квихельм попытался убить Эдвина, но подосланный им убийца только ранил его. Эдвин предпринял поход на Уэссекс, дав обет креститься в случае победы. После завоевания Уэссекса он собрал витенагемот для обсуждения этого вопроса. И знатные люди, и даже жрецы высказались за принятие христианства. Эдвин с семьей и всеми приближенными принял крещение от Паулинуса, который стал первым епископом Йоркским. Эдвин выстроил в Йорке большой каменный собор и способствовал распространению христианства на севере Англии. Он сумел также утвердить в своем королевстве порядок и мир. Предание гласит, что «в дни Эдвина женщина с грудным ребенком на руках могла безопасно пройти от моря до моря». Однако могущество Эдвина оказалось непрочным. Против него составили союз король Мерсии Пенда и король Уэльса Кадваллон. В сражении при Гэтфильде нортумбрийцы потерпели поражение и сам Эдвин был убит. Его детям не удалось удержать власть, и его королевство распалось.

Anglorum patriae (король всей Англии), как он титуловал себя в одной из своих грамот. В 796 г. Оффе наследовал Кенвульф, и до 821 г., когда он умер, главенство Мерсии никем не оспаривалось и было прочным. Через несколько лет после смерти Кенвульфа Эгберт, король Уэссекса, после ряда военных кампаний против мерсийцев подчинил все земли, прежде управлявшиеся Оффой.

С этого времени начинается период господства уэссекской королевской династии.

СКАНДИНАВСКАЯ ЭПОХА

В последние годы VIII столетия набеги викингов стали опустошать побережья Англии и Западной Европы. «В этом году, — гласит запись «Англосаксонской хроники» под 1793 г., — страшные знамения были видны над всей Нортумбрией и очень испугали людей. То были огромные смерчи, и зарницы, и огненные драконы летали в воздухе. За ними немедленно последовал голод, а чуть позже в том же самом году, 8 июня, язычники разрушили до основания церковь Божью в Линдисфарне, творя разбой и смертоубийство».

Викинги явились в земли богатые и сравнительно мирные, неся с собой разорение и смерть. Англия в то время была просвещенной страной с процветающей торговлей и земледелием и оказалась совершенно не готова к тому, чтобы противостоять нежданной угрозе, исходящей из Скандинавских стран туманного Севера. Сначала захватчики приплывали небольшими группами просто для того, чтобы пограбить, но с середины IX столетия на Англию двинулись крупные организованные военные силы. Мерсия и Нортумбрия пали перед захватчиками, а Уэссексу приходилось сдерживать постоянный жестокий натиск. Победа уэссекского короля Аль-

фреда над викингами при Эдингтоне в 878 г. положила конец их триумфу, благодаря которому скандинавы захватили большую часть Англии. С 878 г. Альфред и его преемники стали постепенно подчинять викингов, которые осели на севере и востоке острова.

Традиционно первых викингов именуют данами, хотя, несомненно, в жилах английских «поселенцев» текла кровь разных скандинавских народностей. В первые годы X столетия Ланкашир и Чешир и вообще весь северо-запад были захвачены приплывшими из Ирландии норвежскими викингами, и постоянные столкновения между данами и норвежцами немало способствовали тому, что мерсийцам и западным саксам под предводительством Эдварда Старшего[1], а впоследствии Этельстана[2], удалось привести Нортумбрию под свое главенство одного из самых блестящих английских королей.

Этельстан не только покорил север и установил дружественные отношения с местной знатью, он также подчинил Корнуолл и стал одним из самых авторитетных европейских властителей, к мнению которого прислушивался император Священной Римской империи, норманны и скандинавы. Он укрепил государство и преобразовал систему денежного обращения. После смерти Этельстана в 939 г. могущество и авторитет английских королей начали постепенно падать. Войны с викингами и внутренние раздоры подрывали силу королевства, и только в правление Эдгара (959—975) Англия обрела некое подобие былого величия. Главными заслугами Эдгара считаются его покровительство искусствам и монастырской реформе (так называемому «бенедиктинскому возрождению»), во главе которой стояли такие выдающиеся деятели церкви, как Освальд, Эстельвольд

[1] Эдвард Старший — англосаксонский король (901—925), старший сын Альфреда Великого.

[2] Этельстан — сын Эдварда Старшего, внук Альфреда Великого.

и Дунстан (этого последнего один из хронистов более позднего времени назвал «вероломным святошей»).

Через несколько лет после смерти Эдгара набеги викингов возобновились. Непрекращающиеся атаки завершились тем, что в первые годы XI столетия Англия была завоевана Свейном и его сыном Кнутом. Кнут вступил на английский трон в 1016 г., и в продолжение девятнадцати лет его правления Англия входила в состав «империи Кнута», простиравшейся от берегов Балтийского моря до островов Силли. Обширной англо-скандинавской империей мог управлять только очень сильный властитель, и она распалась сразу же после смерти сына Кнута — Хардакнута в 1042 г.

На английский трон после этого снова вступил представитель уэссекской династии в лице Эдуарда Исповедника, который вырос при дворе герцогов Нормандских. В течение его правления нормандское влияние в Англии усилилось, церковь, правовая и административная система испытали на себе воздействие соответствующих французских институтов. Этим пронормандским настроениям в какой-то мере противодействовал жесткий англосаксонский национализм ближайшего советника короля, Харольда, сына Годвина. Когда после смерти Эдуарда Исповедника и недолгого правления Харольда Вильгельм, герцог Нормандский, захватил английский трон, Англия была уже в некоторой степени готова к нормандскому правлению. Нормандское завоевание привело к централизации правления и объединило Англию раз и навсегда.

АРХЕОЛОГИЯ ЯЗЫЧЕСКОГО АНГЛОСАКСОНСКОГО ПЕРИОДА

Даже сегодня, несмотря на многочисленные раскопки поселений, археология языческого англосаксонского периода лучше всего представлена находками, обнару-

женными в захоронениях. Это главным образом фибулы, застежки, оружие и глиняная посуда. Некоторые из них мы обсудим подробней и последующих главах книги. Здесь же я хочу рассмотреть имеющейся материал в более широком контексте.

Англосаксонские племена практиковали как ингумацию[1], так и кремацию. Эти два обряда могли иметь самую разную форму, а иногда даже сочетались, — например, были найдены человеческие скелеты, лишь немного опаленные огнем. Хотя в большинстве англосаксонских ингумационных погребений умершие лежат прямо, в полный рост, были найдены и захоронения, где тела располагались в скрюченной позе — с коленями прижатыми к подбородку. Встречаются и другие разновидности погребений. В Абингдоне, например, нашли скелет человека, который лежал лицом вниз, а его левая рука была поднята и касалась лба. Иногда находят и двойные захоронения: в некоторых случаях тело помещают в старую могилу, сместив и разрушив останки ее прежнего «владельца», но бывает, что тела помещают рядом. Кремация также имела разные формы, хотя обычно сожженные кости собирались и помещались в урну. Ингумационные и кремационные захоронения могут представлять собой и обычные могилы и курганы. Довольно часто встречаются (особенно на территории бывшего Уэссекса) «смешанные» кладбища с ингумационными и кремационными погребениями, при этом ингумация преобладает — из 201 захоронения в Абингдоне (Беркшир) только 82 — кремации. В Кенте и «сакских» областях кремация была распространена главным образом в ранний период заселения, но даже в этих областях она встречается и в более поздние времена. На территориях, заселенных англами, крема-

[1] Ингумация — разновидность погребения, когда тело умершего хоронят в земле.

ция практиковалась наряду с ингумацией на протяжении всей языческой эпохи, хотя ингумация получила большее распространение к концу этого периода. Только в этой области находят кладбища с исключительно кремациями без ингумаций.

Англосаксы обычно не использовали старые романо-бриттские кладбища. В Макинге (Эссекс), например, англосаксонское кладбище расположено на некотором расстоянии от более раннего бриттского. Но встречаются и обратные примеры: так, англосаксонское кладбище в Йорке располагается в центре главного городского кладбища римского периода, а в Фрилфорде и Лонг-Уиттенгеме англосаксонские кладбища примыкают к более ранним римским. Такие примеры редки и, согласно гипотезе доктора Майрса, связаны с тем, что англосаксы в Британии и на своей континентальной родине устраивали кладбища в таких местах (скажем, среди курганов доисторической эпохи), которые уже почитались сакральными. (Похожую практику мы наблюдаем и позднее: язычники-викинги хоронили своих умерших на христианских кладбищах в Северной Англии.) Возможно, одна из главных причин отсутствия преемственности в использовании кладбищ между римским и англосаксонским периодами заключается в том, что англосаксы часто селились в областях, мало обжитых романо-бриттским населением.

В могилы умерших англосаксов помещали их личные вещи — фибулы, цепочку для ключей и корзинку для рукоделия для женщины, копье, щит и меч для мужчины. Иногда туда же клали пищу (в Мелбурне в захоронении была найдена челюсть овцы, а в другом погребении в Кембриджшире в могиле оказались яйца) и напитки в глиняных сосудах (например, рис. 20, *в*). При кремации часто вместе с человеком сжигали и его личное имущество. Если этого не делалось, то в захоронение вместе с прахом клали уменьшенные копии гребенок, ножей и т. д. Присутствие пищи и миниатюрных орудий указывает на то, что

за этим обычаем стояло нечто большее, чем существующая в наше время в некоторых странах традиция обряжать покойников в лучшие одежды. Считалось, что человеку в загробной жизни потребуются его вещи, некоторых даже размещали на их собственных кораблях, как в погребении в Снепе. Иногда рабов приносили в жертву и хоронили вместе с хозяином, но свидетельств подобной практики очень мало. Наиболее трагичный пример такого рода мы находим в Северби (Йоркшир), где женщину столкнули еще живую в полузасыпанную могилу и сбросили сверху на нее мельничный жернов.

Поскольку сохранившиеся произведения на народном языке были записаны христианами — обычно священниками, — не удивительно, что до нас не дошло практически никаких описаний языческих похоронных обрядов. Для того чтобы узнать кое-что об этих ритуалах, нам придется обратиться к скандинавской литературе. Отрывок из «Саги об Инглинах» в этом смысле весьма показателен.

«Один был после смерти сожжен, и его сожжение было великолепным. Люди верили тогда, что чем выше дым от погребального костра подымается воздух, тем выше в небе будет тот, кто сжигается, и он будет тем богаче, чем больше добра сгорит с ним»[1].

Великая англосаксонская эпическая поэма *«Беовульф»*[2] сообщает нам некоторые подробности относительно погребальных практик. Вот как описаны похороны самого Беовульфа:

---

[1] *Стурлуссон С.* Круг Земной / Пер. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1980.

[2] «Беовульф» — англосаксонская поэма, названная так по имени главного героя. Основное содержание ее составляет рассказ о победе Беовульфа над страшным чудовищем Гренделем и его гибели в схватке с драконом.

Костер погребальный
воздвигли ведеры,
мужи дружинные,
украсив ложе щитами, кольчугами, как завещал им
дружиноводитель
еще при жизни, —
там возложили на одр возвышенный
скорбные слуги
старца-конунга;
и скоро на скалах
вскипело пламя,
ратью раздутое;
черный взметнулся
дым под небо;
стонам пожара
вторили плачи
(ветра не было);
кости распались,
истлились мышцы,
сгорело сердце...
Дым от кострища
растаял в небе;
десять дней
насыпали гауты
курган высокий
над прахом владыки,
бугор могильный,
заметный издали,
морескитальцам
знак путеводный.
Ограду крепкую
вокруг могильника
они воздвигли,
из камня стены,
мужи искусные.
Захоронили
в холме сокровища,
добычу битвы,
витые кольца,
и все, что было
в пещере драконьей, —
и вернулось в землю
наследие древних,
и будет золото
лежать под спудом
вовек, как и прежде,
от смертных скрытое[1].

[1] Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Перевод В. Тихомирова. М., 1975. (Библиотека всемирной литературы; Т. 9).

Отрывок этот завершается полухристианской сентенцией, но языческие элементы в нем очевидны. В числе прочего в «Беовульфе» описываются похороны, когда судно вместе с умершим и сокровищами было отправлено в море.

Идея путешествия в мир мертвых почти столь же универсальна, как и мысль о том, что умершего надо снабдить оружием, инструментами, украшениями и пищей. Я не буду приводить доказательства, поскольку это заняло бы слишком много времени и места. Однако именно благодаря тому, что англосаксы разделяли эти представления, мы видим столько экспонатов, относящихся к периоду англосаксонского язычества, в наших музеях.

АРХЕОЛОГИЯ АНГЛОСАКСОНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

С 1913 г. до своей смерти в 1955 г. Е.Т. Лидс в ряде книг и статей пытался, на основе детального изучения археологического материала, определить области расселения англов, саксов и ютов. Его внимание было главным образом сконцентрировано на типологическом изучении простой англосаксонской фибулы. Один из его основных выводов, однако, касается географии: местоположение англосаксонских кладбищ, отметил он, никак не соотносится с системой римских дорог; пришельцы продвигались в глубь страны и селились по долинам рек. Он также указал, что англосаксы сторонились римских городов и фортов, этих величественных и пустынных каменных построек, которые они впоследствии назвали: «каменная диковина — великанов работа»[1]. Мы уже упоминали, что англосаксы редко использовали

[1] Руины / Пер. В.Г. Тихомирова под ред. О.А. Смирницкой. Древнеанглийская поэзия. М., 1982.

римские кладбища. Подобное равнодушие большей части саксов к реалиям римской Британии — ее повседневной жизни, системе коммуникаций и виллам, ее организованной армии и централизованному правлению — является интересной и необъяснимой особенностью англосаксонского завоевания. Версия Лидса относительно horror romani[1], возможно, нуждается в уточнении в наши дни. Недавние раскопки профессора Фрера доказали существование очень древнего англосаксонского поселения на месте римского города в Кентербери. Также было найдено два древних кладбища в Йорке. Кроме того, в северном и восточном Кенте, во всяком случае, расположение англосаксонских кладбищ соотносится с географией римских дорог.

Попытка Лидса выделить отличительные особенности англских, сакских и ютских захоронений и погребального инвентаря окончились неудачей. Мы уже говорили о том, что культура пришельцев, прибывших во время вторжений, уже была смешанной, и это отражено в археологическом материале. Однако сакский элемент среди поселенцев выделить можно. Анализ распространения круглых фибул, например, как показал мистер Лидс, а позднее — миссис Моррис, выявляет концентрацию их на юго-востоке Англии и в долине Темзы — областях, традиционно считавшихся сакскими. Такие фибулы впервые были обнаружены в низовьях Рейна, на материковой родине саксов. Соответственно, тот факт, что маленькие крестообразные фибулы, найденные в Кенте, имеют сходство с датскими находками, подтверждает указание Беды, что народ Кента происходит от ютов. По мнению доктора Майрса, детальное изучение керамики позволяет предположить, что в Восточной Англии больше поселилось эмигрантов непосредственно из Шлезвига, чем в Нортумбрии, которая,

[1] Ужас перед римским (*лат.*).

как указал Хантер Блэр, попала под англосаксонское владычество в результате мятежа англосаксонских наемников, нанятых бриттами, и в меньшей степени за счет прямой колонизации. Но в целом археологический материал периода образования поселений смешан настолько, что все попытки рассортировать его по «племенному» признаку остаются и, на мой взгляд, останутся тщетными.

В нашем распоряжении имеется множество археологических свидетельств того, что в Британии еще в период римского господства служили англосаксонские наемники. Наемники занимали те области, жители которых не могли оказать им сопротивление, и затем приглашали своих родичей с другого берега Северного моря присоединиться к ним. Наемники имели обычно смешанное происхождение, как и их родственники, что очень затрудняет изучение этого периода. Примером такой путаницы является, скажем, кладбище, где наряду со старой романо-бриттской посудой найдена англская и сакская; или тот факт, что сакские фибулы находят на территориях англов, саксов и ютов.

Вообще говоря, как только изначальная путаница периода завоевания заканчивается и поселенцы оседают на новой родине, в археологическом материале начинают ясно проявляться особенности: область Эссекса—Уэссекса—Суссекса отличается от Йоркшира—Мерсии—Суффолка и обе они — от богатого Кента. Но вопрос о том, насколько эти отношения связаны с племенными особенностями англов, саксов или ютов, а насколько — с характеристиками вновь формирующейся местной культуры, требует обсуждения.

Одну из главных особенностей археологии англосаксонского Кента составляют украшения с гранатом, и хотя такие украшения находят и в других областях, очевидно, что они главным образом сконцентрированы в пределах этого графства. Однако обнаружение большо-

го количества гранатовых драгоценностей в Саттон-Ху в Суффолке вынуждает археологов пересмотреть свои прежние взгляды. Украшения из Саттон-Ху некоторыми техническими деталями напоминают кентские, но имеют отличительные особенности. Различия позволяют нам выделить кентскую культуру, характеристики которой определялись не племенными особенностями, а экономическими факторами. Географическое положение Кента и его плодородные почвы всегда способствовали процветанию этого региона. Большинство ученых в настоящее время согласны, что гранатовые украшения были наиболее широко распространены во второй половине VI столетия и в первой половине VII, и обстоятельство это отражает богатство и могущество Кента в данный период, воплотившихся, в частности, в фигуре короля Этельберта Кентского, который имел тесные связи с континентом. Но называть эти драгоценности «ютскими», как это часто делается, значит исказить саму суть «кентской проблемы». Доктор Ходжкин разъяснил этот вопрос, написав: «Народность ютов... была создана после завоевания. И произошло это, очевидно, в Кенте». Реально, многие историки, используя слово «ютский», подразумевают «кентский». Когда Беда пишет о *Jutarum natio*, имея в виду живущих в Кенте и острове Уайт, это в действительности означает, что первые поселенцы в тех областях приплыли из Ютландии и получали подкрепления из той земли, также как из других северноевропейских областей. Таким образом, как только поселенцы осели в землях Кента, и они в силу новых условий и нового географического положения по отношению к франкам начали развивать собственную материальную культуру, также как они сформировали свою законодательную систему и народность.

Если говорить о материальной культуре англов и саксов, картина оказывается не столь ясной. Археологические данные касательно племен, заселявших эти области,

получены по большей части благодаря изучению простеньких украшений, англосаксонского варианта нашей нынешней бижутерии. Типологически этот материал делится на две группы, которые можно классифицировать как англские и сакские. Как мы уже говорили, сакские круглые фибулы были распространены в верховьях долины Темзы, Суссексе и Беркшире, а также кое-где на юге Мидленда. Этот тип фибулы часто встречается на континентальной родине саксов, и поэтому их «сакская принадлежность» в Англии не вызывает сомнения. Аналогично, если судить по географии распространения, то небольшое количество «запонок» — застежек, предназначенных для того, чтобы закалывать рукава на запястьях, — можно отнести к «англским» изделиям. Однако я предпочел бы воздержаться от «племенной» идентификации этих артефактов на основании того, что они часто встречаются в области расселения того или иного народа.

Один из типов крестообразных фибул (Оберг III и IV) чаще всего встречается в окрестностях Кембриджа, а также в некоторых местах в Йоркшире и Мерсии. До сих пор, насколько мне известно, ни одной фибулы этого вида не было найдено в сакских областях, однако подобный тип фибулы можно едва считать обычным для всего англского региона. Скорее, он возник в некоей конкретной местности и затем стал продаваться во всех прочих областях. Другой так называемый «англский» тип украшений распространен на такой обширной территории, что, хотя их, возможно, производили только в одном месте, нельзя определить иначе, чем «англские».

Тот факт, что предметы материальной культуры могли распространяться за счет торговли, всегда следует держать в уме. Мы еще вернемся к этому в последующих главах, но сейчас стоит привести несколько примеров того, какой долгий путь совершали отдельные изделия в ранний период англосаксонской истории.

Англосаксонские украшения были найдены в Германии, глиняные кувшины для вина из Нидерландов — в Кенте, кольца из слоновой кости из Африки довольно часто встречаются в англосаксонских погребениях, так же как и раковины каури из тропических вод Индийского океана. Зная, что эти вещи доставлялись на местные рынки из стран, лежащих от Англии на расстоянии тысячи миль, едва ли стоит делать далеко идущие выводы на основании того, где именно в Англии чаще попадается та или иная разновидность простых украшений.

САТТОН-ХУ

Размер книги не позволяет описать тысячи англосаксонских захоронений, раскопанных в Англии, но одно из этих погребений, обнаруженное в Саттон-Ху около Вудбриджа в Суффолке, заслуживает особого внимания. В нем была найдена коллекция артефактов — богатейшая и ценнейшая из всех, которые когда-либо были открыты на Британских островах. По своей значимости она может равняться разве что с сокровищницей из погребения Хильдерика, франкского короля, умершего в 481 г.

Захоронение было раскопано в Бельгии в 1653 г., но только несколько вещей из него сохранились после того, как воры ограбили парижский музей в 1831 г. Много богатых погребений было найдено в Англии до Саттон-Ху: Таплоу в Бакингемшире, Брумфилд в Эссексе, Коулоу в Дербишире и огромное количество захоронений в Кенте — но все они не идут ни в какое сравнение с сокровищницей короля Восточной Англии.

В 1939 г. археологи, работавшие в Саттон-Ху, начали раскопки овального кургана с углублением посередине, который располагался среди других могильников, на краю откоса, спускавшегося к реке Дебен. Форма кур-

гана, как выяснилось, объяснялась тем, что внутри него находился корабль. Полость образовалась из-за того, что обрушилась крыша деревянной погребальной камеры в средней части корабля, а также благодаря усилиям антикваров XVI или XVII столетия, которые, пытаясь проникнуть внутрь кургана, прорыли шахту в его центре. От корабля сохранились только отпечатки на песке, оставленные сгнившим деревом. Но благодаря умелой работе археологов эти отметины были зафиксированы так, что удалось восстановить строение судна и его общий вид (рис. 17). Первоначально длина судна составляла приблизительно 29 метров. Это было судно с обшивкой внакрой, похожее на то, которое было найдено в Нидеме на юге Ютландии. В отличие от знаменитых викингских судов, этот корабль ходил только на веслах. На нем не было мачты, зато сохранились отпечатки уключин. Не было обнаружено ни следов палубного настила, ни скамей для гребцов, зато в центре сохранились останки погребальной камеры с остроконечной крышей, в которой находился погребальный инвентарь.

На судне не нашли никаких остатков человеческих костей. Курган, вероятно, представлял собой кенотаф[1], памятник знатному и прославленному человеку.

Сокровища и личные вещи, найденные в захоронении, не оставляют сомнения в том, что это был королевский мемориал.

Предметы, найденные в погребении, можно разделить на три группы: а) домашняя утварь и простое оружие, б) личные украшения и личное оружие, в) королевские регалии. В первую группу входят разнообразные цепи, окованные железом деревянные ведра, котлы, гли-

[1] К е н о т а ф (*греч.* — пустая могила) — ложная гробница, не содержащая тела. Кенотафы сооружались чаще всего в память тех, чьи тела не могли быть найдены или похоронены. Подобный обычай существовал у многих народов мира и связан с поверьем, что дух умершего не находит успокоения, если у него нет могилы.

няная посуда (которая по форме напоминает кентскую, *сделанную на гончарном круге*), *дротики и ангоны*[1], боевые топоры с железной рукояткой и множество железных предметов, непонятно для чего предназначенных.

Были найдены и остатки музыкального инструмента, который вначале посчитали прямоугольной арфой; теперь большинство исследователей полагают, что это была круглая лира. Она была разбита перед погребением, и обломки помещены внутрь литой бронзовой чаши, привезенной из Александрии. Также в кургане находились остатки двух рогов для питья, оправленных в серебро, и множество кубков. Один из рогов был восстановлен, и получилось, что он вмещает шесть кварт[2].

Подобные артефакты, за исключением топора с железной рукоятью, постоянно встречаются в англосаксонских захоронениях. Но есть в этой группе и вещи более необычные, многие из которых прибыли издалека, как, например, *большое круглое серебряное византийское* блюдо с печатями императора Анастасия (491—518). Из *других предметов, доставленных из Средиземноморья*, следует упомянуть большую серебряную чашу, на которой вычеканено позднеантичное изображение женской головы. Серебряный ковш и небольшая чаща были найдены вместе с десятью полукруглыми серебряными площками (фото 3). В центре каждой площки изображен простой, геометрический или цветочный рисунок. Большой интерес представляет найденная пара ложек хорошо известного классического типа, на которых выгравированы греческими буквами имена Савла и Павла. Подобный намек на обращение апостола должен указывать на обращение или крещение влиятельного человека.

---

[1] А н г о н — разновидность метательного копья.

[2] К в а р т а — единица измерения объема жидкости, равная примерно 1,14 л.

Наконец, мы должны отнести к этой группе три бронзовые чаши с петлями для подвешивания и украшенные орнаментом, выполненным эмалью, в круглых, а в одном случае — в квадратной, плашках. Эти так называемые «подвесные чаши» продолжали делать до VIII столетия, некоторые поздние образцы была найдены в погребениях эпохи викингов в Скандинавии. Декор эмалевых плошек — скорее кельтский, нежели англосаксонский. Обычно в нем использовались элементы спирального орнамента, иногда, как в Саттон-Ху, дополненные небольшими вкраплениями цветного стекла, посаженными на эмаль. Эти осколки отсекали от жезла, состоящего из сплетенных и перекрученных нитей цветного стекла, — образцы таких жезлов были найдены в Ирландии и в монастыре Ярроу, где жил Беда.

О предназначении этих плошек много спорили. Тот факт, что в центре чаши из Саттон-Ху помещалось литое изображение рыбы на подставке (фото 11) и плошки украшены орнаментом внутри, свидетельствует о том, что *они предназначались для некоей прозрачной жидкости*. Недавно было высказано предположение, что они представляли собой аналог церковной «чаши для омовения пальцев», хотя существует мнение, что они служили светильниками. Возможно, рыба в подвесной чаше из Саттон-Ху изображала хорошо известный христианский символ. Если так, то литургическое предназначение чаши не исключено. Однако, если в чаше держали воду, присутствие рыбы кажется вполне естественным, и за ним не стоит ничего, кроме желания мастера, ее создававшего. Эти чаши, очевидно, изготовлены в кельтских землях, а некоторые, возможно, в Нортумбрии; утверждение доктора Франсуа Анри, что они представляют собой ирландскую работу, не кажется убедительным, если учесть, что подобные артефакты практически не встречаются в Ирландии и весьма распространены на англосаксской территории.

Вторая группа артефактов из кенотафа Саттон-Ху включает личные вещи и оружие, положенные точно вдоль линии киля, в центре погребальной камеры. Эти предметы для нас наиболее интересны. Меч с украшенным самоцветами яблоком и ножнами (фото 2), щит с изображениями птиц и драконов и шлем (фото 8), покрытый пластинами с выгравированным орнаментом, очень похожи на сходные предметы, найденные в богатых захоронениях Упланда в Швеции. Из Швеции они, скорее всего, и доставлялись. Украшения, однако, вероятнее всего, изготовлялись в Англии. В захоронении были обнаружены 19 золотых украшений: самым большим и наиболее впечатляющим из них является большая золотая пряжка для пояса (фото 7) 13,2 сантиметров в длину и весящая больше 14 унций. Поверхность ее украшает звериный орнамент-плетенка. Петля застежки покрыта более простой плетенкой, но на круглой пластинке над язычком мы видели тот же сложный орнамент. Все линии плетенок украшены маленькими кружочками, выполненными чернью.

Бросается в глаза различие между большой золотой пряжкой и более яркими, многоцветными украшениями, которые составляют большую часть среди личных сокровищ. Накладки на верхнюю часть кошелька (фото 9), например, представляют собой бордюр из золотой филиграни, оправу со вставками из граната и цветного стекла, к которой крепилась пластина из моржового клыка либо кусок кожи или другого материала; на нем помещались семь плашек и четыре страза. Плашки инкрустированы красными гранатами и мозаикой. В центре вверху располагается плашка с изображением четырех зверей, стоящих по два с каждой стороны; их тела переплетаются; по бокам — две плашки в виде шестиугольников. Ниже шестиугольников помещены фигурки людей, расположенные между двух стоящих на задних лапах животных, а по центру — два изображения

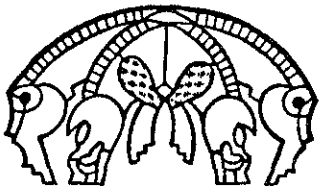


Рис. 3. Кабаны с застежки из Саттон-Ху

каких-то хищных птиц, повернутые в анфас и держащие в когтях добычу, возможно уток. Подлинным шедевром в этой технике является пряжка из двух половинок, которые крепятся к булавке, увенчанной звериной головой (фото 1). Пряжка была пришита к ткани или коже с помощью крепких ниток. Половинки пряжки похожи, хотя между ними есть небольшие отличия. Закругленные концы образованы изображениями двух кабанов, сплетающимися так, что задние ноги зверей (рис. 3) образуют внешний элемент орнамента, а головы оказываются в центре. Пространство между головой и ногами заполнено тонкой филигранью. Остальная часть пряжки состоит из прямоугольной рамки, с орнаментом-плетенкой, внутренность которой заполнена узором, выполненным в технике перегородчатой эмали. Среди украшений, обнаруженных в Саттон-Ху, едва ли найдется другое столь же изящное. Гранаты были очень тщательно отшлифованы, чтобы легко входить в ячейки, для которых они предназначались. Под каждым гранатом была помещена пластинка из золотой фольги, так что свет, отражаясь от нее под разными углами, проходил через гранаты. Эти предметы вместе с другими менее интересными украшениями, найденными в захоронении, составляют основную часть в собрании драгоценностей, которым присущи ярко выраженные местные восточно-английские черты (фото 4–6). Хотя они имеют сходство с изделиями из Кента, украшения из Саттон-Ху, как и остальные вещи, най-

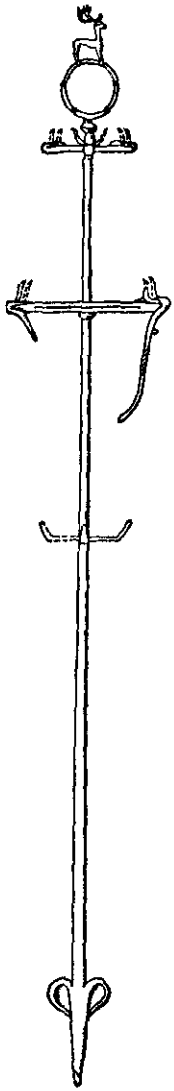


Рис. 4.
Штандарт из Саттон-Ху

денные в захоронении, были, очевидно, сделаны в Восточной Англии местными мастерами, но под влиянием шведской, франкской, а также других англосаксонских художественных школ.

Третью группу составляют символы королевской власти, железный штандарт и точильный камень, который можно рассматривать как скипетр. Штандарт сделан из железа, его длина составляет приблизительно 188 сантиметров; он представляет собой железный прут с навершием в виде кольца, увенчанным бронзовой статуэткой оленя. Его основание заострено в виде пики. Чуть ниже кольца расположены четыре короткие перекладины, каждая из которых заканчивается условным изображением бычьей головы. Приблизительно в 30 сантиметрах ниже кольца — железная перекладина с выступами в форме рожков, соединенных с железными прутьями, расположенными примерно посередине жезла. Сначала считалось, что этот артефакт использовали в качестве факела или подставки для светильника, но кажется более разумным предположить, что это тот самый штандарт, который, по словам Беды, несли впереди короля Нортумбрии Эдвина, — вещь уникальная для того времени.

Точильный камень (фото 10), найденный в Саттон-Ху, не несет на себе никаких признаков того, что его использовали по назначению. Напротив, тонкая резьба и бронзовая оправа свидетельствуют, что он предназначался совсем для иной цели. Он

имеет квадратную форму и достигает приблизительно 61 сантиметра в длину и сужается к краям. Округлые концы окрашены красным и забраны бронзовой сеткой. Под ними на обеих поверхностях вырезаны человеческие маски. Поверхность камня идеально отполирована. Ничего подобного среди находок англосаксонского периода не встречается, хотя осколок большого точильного камня с грубым изображением человеческого лица был найден в Линкольншире, а два небольших точильных камня с вырезанными на них человеческими масками обнаружены в западных кельтских землях. Тот факт, что точильный камень не использовался по прямому назначению, позволяет предполагать, что ему отводилась какая-то особая роль. Идея, что он был скипетром, получила всеобщее одобрение: по словам сэра Томаса Кендрика, «ничего похожего на этот чудовищный камень мы больше нигде не встречаем. Это — уникальная, варварская вещь. И невозможно признать его чем-либо иным, кроме как символом королевской власти и выражением той таинственной божественной природы, которая приписывалась кузнецам и их орудиями в северном мире». Согласимся ли мы с этим утверждением или нет, мы имеем дело с вещью, которая не имеет аналогов среди артефактов, типичных для англосаксонских захоронений.

Наконец, мы непременно должны упомянуть о еще одной очень важной разновидности предметов, найденных в погребении Саттон-Ху, — монетах. Там было обнаружено тридцать семь золотых монет, три золотых отливки и два небольших золотых слитка. Первоначально они лежали в кошельке, от которого остались только оправа и накладки. Монеты представляют собой *tremises* (третья часть солида, стандартной золотой монеты Римской империи), и все они франкской чеканки.

Датировка монет вызвала серьезные разногласия. Доктор Грирсон изначально предположил, что они были помещены в захоронение не ранее 650—660 гг.,

но доктор Кент недавно указал другую дату, а именно 625—630 гг. К сожалению, новая датировка не была принята большинством исследователей, и попытки датировать погребение и установить личность человека, в честь которого был создан кенотаф, вызывают жестокие споры.

Почти ни у кого нет сомнений в том, что человек, которому были оказаны такие почести и в могилу которого помещен столь богатый погребальный инвентарь, включая, очевидно, регалии, принадлежал к королевскому роду и был королем или по крайней мере членом восточно-английской королевской династии Вуфингов. В зависимости от датировки монет погребение могло принадлежать: Редвальду (умершему в 624/5 гг.), Эорпвальду (умершему в 627/8 гг. или 632/3 гг.), Сигеберту и Эгрику (которые оба погибли в 640/1 гг.), Анне (умершему в 654 г.) и Этельхере (умершему в 655 г.). Наиболее подходящий кандидат — несомненно, Редвальд, возможно, наиболее прославленный член династии, могущественный властитель и христианин-отступник, но, по моему мнению, он умер слишком рано, и даже если датировка монет, предложенная доктором Кентом, верна, другие археологические свидетельства не подтверждают эту версию. Анна был захоронен — согласно надежному источнику — в монастыре в Блитбурге, и кенотаф может принадлежать ему, только если его языческие соратники отдали таким образом дань его памяти, чтобы быть уверенными, что его душа получит необходимое после смерти, независимо от того, какая религия окажется правильной. Едва ли христианин Анна соорудил подобный памятник для Сигеберта, поскольку Сигеберт был монахом до тех пор, пока ему не пришлось уйти из монастыря, чтобы помочь Эгрику в войне против Пенды Мерсийского. Эгрик и Этельхере погибли в битве и более других соответствовали героическому идеалу эпохи, когда смерть в бою

считалась самой достойной. Эорпвальд, Эгрик или Этельхере могли с равной вероятностью удостоиться кенотафа. Мы, возможно, никогда не узнаем точно, кому он был посвящен, и нам остается только восхищаться богатством и славой королей Восточной Англии, в сокровищнице которых хранились самые прекрасные изделия, привезенные из Европы, а также чудесные вещи, доставленные с далеких берегов Средиземноморья. Короля, которому принадлежало это захоронение, можно поставить в один ряд с германскими или саксонскими королями Западной Европы.

Глава 2
ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

596: *В этом году папа Григорий послал Августина в Британию со множеством монахов, которые проповедовали слово Божье народу англов.*

Так лаконично «Англосаксонская хроника» описывает христианскую миссию в Англию. Христианизация Англии была длительным процессом. Потребовалось много десятилетий, например, для того, чтобы полностью исчезли языческие погребальные практики. Однако постепенно находки из захоронений теряют свое значение в качестве основного источника сведений о жизни и культуре англосаксов, и на смену им приходят совсем иные предметы. Церкви, церковная утварь, кресты и рукописи вытесняют горшки и фибулы, мечи и драгоценности неграмотного языческого народа. Церковь, принесшая с собой средиземноморскую культуру и знания, дала язычникам письменность и архитектуру, скульптуру и живопись и таким образом привнесла в жизнь англичан разнообразие и изысканность.

Христианство было известно в Британии еще до появления Августина. На севере и западе существовала сильная Кельтская церковь, основанная еще во времена римского владычества. Миссионеры этой церкви отправились из Шотландии и Ирландии на континент, очевидно предоставив захватчиков-саксов воле их языческих богов. В Кенте король Эдильберт женился на

христианской принцессе Берте, дочери франкского короля Шарибера, вместе с которой на остров прибыл и франкский епископ по имени Лиутард.

Но именно Августин убедил Эдильберта и его кентских подданных изменить веру. После этого начался медленный и трудный процесс христианизации Англии; и, возможно, самым большим триумфом миссии стало крещение короля Нортумбрии Эдвина в 626 г. Миссионерам, однако, пришлось пережить много разочарований, прежде чем их труды увенчались успехом и вся Англия перешла в христианство.

В нашем распоряжении имеется очень мало христианских реликвий доавгустиновского периода англосаксонской Англии. Сохранилось довольно много церковных построек римского периода, но очень мало церквей, которые использовались в период между уходом из страны римлян и миссией Августина, и свидетельства об их использовании крайне скудны. Одна из них — церковь Святого Мартина в Кентербери: часть ее апсиды, возможно, является фрагментом древнего храма, который посещала королева Берта до прибытия святого Августина. Сэр Эрик Флетчер недавно высказал предположение, что церковь в Стоуне (Кент) была частью церкви доавгустиновской эпохи.

Один из важных центров христианизации был обнаружен в результате раскопок в Иверинге (Нортамберленд). Там находился королевский дворец Эдвина, короля Нортумбрии, который под влиянием Паулина изменил свою веру. В предварительных отчетах обращает на себя внимание упоминание об останках большого деревянного сооружения, по своей конструкции похожего на римский cuneus[1]. На этом месте, вероятнее всего, проходили местные собрания, и легко представить, как

[1] Cuneus (*лат.*) — часть амфитеатра, где скамьи расположены клином.

Паулин проповедовал с помоста, расположенного в вершине клина.

Мы должны дождаться окончательного отчета о раскопках доктора Хоуп-Тейлора, но уже обнаружены останки, которые можно принять за церкви, и одно из них, возможно, было языческим храмом, который позже стал использоваться для христианских служб.

Обычно церковь англосаксонского периода состояла из нефа и апсида, перекрытых двускатной кровлей. Кроме того, могли присутствовать дополнительные архитектурные детали — портики, склепы, башни, галереи и даже, в поздний период англосаксонской истории, трансепты[1].

Церкви строились из дерева, камня, кирпича; иногда применялись два, а то и три разных материала. Хотя из письменных источников мы знаем о деревянных церквях в Линдисфарне, Гластонбери и Честер-ле-Стрит, до наших дней сохранился только один храм этого типа, а именно сильно перестроенная деревянная англосаксонская церковь Гринстед в лесистом графстве Эссекс. Стены этой церкви выстроены из вертикальных бревен, скандинавским способом, и, вероятно, она была возведена в начале XI столетия, когда датские короли управляли Англией.

В публикации мистера и миссис Тейлор утверждается, что больше чем триста англосаксонских церквей или их фрагментов сохранились до наших дней, и, хотя некоторые из них могут быть с большей вероятностью датированы ранним нормандским периодом, это исследование позволяет нам выявить главные особенности англосаксонской архитектуры. Хотя сохранилось большое количество останков англосаксонских церковных зданий, они разбросаны по всей стране, построены из

[1] Трансепт — поперечный неф или несколько нефов, пересекающих продольный объем в крестообразных по плану зданиях.

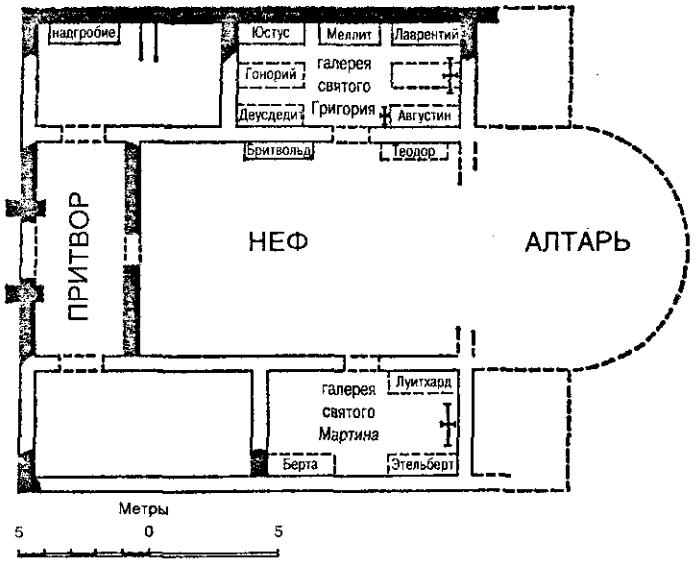


Рис. 5. План церкви Святых Петра и Павла в Кентербери (по Клепхему)

различных материалов и в разное время внутри периода больше чем в четыреста лет; кроме того, они отличались по своим функциям, богатству и значимости. Поэтому к любым обобщениям следует подходить с осторожностью. Множество церквей или их фрагментов мы можем датировать достаточно определенно. Мы знаем, например, что церковь Святых Петра и Павла в Кентербери была построена при жизни святого Августина, и что часть церкви в Монквермуте была освящена в 674 г., и возможно, что некоторые сохранившиеся фрагменты похожей церкви в Ярроу были освящены в 684 г. (камень с надписью сохранился до наших дней). Еще несколько церквей могут быть датированы, но большинство их относится к X или XI столетию. Другие церкви могут быть датированы только исходя из того, что им

присущи некоторые особенности, считающиеся отличительным признаком англосаксонской архитектуры.

Каковы же особенности англосаксонских храмов? Во-первых, планировка дает очень мало для выявления англосаксонских построек. Большинство сохранившихся до наших дней церквей состоят из прямоугольного нефа и прямоугольной апсиды. Некоторые ранние кентские церкви имеют полукруглую апсиду, кроме того, в той же области встречаются церкви с портиками, примыкающими к нефу, в то время как некоторые церкви позднего времени имели трансепты. (Характерная черта кентской церковной архитектуры заключается в том, что церкви строились обычно близко друг к другу и на одной оси; лучше всего эта особенность прослеживается на примере монастыря Святого Августина в Кентербери, где четыре отдельные церкви стоят в ряд.) Кроме того, невозможно датировать постройку, основываясь на технике кладки. Англосаксонские каменщики использовали любой материал, какой был под рукой, — от песчаника до тесаного камня, и, только исследуя вторичные детали, иногда возможно установить, что церковь была построена до Нормандского завоевания. Самой характерной разновидностью англосаксонской кладки была кладка с чередующимися вертикальными и горизонтальными камнями по углам здания, что хорошо видно на примере колокольни в Эрлз-Бартоне (фото 12). Эта техника похожа на «мегалитическую кладку», в которой большие обтесанные каменные блоки, превышающие по высоте «стандартные» камни, устанавливаются поочередно узкими концами по разные стороны стены. Использование больших камней в углах зданий можно признать характерной особенностью англосаксонской строительной техники, но у многих зданий мы не находим ничего подобного. Стены здания штукатурили внутри и снаружи, а в более поздний период — облицовывали прямоугольными панелями, как, например,

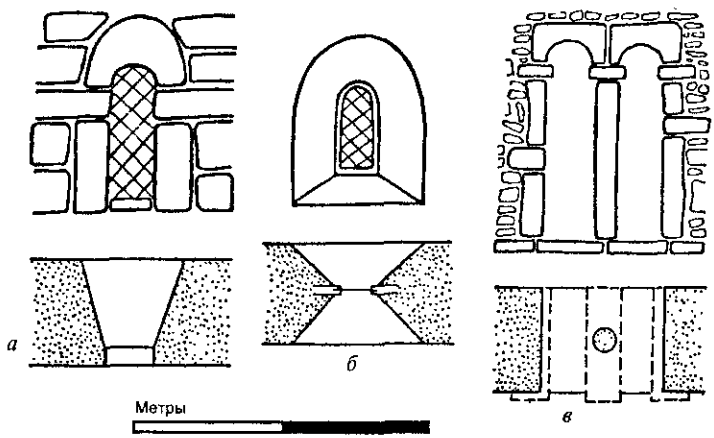


Рис. 6. Архитектурные детали англосаксонских церквей: *а* — окно с внутренним скосом; *б* — окно с внутренним и внешним скосом; *в* — двойной проем, разделенный колонной, поддерживающей стену

в церквях Эрлз-Бартона (фото 12) и Бредфорда-на-Эйвоне (фото 15). В некоторых случаях поясок и другие подобные архитектурные детали украшались; порой в стену вставлялись резные панели — как самостоятельный элемент или как часть общего убранства. Самый интересный пример в этом смысле представляет собой церковь в Бридон-он-Хилл (Лестершир), где уцелели скульптуры, хотя само здание не сохранилось. Так же как для большинства средневековых зданий форма проемов — арок, дверей, окна, — оформленных в виде островерхих арок, весьма информативна с точки зрения датировки. Кроме нескольких дверей и окон (фото 12), вероятно, позднего периода, все англосаксонские проемы имеют округлую форму. Верх арки был либо высечен из цельного камня, либо состоял из сводчатых камней, без четко выраженного замкового камня (фото 13). Окна (рис. 6) обычно имели внутренний скос; а в более поздние времена — и внутренний и внешний, причем в

некоторых местах (скажем, в Бредфорде-на-Эйвоне, фото 15) окна с внутренним скосом были переделаны на более современный манер. В конце англосаксонской эпохи арки колоколен (рис. 6, *в*) часто представляли из себя двойной проем, разделенный колонной, поддерживающей стену. Окна иногда застеклялись. Говорится, в частности, что в VII столетии Бенедикт Бископ выписывал из Галлии стекольщиков; следы их работы были обнаружены в ходе раскопок монастырей в Монквермуте и Ярроу. Стекла делались различных оттенков от темно-красного до белого и помещались в свинцовые желобки, чтобы создать впечатление мозаики.

Большие арки были обычно узкими и непритязательными, но иногда их украшали лепниной. Во многих случаях края арки были облицованы большими камнями, уходившими в толщу стен, которые укладывались попеременно то вертикально, то горизонтально, что видно на фотографии апсиды церкви в Эскомбе (Дарем) (фото 13), которая дала название самой технике — «эскомбская» (тот же прием использовался и в оформлении меньших проемов). Как и случае окон, сводчатые камни укладывались беспорядочно без замкового камня. Пяты арок обычно были квадратными, но иногда представляли собой выступающие плиты, порой со скругленными углами (как в Эскомбе, фото 13).

Одной из выразительных деталей в англосаксонской архитектуре являлась балюстрада. В ранний период, скажем в соборе VII столетия в Монквермуте, колонны имеют цилиндрическую форму; в более поздние времена, как, например, в колокольне в Эрлз-Бартоне (фото 12), они заметно расширяются в центре.

В приведенном здесь описании англосаксонской церковной архитектуры опущены многие подробности. Но особенности, перечисленные выше, могут быть использованы для построения примерной временной шкалы и датировки сохранившихся каменных строений англосак-

сонского периода, будь то большие соборы, подобные церкви Иисуса Христа в Кентербери, или соборы Винчестера (где ведутся сейчас раскопки), полувоенные постройки, как в Эрлз-Бартоне, небольшие церквушки, как в Эскомбе, и маленькие кельи, от которых остались лишь случайные обломки и следы.

Бенедикт Биском приглашал не только стекольщиков, но и каменщиков. Язычники-англосаксы строили деревянные здания и считали каменные постройки римлян «великанов работой». Интересно то, что христианская церковь, детище средиземноморской цивилизации, вернула в Англию искусство каменной кладки и вместе с ними искусство резьбы по камню. В Англии и на юге Шотландии сохранилось примерно 2500 образцов англосаксонской каменной скульптуры, и, хотя многие из них являют собой элементы архитектурного декора, основную массу составляют кресты и надгробные плиты. Большие каменные кресты, иногда высотой до 5 метров, которые встречаются особенно часто на севере Англии, должно быть, обозначали места собраний или места для проповедей. Высказывалось предположение, что эти кресты воздвигали в случаях, когда местное сообщество не могло построить церковь и что возле них совершались христианские обряды и служили мессу. Хотя в пользу этой гипотезы говорят многие факты, нельзя не упомянуть о том, что среди этих крестов попадаются настолько богато украшенные, что на те же средства и за то же время, которое требовалось для их возведения, можно было построить небольшую деревянную церковь. Из письменных памятников мы узнаем, что Виллибальд[1], который позже стал

[1] Виллибальд — родился около 700 г. в Англии, в 720 г. вместе с отцом и братом покинул родину, предпринял продолжительное путешествие в Палестину, в 729 г. возвратился в Италию и стал монахом в монастыре Монте-Кассино. Папа Григорий II убедил его в 739 г. последовать примеру брата и отправиться миссионерствовать. Виллибальд приехал в Германию, основывал монастыри и содействовал распространению христианства.

миссионером и епископом, в детстве тяжело заболел, «и его отнесли к Распятию Христа. В то время у саксов было в обычае воздвигать кресты для ежедневных молитв во владениях добрых и благородных людей, там, где не было церквей».

Сохранившиеся кресты почти все располагаются в церковных дворах, а те из них, которые ныне находятся на рыночных площадях, как крест в Сандбахе в Чешире, были, скорее всего, перенесены туда во время Реформации. Даже после постройки церквей кресты использовались как место для проповедей. Святой Освальд Вустерский, например, в X столетии часто проповедовал около креста своим прихожанам, которых было слишком много, чтобы они все могли поместиться в его небольшой церкви. Кресты, подобные Бьюкастлскому в Камберленде или Рутвелскому в Дамфрисшире (фото 53), представляют большую группу, которую использовали, говоря словами сэра Томаса Кендрика, «в качестве рекламы библейской истории». Можно предположить, что подобные кресты устанавливали на месте старых деревянных крестов, воздвигнутых первыми миссионерами, в память об обращении, но доказать эту гипотезу очень сложно и, на мой взгляд, практически невозможно. Многие из этих крестов были разбиты в период Реформации. В соответствии с актом Собрания шотландской церкви, например, датированным 1642 г., «идолопоклоннические памятники в Рутвелле» должны быть уничтожены.

Каменные кресты и мемориальные камни существенно различались по форме и размерам. Некоторые надгробные камни, например как в Хартлпуле, фактически захоронены в могиле. Они имеют квадратную форму, и на них выгравирован крест и имя того, в честь кого этот камень положен. Другие, скажем надгробные плиты X столетия на северо-западе Англии, представляют собой «лежачий» камень, по форме напоминающий двускат-

ную крышу. Огромное большинство памятников имело форму крестов, высотой до трех метров, установленных в изголовье могилы. Обычай ставить могильные плиты заимствован у римлян, среди которых он имел широкое распространение, и у кельтов, которые воздвигали мемориальные камни на своих захоронениях в Западной Британии. Естественно, ничего подобного не существовало у далеких германских предков англосаксов.

В источниках много говорится о богатстве церкви в англосаксонский период. Между 970 г. и Нормандским завоеванием аббатству Эли было сделано огромное количество подношений, в том числе — четыре серебряные фигуры святых дев, украшенные драгоценными камнями, золотое распятие, многочисленные серебряные и золотые кресты, и из них по крайней мере один с фигурой Христа, рака, украшенная золотом и самоцветами, с мощами святого Вендреда, исполненная из золота и серебра, в натуральную величину статуя сидящей Девы Марии с младенцем, епископский крест, серебряная дароносица в форме башни, чаши, потиры, кадило и множество роскошных тканей. Многие из этих предметов исчезли, когда монахам Эли пришлось заплатить штраф Вильгельму Завоевателю. В 1074 г. фигуры четырех дев, фигуру Девы Марии и младенца, кресты, книжные оклады, чаши, потиры, кубки и блюда были принесены в жертву, чтобы получить требуемую сумму тысячу марок. Подобные вещи редко доживают до наших дней, но две находки позволяют оценить, какими сокровищами владела церковь. Первая — это рака святого Кутберта, а вторая — клад из Трухиддла.

17 мая 1827 г. группа священников и рабочих собралась в часовне Даремского собора, чтобы вскрыть предполагаемую могилу святого Кутберта, умершего в 687 г. в своей хижине отшельника на острове Фарне. Церковь этого святого была разграблена в период Реформации. Сохранился детальный отчет о вскрытии гроба и его

перезахоронения специальными уполномоченными Генриха VIII. К счастью, останки святого вместе с легким деревянным гробом, датированным VII столетием, а также частью других предметов сохранился до XIX столетия, когда снова произвели вскрытие могилы. Члены капитула нашли не только скелет святого Кутберта и останки других святых, но и некоторые вещи, помещенные в могилу или во время похорон Кутберта, или при одном из более поздних повторных вскрытий гроба в течение раннего Средневековья. Только пять предметов, датированных периодом жизни святого Кутберта, сохранились до наших дней. Это — наперсный крест святого, небольшой переносной алтарь, гребенка, Евангелие и сам гроб.

Длина наперсного золотого креста с гранатами, заполняющими ячейки геометрического орнамента из смыкающихся прямоугольников, 6 сантиметров. В центре его располагается круглый гранат, а к верхнему концу крепится петля для подвешивания.

Крест полый внутри. Цилиндрический каст в центре поддерживает круглый гранат, под который подложена белая раковина из тропических морей. Узор из гранатов в центре и на перекладинах креста обрамляет бордюр из брусочков и бусин и ряд ложных заклепок в виде маленьких золотых цилиндров, увенчанных золотой гранулой. Крест замечателен тем, что он выполнен в технике языческих англосаксонских ювелиров. Другие подобные кресты были найдены в Уилтоне и Иксворте (фото 41, 42); и небольшой золотой крестик с гранатом в центре является одним из элементов ожерелья из Десборо. Все вместе эти артефакты служат свидетельством того, что принятие христианства не вызвало сразу резкого изменения ювелирной техники, но об этом мы поговорим чуть позже.

Переносной алтарь святого Кутберта — самый ранний, но не единственный переносной алтарь англосак-

сонского периода. Первоначально он представлял собой прямоугольный дубовый брусок размером 13,3 на 12 сантиметров с надписью «IN HONOREM S PETRU» («в честь святого Петра») и с вырезанными на нем пятью крестами: один в центре и по одному в каждом углу. При жизни Кутберта или вскоре после его смерти алтарь был помещен в серебряный кожух, покрывавший его. На одной его стороне и сейчас можно различить фигуру сидящего святого Петра. Оборотная сторона украшена лиственным орнаментом и надписью, разобрать которую не удается.

Такие переносные алтари, которыми пользовались священники и епископы в своих миссионерских путешествиях, были, по-видимому, вполне обычной вещью. Симеон Даремский упоминает о деревянном алтаре, найденном во время перезахоронения в середине XI века святого Акки, епископа Хексхемского, который умер в 740 г. Он состоял из двух кусков дерева, скрепленных серебряными гвоздями, и на нем имелась надпись во славу святой Троицы, святой Девы Марии и святой Софии. В парижском музее Клюни имеется еще один англосаксонский алтарь из порфира, установленный на дубовом основании и скрепленный с ним позолоченными пластинами из серебра (фото 16). Длина его составляет около 26 сантиметров, а по краю нанесена надпись чернью (чернь — черный сульфид серебра). Серебряная оправа порфира украшена рисунками: наверху — распятие, а слева и справа от него символы святого Луки и святого Иоанна; внизу изображение агнца Божьего, а по бокам — символы святого Марка и святого Матфея. На длинных сторонах — святой Иоанн и Дева Мария с двумя архангелами, Гавриилом и Рафаилом. Задняя часть алтаря была покрыта бархатом, который удерживали небольшие серебряные пластины. Этот алтарь относится к концу X столетия. Большие алтари, которые с уверенностью можно было бы датировать

периодом до Нормандского завоевания, в Англии до наших дней не сохранились, но имеются их описания; скажем, описание алтаря в Рипоне, обитого пурпуром с золотой вышивкой.

Кроме того, в могиле святого Кутберта был найден большой двухсторонний гребень из моржового клыка с тонкими зубцами на одной стороне и более толстыми — с другой. В центре гребня сделано отверстие, и его сплошная часть с одной стороны выпуклая, а с другой ровная. Гребенку, вероятно, сделали при жизни святого и, хотя свидетельств ее литургического использования нет, почти наверняка ее использовали во время мессы, как это иногда практиковалось в более позднюю эпоху.

Гроб сделан из дуба и украшен изображениями святых и архангелов.

Возможно, наибольший интерес из реликвий, связанных с именем святого Кутберта, представляет одеяние, особенно епитрахиль, орарь и пояс.

Надписи на епитрахили и ораре сообщают нам, что они изготовлены по приказу королевы Элффлед для епископа Фритестана. Королева Элффлед умерла самое позднее в 916 г., а Фритестан был епископом Винчестера с 909-го по 931 г., так что одеяния, вероятно, были изготовлены между 909-м и 916 гг. Скорее всего, их передал церкви Святого Кутберта пасынок Элффлед, король Этельстан, приблизительно в 934 г., поскольку сохранилась запись о передаче этому святилищу различных даров, в том числе ораря, епихитрали и пояса. Богато расшитая епихитраль украшена изображениями шестнадцати пророков, отделенных друг от друга листьями аканта. В центре помещается изображение агнца Божьего. На концах фигуры святого Фомы и святого Иакова. Орарь расшит так же; единственное различие заключается в том, что в центре изображена рука Бога, а по сторонам от нее фигуры пап Сикста II и Григория Великого, а также святого Лаврентия и святого Петра. Концы украшены фигурами

святого Иоанна Крестителя и святого Иоанна Евангелиста; все изображения идентифицируются по надписям. Цвета вышивки поблекли, и теперь трудно определить, какими они были первоначально. Недавняя реставрация, однако, показала, что наряду с самой распространенной в то время золотой нитью использовались также синевато-зеленая, серовато-зеленая, бледно-розовая, темно-коричневая и темно-зеленая. Возможно, примерно такую епитрахиль святой Дустан повелел вышить для леди Этелвюн несколькими годами позже. Эти одеяния представляют интерес не только с художественной, но и с исторической точки зрения, поскольку это единственные англосаксонские церковные облачения, сохранившиеся до наших дней.

Клад из Трухиддла по многим причинам является одной из самых значимых находок англосаксонского периода. Он был обнаружен в 1774 г. во время земляных работ в Трухиддле, около Сен-Остелла (Корнуолл). Клад содержал помимо множества монет, позволяющих датировать его приблизительно 875 г., оправу рога, украшенную звериным орнаментом, который дал название художественному стилю того периода — «трухиддлский стиль». Большинство находок из этого клада хранится в Британском музее. Сейчас для нас представляют интерес два предмета церковной утвари — серебряный хлыст и потир. Говоря о потире, нужно отметить, что до наших дней сохранилось только два потира англосаксонской эпохи. «Трухиддлский потир» сделан из серебра, высота его около 13 сантиметров. По верхнему краю и у начала «ножки» проходит бусинный бордюр (фото 17). Потир, найденный в 1104 г. в гробнице святого Кутберта вместе с дискосом, не дошел до нас, но мы можем предположить, что он походил на позолоченный бронзовый потир, обнаруженный в церкви, который основал святой Уилфрид в Хексхеме: небольшой, всего 6,5 сантиметров в высоту, он, вероятно, представлял собой «до-

Рис. 7. Гандерсхеймский ларец. Брауншвейг, Музей герцога Антона Ульриха

рожный вариант» и использовался вместе с переносным алтарем типа алтаря святого Кутберта. По форме он напоминает чашу из Трухиддла и в целом сходен с большим потиром Тассило (высотой 26,7 сантиметров), главным сокровищем монастыря Кремсмюнстер в Австрии (фото 61). Потир Тассило был изготовлен для монастыря по приказу герцога Тассило, между 777-м и 788 гг., возможно, англосаксонским мастером или ремесленником, знакомым с англосаксонской техникой работы по металлу.

Второй артефакт из клада в Трухиддле — хлыст или бич — уникален. Помимо него, бичи нам известны

только из письменных памятников. Их делали из серебряной проволоки, заплетенной тем способом, который сейчас называют «французским вязанием».

Ни один епископский посох англосаксонского периода не сохранился, хотя по ирландским образцам и иллюстрациям мы можем представить себе, как они выглядели. Судя по навершию посоха более позднего периода, вероятно из гробницы епископа Ранулфа Фламбарда Даремского (умершего в 1128 г.), в те времена епископский посох ничем не отличается от того, которым пользуются современные епископы. Посохи с Т-образным навершием также встречались, и один образец такого навершия, выполненного из слоновой кости и датируемого началом XI в., был найден в Алнестере. Другой похожий посох англосаксонской работы находится в сокровищнице Кельнского кафедрального собора.

До нас дошли и некоторые другие предметы церковной утвари. Например, в Британском музее хранится крошечный кувшин, который мог использоваться в литургических целях. Он сделан из позолоченной бронзы и, вероятно, относится к XI столетию. В том же самом стиле выполнены футляры для кадильницы из Перхора, Кентербери (фото 79) и Лондон-Бридж. Эти три футляра квадратные в сечении и сужаются кверху. Сама кадильница, вероятно, имела сферическую форму, и всю конструкцию подвешивали на четырех веревках или тонких цепочках, которые пропускались через петли футляра, и таким образом можно было регулировать высоту. Подобное приспособление изображено на одной из миниатюр Псалтыри XI столетия, хранящейся в Британском музее.

Единственный сохранившийся англосаксонский алтарный крест хранится в сокровищнице церкви Святого Годула в Брюсселе. Гораздо более роскошный образец мы видим в рукописи XI столетия из Винчестерского Нью-Минстера. Небольшое распятие XI в. с фигурой Христа из моржового клыка, которое хранится в Музее Виктории и

Альберта, и крест, находящейся в сокровищнице в Маастрихте, — вот и все, что осталось от бесчисленного множество подобных предметов. Массивный деревянный крест, окованный серебром и называемый крестом Руперта, хранится в церкви Бишофсхофтен, около Зальцбурга в Австрии. Несомненно, его сделали в Англии в VIII в.

Большое количество кельтских реликвариев и рак дошло до наших дней, но англосаксонских реликвариев почему-то уцелело не так много. Две черненые серебряные пластины из Британского музея, вероятно, некогда были частью раки в форме дома; подобный тип был распространен в свое время повсюду в Европе (фото 18). Подобные артефакты англосаксонской работы из самшита и моржового клыка имеются в иностранных собраниях, например Гандерсхеймский ларец (рис. 7). Другой образец хранится в собрании доктора Нельсона. Это самшитовая шкатулка с изображениями сцен религиозного содержания. На раке из Мортена (Франция) имеется надпись англосаксонскими рунами.

В источниках говорится, что Бенедикт Бископ украшал церковь в Монквермуте изображениями сцен из Нового Завета, в то время как в церкви Ярроу, кроме подобных картин, имелись изображения, иллюстрирующие связь между Ветхим и Новым Заветом. Ни одно из произведений англосаксонской живописи не сохранилось, и мы понятия не имеем, что они собой представляли. И поскольку в нашем распоряжении нет ничего, кроме остатков краски на мемориальных камнях и других резных каменных скульптурах (например, викингский мемориальный камень с кладбища Святого Павла в Музее Гилдхалла, Лондон, фото 74), остается только сожалеть о том, что мы не можем, подобно Леланду в XVI столетии, любоваться великолепной росписью Рекулверской церкви в Кенте.

Одним из прекраснейших детищ англосаксонского христианства являются церковные книги и особенно

Библии, часто великолепно иллюминированные, которые, к счастью, дошли до нас в достаточном количестве. Они представляют особую ценность для изучения англосаксонского искусства, и мы поговорим о них подробнее в последующих главах. В англосаксонской Англии писцы достигали таких высот мастерства, что равных им трудно найти на континенте, и как англосаксонские умельцы изготовляли панели для алтаря церкви Святого Петра в Риме, так и англосаксонские писцы трудились в новых монастырях Германии и Франции. В то же самое время чужеземные мастера работали и в Англии. Мы уже говорили, что стекольщики и каменщики были приглашены в Нортумбрию Бенедиктом Бископом, а намного позднее кафедру и распятие в Беверли описывали как работу «немецких мастеров».

Влияние христианства заметно и в светских вещах. Так, на задней стороне большой серебряной фибулы из Саттона (остров Эли) начертано имя Господа (фото 78). На наноснике шлема из Бенти-Грейндж имеется инкрустация серебром, изображающая крест. Король, которому посвящен кенотаф в Саттон-Ху, владел парой ложек с выгравированными на них именами Савла и Павла, символизирующими крещение. На кольце королевы Этельсвит изображен агнец Божий. На винчестерской пластинке из моржового клыка вырезаны ангелы (фото 75), а рука Бога представлена на монетах Эдварда Старшего и других англосаксонских королей. Подобные примеры использования христианской символики свидетельствуют о том, что христианство играло важную роль в сознании повседневной жизни англосаксонского общества.

Глава 3
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Англосаксонское общество было, по сути, аграрным. Основой экономики служило сельское хозяйство, и люди всех сословий жили преимущественно на земле — в деревнях или на отдельных хуторах; только ремесленники проживали в городах, но их было крайне мало. В течение последних нескольких лет были сделаны первые шаги к тому, чтобы описать жизнь англосаксонских сельских жителей с учетом новых данных об их домах и поселениях. Имеющиеся археологические свидетельства относятся к различным периодам и разным экологическим и климатическим условиям. Однако несмотря на это, существует соблазн попытаться изобразить некую общую картину англосаксонской жизни.

В англосаксонской Англии существовало четыре основных сословия; терминология с течением времени менялась, но для наших целей достаточно сказать, что это были: король, знать, йомены и рабы (я специально не использую древнеанглийских названий). Границы между этими классами оказывались достаточно размытыми. Перейти из сословия в сословие при наличии соответствующих качеств оказывалось не так трудно; теоретически даже королевская власть не считалась наследственной.

Я не стану вдаваться в подробности, скажу только, что предложенная общая классификация удобна при описа-

нии разных типов жилищ. Поскольку большинство поселений, о которых здесь пойдет речь, были открыты археологами относительно недавно, то мои рассуждения носят предварительный характер.

В настоящее время получены археологические данные о двух королевских резиденциях: Иверинге в Нортумбрии и Чеддере в Уэссексе. В Иверинге доктор Хоуп-Тейлор обнаружил *villa regalis*, упомянутую Бедой в его «Церковной истории», в отрывке, посвященном принятию Нортумбрией христианства в 627 г.:

«Так велики были стремление нортумбрийцев к вере и их жажда спасения, что Паулин, придя однажды во дворец короля и королевы Гефрине, тридцать шесть дней проповедовал и крестил приходивших к нему. При наследниках Эдвина этот дворец был заброшен и выстроен другой в месте, называемом Мэллинх»[1].

Раскопки выявили три периода строительства: первый начался на рубеже VII столетия, возможно в правление Этельфрита (592—616), и продолжался во времена Эдвина (умер в 632 г.). Во второй период город восстанавливали после пожара, возможно связанного с разорением Нортумбрии в 632 г. На третьем этапе город перестраивали, вероятно, по повелению Осви (654—670), после второго пожара, который доктор Хоуп-Тейлор соотносит с вторжением Пенды, короля Мерсии. В восточной части в конце VI столетия был построен форт, где жители в случае опасности могли скрываться. Город, вероятно, существовал во времена короля Эдвина и включал в себя некоторое количество построек, из которых одна, самая внушительная, скорее всего, служила королевским дворцом (рис. 9, *а*). Это прямоугольное здание имело две боковые пристройки и отгороженное от остального помещения отделение в восточном конце. Длина здания равнялась 27 метрам. Стены были

[1] Перевод В. Эрлихмана. С. 66.

выстроены из вкопанных в землю стоячих бревен без поперечен. Крышу строения частично поддерживал ряд опор, стоявших вдоль стены. Неподалеку располагалось несколько меньших зданий той же конструкции, вероятно жилища знати. Доктор Хоуп-Тейлор считает, что одно из них было языческим храмом, после принятия христианства превращенным в церковь.

Другое здание имело утопленный в землю пол. Но наиболее интересное сооружение из имеющихся — ряды скамей, расположенные так, что вместе они напоминают кусок, вырезанный из круглого пирога, и помост по центру этого клина, в его «клюве». Предположительно, это было место собраний. Возможно, именно здесь Паулин проповедовал новую веру народу Берниции.

Во второй период здания перестраивались, но незначительно, рядом с ними была возведена деревянная церковь, вокруг которой возникло кладбище.

Недалеко от Эдинбурга, в самой северной части Нортумбрии — в Дун-Хилле (Данбар), — доктор Хоуп-Тейлор раскопал здание, обнесенное частоколом, очень похожее на «дворец» в Иверинге. Оно в свое время сгорело, но было отстроено в первоначальном виде. Хотя этот дом короче своего собрата в Иверинге на 2,5 метра, он имел такую же конструкцию и пропорции. Окончательные результаты раскопок еще не опубликованы, однако не приходится сомневаться, что это здание, построенное в VI в., сходно с постройкой в Иверинге. При этом такой тип постройки нельзя считать чисто англосаксонским или германским, ибо известно, что в указанный нами в качестве датировки период в этой местности жили кельты. Соответственно, его можно счесть порождением местной традиции, не обязательно связанной с германским типом дома, которые обычно считают прототипом англосаксонских зданий.

Раскопки в другой королевской резиденции — Чеддере — вел мистер Филипп Ратц. Это место весьма зна-

менательно для англосаксонской истории. Уитэны (Национальная Ассамблея) собирались в этом городе в 941, 956 и 968 гг.; он также упоминается в завещании короля Альфреда и в грамоте короля Эдви (955—959). Его история продолжалась и после Нормандского завоевания, и наиболее впечатляющая его постройка — дворец XII в.

Самой ранней постройкой, обнаруженной в Чеддере, является здание со множеством пристроек, датируемое IX столетием. Оно (рис. 9, *б*) имело длину приблизительно 25 метров, слегка наклонные стены и боковые входы. Стены были построены из вертикальных бревен, вкопанных в землю на расстоянии приблизительно 22 сантиметров друг от друга. Промежутки, вероятно, были перекрыты досками и прутьями. Внутри зала был обнаружен участок обожженной глины (к югу от главного входа); там, вероятно, располагался очаг. По поводу двойного ряда столбов на западной стороне разгорелся спор. Высказывалось предположение, что они поддерживали крышу или пол второго этажа. Но такая гипотеза, вполне допустимая с исторической точки зрения, в данном случае кажется маловероятной.

Ко второму периоду в Чеддере относится большое здание (рис. 9, *в*), которое имело длину 19 метров и сохранялось, хотя и со множеством переделок, вплоть до XII в. Оно было прямоугольным; две двери располагались на фронтонах. И это здание, и его предшественник находились в окружении других меньших построек. Маленькая часовня, например, датируется тем же временем, что и более поздний дом, как и небольшое четырехугольное здание, а также некое строение, которое предположительно представляло собой «птичий двор».

Археологами изучены только два королевских жилища англосаксонского периода — в Иверинге и Чеддере, хотя в Олд-Виндзоре во время раскопок были обнаружены останки англосаксонского дворца более позднего

времени. Королевские резиденции, вероятно, не слишком отличались от жилищ самых богатых представителей знати. Лучшим примером такого жилища служит усадьба богатого землевладельца позднего периода англосаксонской истории (XI столетие) в Сулгрейве в Нортхемптоншире. Брайен Дависон обнаружил там дом и ворота с башней; позднее усадьба была окружена земляной насыпью. Раскопки еще не закончены, но у нас имеется достаточно фактов, чтобы сделать некие предварительные выводы.

Самая первая постройка, возведенная на этом месте, — длинный деревянный дом чрезвычайно сложной формы — датируется примерно 1000 г. Стены, по всей видимости, были обшиты досками. В западном конце здания находилась открытая веранда. Через дверной проем можно было пройти в маленькую комнату, а затем в главный зал. Две двери располагались друг напротив друга на боковых стенах, в центре зала помещался очаг, а вдоль стен стояли скамьи. Самая восточная пристройка возвышалась на каменном основании высотой около метра. По-видимому, у здания имелся и второй этаж, который был шире первого. Рядом с домом и на одной линией с ним у западной части стены были обнаружены ямы от столбов некоего квадратного сооружения.

К северу от дома располагалась башня, в стене ее (приблизительно 56 сантиметров толщиной) была прорублена прямоугольная дверь шириной в метр. Усадьба донормандского периода в Сулгрейве включала в себя дом и башню, все, что требовалось тэну в ту эпоху. Согласно документу XI в.:

«Если кэрл (йомен) достаточно зажиточен и имеет пять гайд[1] земли (церковь и кухню), колокол и ворота

[1] Гайда — участок земли, который можно возделать одним плугом с упряжкой в 4 пары волов. Такая гайда составляла 120 акров. В некоторых источниках гайда считается равной 80 или 100 акрам.

для замка, место и особую должность в королевских палатах, тогда он вправе именоваться *тэном* (благородным)».

Таким образом мы находим в Сулгрейве дом некоего зажиточного землевладельца, который позднее был превращен в укрепленную резиденцию нормандского рыцаря. Присутствие башни наводит на мысль, что башня церкви в Эрлз-Бартоне, расположенная на расстоянии нескольких миль от Сулгрейва, которая также обнесена земляными укреплениями, могла быть частью подобного же комплекса, состоящего из церкви и дома. Пока Сулгрейв — единственное обнаруженное в ходе раскопок жилище, которое идентифицируется как усадьба *тэна*, хотя останки здания, которые профессор Барри Кантиффом обнаружил в пределах римского форта в Портчестере (Гэмпшир), могут оказаться чем-то подобным.

В Портчестере обнаружены следы постройки V столетия с утопленным полом и ямы от столбов, расположенные на северо-запад от нее. Прямоугольное здание VIII—IX вв., около семи метров длиной, представляет следующий этап застройки. Но наибольший интерес для нас представляет группа зданий, построенных в период с IX по XI столетия. Они (рис. 9, *г*) датируются исходя из того, что их останки находятся под слоем, содержащим обломки керамики XII в., а по черепкам, обнаруженным в культурном слое, можно сказать, что поселение существовало на протяжении достаточно длительного периода. Было обнаружено пять строений: строение 1 — деревянное здание со стенами из вертикальных столбов, переплетенными тростником, обмазанными глиной; строение 2 — здание, которое два раза перестраивалось, скорее всего, отдельно стоящая башня, обмазанная снаружи глиной; строение 3 — зал длиной около 13 метров; строение 4 — еще одно прямоугольное здание длиной приблизительно 10 метров; и строение 5, также прямоугольной формы.

Профессор Канлифф истолковал историю поселения так: строения 1, 3 и 5 и первый вариант здания 2 принадлежат одному периоду. Во втором периоде строение 3 было снесено, и на его месте возникло кладбище из приблизительно восемнадцати могил. В это же самое время была возведена заново западная часть строения 1, сооружено строение 4 и перестроено здание 5. На третьем этапе перестроили башню.

История Портчестера очень сложна, и раскопки там только начаты, поэтому делать выводы, на мой взгляд, пока рано. Книга Страшного Суда[1] сообщает, что на этом месте находилось поместье. В 902 г. оно принадлежало королю и использовалось в качестве укрепленного лагеря во время войн с викингами, после Норманского завоевания на этом месте был возведен замок, который не упоминается до 1153 г., но, вероятнее всего, был построен к 1100 г. Обнаруженный комплекс зданий поэтому нельзя однозначно идентифицировать как усадьбу тэна, хотя аналогия со строениями в Сулгрейве обращает на себя внимание. Мы не можем пока точно определить назначение каждого здания, хотя среди них, бесспорно, были башня, церковь и дом человека, который вполне мог быть тэном.

Короли, эрлы и тэны имели собственные дома и владения, но большинство населения англосаксонской Англии составляли *кэрлы*, или свободные землепашцы. Именно в течение англосаксонского периода деревни заняли важное место в общей картине английской жизни, и археологические данные, относящиеся к этой теме, мы сейчас обсудим. Данные эти по ряду причин весьма скудны и неудовлетворительны. Во-первых, многие из деревень, возникших в течение англосаксонской эпохи, располагались на месте современных населенных

[1] Книга Страшного Суда — книга с данными первой всеанглийской земельной переписи, проведенной в 1086 г. по повелению Вильгельма Завоевателя.

пунктов, что сильно затрудняет раскопки. Во-вторых, раскопки целого поселения — очень дорогая процедура и их трудно финансировать. В-третьих, они занимают много времени, и пока мы еще не получили ни одного детального отчета о раскопках англосаксонских деревень, хотя некоторые шаги в этом направлении уже предприняты.

До сих пор у нас нет свидетельств — ни исторических, ни археологических, — что римская система вилл сохранилась в англосаксонскую эпоху. В этом отношении Британия отличается от Галлии, поскольку в южной и центральной Франции мы находим убедительные подтверждения преемственности между прежними виллами и новыми поселениями — в частности, в названиях. В Англии дело обстоит совсем по-иному. Если не брать города, очень незначительное количество названий населенных пунктов восходят к римским. Большинство имеет англосаксонское происхождение, что говорит о том, что именно англосаксы, а не римляне сформировали существенную структуру поселений в сельской местности. При раскопках римских вилл пока не найдено никаких следов того, что на их месте возникали поселения постримской эпохи, хотя, судя по некоторым фактам, *laeti* (наемники) селились поблизости от римских усадеб. Мы рассмотрим кратко один из таких случаев: Макинг в Эссексе. Мистер Ривет дал правдоподобное объяснение наблюдающейся преемственности:

«Часто отмечалось, что не известно ни одного случая того, что саксы селились на римской вилле. Частично это связано, без сомнения, с их социальной организацией, предполагающей наличие большого «двора», для чего обычная вилла была совершенно непригодна... Но вероятно, наиважнейшая причина заключалась в том, что ко времени, когда саксы начали селиться на этой земле, виллы, оторванные от своей социальной и экономической базы, уже превратились в руины».

Поселенцам пришлось создавать в стране новую экономическую систему, привычную для них. Проделав это, они во многом сформировали облик и структуру современной английской сельской местности.

По мере того как мы исследуем новые и новые англосаксонские поселения, все яснее возникает картина деревни, состоящей из довольно большого количества небольших домов (6 метров длиной) с утопленным полом. Первые раскопки в Саттоне (Куртни) и Кассингтоне доказали справедливость этих представлений, хотя доктор Редфорд, исходя из аналогии с Варендорфом в Вестфалии, считал, что деревня состояла из небольших домов с низким полом и «длинных» домов. Пока ничего подобного Варендорфу не было найдено в Англии, и мы можем предположить, что беднейшие слои англосаксонского общества жили в деревнях, включавших в себя большое количество скромных полуземлянок, и лишь изредка — как в Эйнсшеме (Оксфордшир) и Вест-Стоу — (Суффолк) в этих деревнях имелись длинные дома — палаты. Подобное сочетание встречается в городах, но это уже другой вопрос. Я считаю, что деревней, как правило, управлял знатный человек, который часто проживал на некотором отдалении от нее.

Одной из наиболее важных точек, среди тех, где ныне ведутся раскопки, является Макинг, расположенный на холмистом берегу над излучиной Темзы. План этого поселения еще не составлен, но уже раскопано более восьмидесяти полуземлянок, и еще около тридцати, возможно, будут исследованы. Дома стоят на 30-метровом склоне, спускающемся к Темзе. Обычная лачуга имела приблизительно 4 метра в длину и 3 метра в поперечнике, спереди и сзади обнаруживаются глубокие ямы для столбов. Это весьма непритязательные жилища, хотя в культурном слое внутри них накопился богатый археологический материал, который позволяет датировать их периодом от заката римской Брита-

нии до VII в. Эту датировку подтверждают и находки на расположенном по соседству кладбище; некоторые захоронения содержали очень ценный материал; в частности, там была обнаружена римская застежка, украшенная в стиле «кольцевой фибулы». Также очень интересна найденная в Макинге керамика. Доктор Майрс пишет: «Эти первые двадцать лачуг уже дали материала (относящегося к двум пограничным десятилетиями V в.) больше, чем любые другие раскопки, произведенные в Англии до настоящего времени. Кроме того, эти раскопки дают нам больше материала по языческой эпохе англосаксов, чем все остальные изыскания, вместе взятые». Еще более значительными представляются параллели между этой керамикой и германской керамикой конца IV — начала V в.

Показательно, что подобная керамика на континенте встречается вместе с предметами, которые, предположительно, принадлежали германским наемникам, которые служили римлянам в конце IV и начале V столетия. На основании этого доктор Майрс предположил, что первыми германскими поселенцами в Макинге были наемники. Местоположение этого поселения позволяло контролировать подходы к римскому Лондону. Практически в том же месте в XVI столетии и позже были с той же целью возведены форты, но теперь снабженные артиллерией. Доктор Майрс считает, что полувоенное поселение в Макинге просуществовало до середины V столетия, а затем превратилось в обычную англосаксонскую деревню.

Планировка его также весьма любопытна. Не обнаружено никаких намеков на улицы, дома разбросаны в беспорядке по большой территории. Около дюжины лачуг было откопано рядом с римскими полями, к которым они могли иметь какое-то отношение. Поселение занимает значительный участок и примыкает к другому, находящемуся на расстоянии 500 метров от него и ис-

следованному в 1955 г. Кеннетом Бартоном. В литературе оно фигурирует под названием Линфорд. Это поселение было достаточно крупным и просуществовало в течение около 250 лет. В настоящее время, конечно, трудно сказать, какого оно было размера, но госпожа Джонс предположила, что эти скромные домики могли быть «выселками» главного поселения, лежащего дальше на юго-восток. Я не совсем согласен с этим выводом, и следует подождать окончания раскопок.

В ходе раскопок обнаружились свидетельства развитости различных ремесел: изготовления рогов, работы с металлом, ткацкого дела, но большинство находок представляет собой предметы домашнего обихода, в первую очередь разные виды простой, сделанной без помощи гончарного круга посуды.

Лачуги с утопленным полом встречаются по всей Южной Англии. Они были здесь так же широко распространены, как и на континенте, и практически нет сомнений в том, что они являли собой самое типичное жилище наиболее бедных слоев населения. Данные континентальных раскопок дают достаточно свидетельств того, что эти здания не были хозяйственными постройками, хотя, естественно, они могли иногда использоваться для этих целей. Однако известны и поселения, где почти все постройки принадлежали к типу прямоугольного дома, например в Максей (Нортхемптоншир) обнаружено множество прямоугольных зданий, стоящих близко к друг другу. Это поселение VII столетия, возможно, было деревней или поместьем, принадлежавшим знатному человеку.

Один специфический тип здания заслуживает того, чтобы его упомянули отдельно, а именно дом с выпуклыми стенами — тип, который широко распространен в германской Европе (рис. 8, *а*). Наиболее ясное представление об этих зданиях дают изображения на викингских мемориальных камнях X или XI столетия, которые

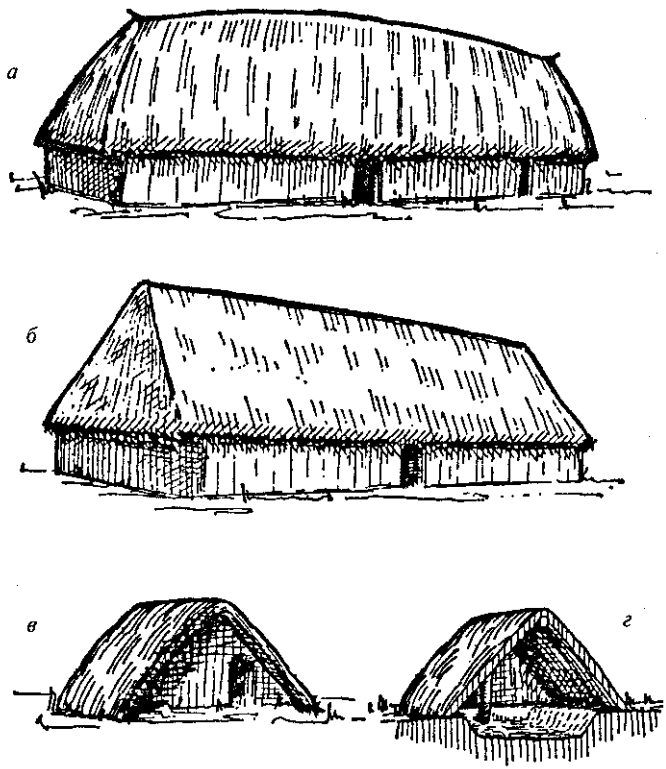


Рис. 8. Реконструкция англосаксонских домов:
а — здание с выпуклыми стенами из Чеддера; *б* — длинный дом из Тетфорда; *в* — полуземлянка в Тетфорде; *г* — разрез полуземлянки

часто встречаются на севере Англии. Судя по этим изображениям, ребра крыши у таких зданий представляли собой отрезки дуги, как и их стены. Крышу покрывали каменными плитками, изразцами, досками или дранкой (подобный тип зданий обнаружен при раскопках в Винчестере). Промежутки между столбами перекрывали тростником. Такой тип здания нам хорошо известен по викингским военным лагерям в Дании, он имеет долгую

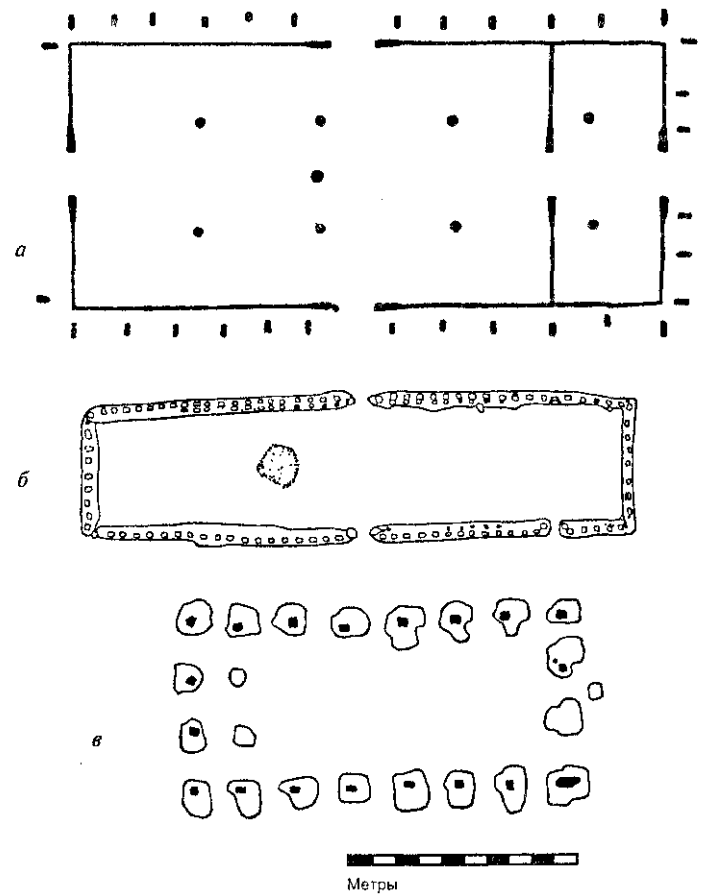
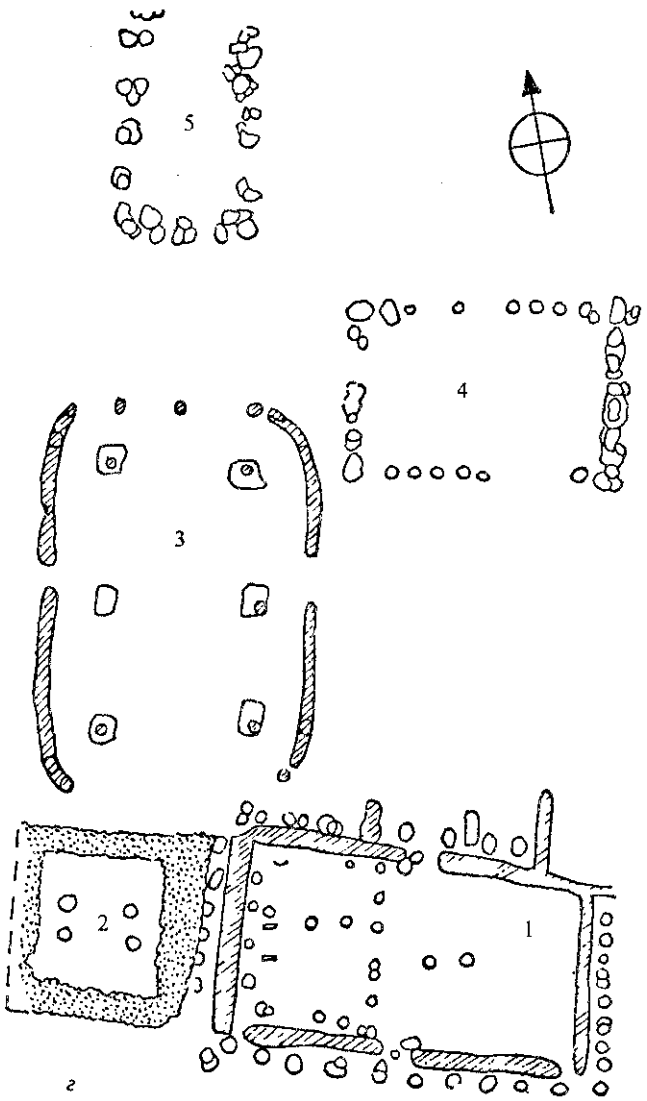


Рис. 9.
а — план королевского жилища в Иверинге (по Хоуп-Тейлору); *б* — план здания в виде лодки в Чеддере; *в* — второй по величине дом в XII столетии в Чеддере; *г* — примерный план комплекса зданий в Портчестере


5
4
3
2
1
г
Метры

историю и был распространен и на континенте еще с V столетия. Похожие здания найдены в Букдене, Хантсе, Чеддере (рис. 8, *а*; 9, *б*) и в Портчестере (рис. 9, *г*). Но они также строились и в городах, например в Тетфорде. Их назначение было таким же, как и у обычного «длинного» прямоугольного дома.

Описания, встречающиеся в источниках, указывают, что вся жизнь людей проходила в большом зале, — там они ели, спали и развлекались. Очень богатый человек мог позволить себе иметь отдельные спальные покои, но это были редкие исключения.

Археологические исследования в сельских местностях только начинаются. Мистер Фоулер начал изыскания в Файфилд-Дауне в связи с проблемой англосаксонской системы землепользования. Поставленная им задача определения границ древних полей и пастбищ очень сложна, и на ее решение потребуется еще много лет. Трудности, возникающие в археологии сельских поселений, самоочевидны. Одно дело исследовать деревню в Уилтшире, и совсем другое — применить эти знания при изучении поселений в других областях, например в долине Темзы или на песчанике Пеннин. В конечном итоге, однако, метод решения этой проблемы будет найден, и его использование, вместе с изучением остатков злаков и анализом состава костей животных, сможет открыть нам многое относительно аграрной экономики англосаксов.

Некоторые факты уже получены. Наиболее распространенными зерновыми культурами были ячмень, овес и пшеница. Лен выращивали для изготовления тканей, а вайду — для их окраски. Фрукты и орехи, вероятно, собирали в лесах. Парейн предположил, что дикие фруктовые деревья специально высаживались для этих целей на опушке леса. Сельскохозяйственные орудия практически не сохранились.

До сих пор не найдено ни одного англосаксонского плуга, и только несколько лемехов (как, например, наход-

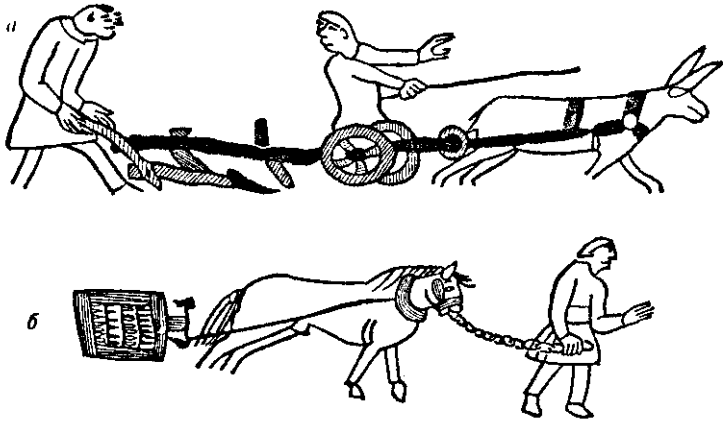


Рис. 10.
а — плуг. Гобелен из Байе; *б* — борона. Гобелен из Байе

ки из Тетфорда и Вестли-Ватерлес (Кембриджшир) дошли до нас от англосаксонского периода. Из рукописи гобелена из Байе[1] мы можем получить какие-то сведения, с которыми, однако, нужно быть очень осторожными.

Художник, украшавший рукопись, едва ли ходил в поле и смотрел на плуг, прежде чем его изобразить; более вероятно, что он копировал рисунок с других рукописей, которые могли быть привезены, например, из Падуи или Парижа. Наши данные о конструкции англосаксонского плуга очень скудны, но все же мы рискнем высказать некоторые предположения (рис. 10, *а*). Это было довольно тяжелое орудие: его тянули несколько быков; у него имелись колеса, но не было отвала. Пласт земли срезался и отворачивался в сторону кольтером, который в конце борозды перемещали. После

[1] Гобелен из Байе — вышитое полотно 50 см высоты и 70,3 м длины, на котором изображена в виде 55—58 картин история Нормандского завоевания Англии. Оно было изготовлено по заказу епископа Одо, сводного брата Вильгельма Завоевателя, в конце XI в. в Кентербери.

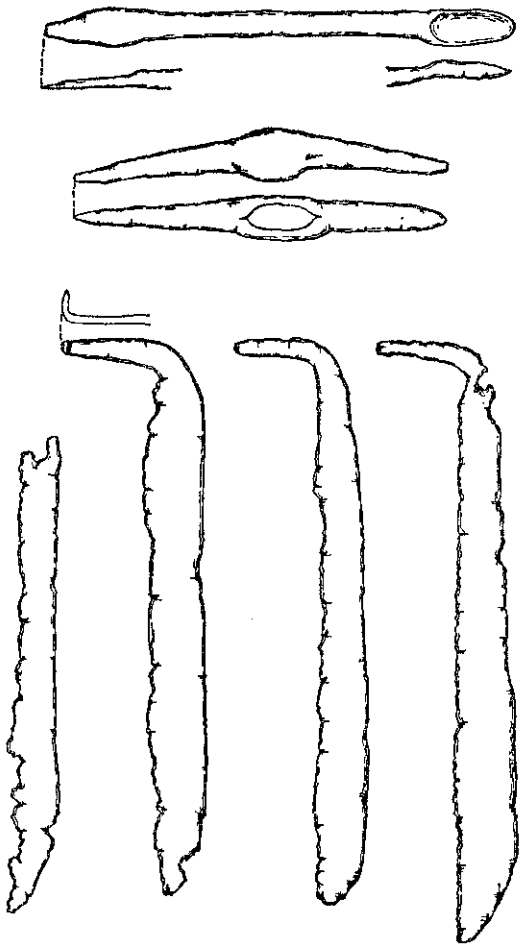
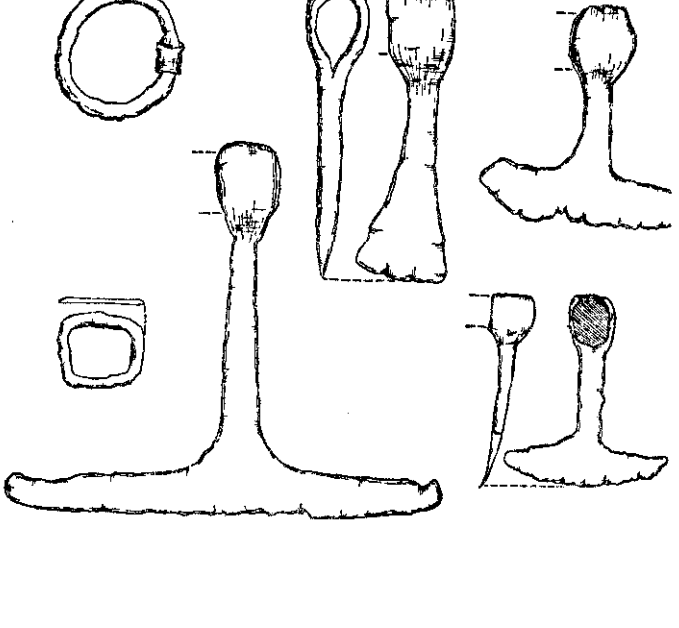


Рис. 11. Инструменты, найденные в Харбуке, Дарем: лезвия кос, топоры, тесак, сверло, небольшое кайло. Лондон, Британский музей



этого поле бороновали орудием, возможно подобным тому, которое изображено на гобелене из Байе (рис. 10, *б*), и после этого разбрасывали семена.

Сохранились некоторые орудия для сбора урожая. В Харбуке, в графстве Дарем, в кладе англосаксонских инструментов были найдены четыре лезвия косы (рис. 11). Они поразительно похожи на те, которые нарисованы в рукописях. Серпы были найдены в двух викингских захоронениях. Ножи и вилы встречаются в рукописях (рис. 12), но ни один образец не был найден. Лопаты делали из дерева и окантовывали железом (рис. 13). Одну из таких железных окантовок нашли, например, в Сандтуне, в Кенте (рис. 14). Судя по рисункам, лезвие лопаты крепилось к черенку с одной стороны. Большое количество топоров, использовавшихся для рубки леса и плотницких работ, сохранилось до наших дней. Некоторые из них, а также долото, кайло и сверло из Харбука изображены на рис. 11.

Зерно мололи там же, где его собирали. В деревнях часто имелось по несколько мельниц. Так, в Книге Страшного Суда сообщается, что в Хатфилде (Херефордшир) было четыре мельницы. Однако не все они отличались таким совершенством конструкции, как мельница, раскопанная в Олд-Виндзоре в Беркшире. Эта мельница, которая, вероятно, обслуживала королевское поместье, имела три вертикальных водяных колеса, работающих параллельно и приводимых в движение водой, которая подавалась по каналу длиной примерно километр из Темзы. Канал был 5—6 метров шириной и 4 метра глубиной и расчищался несколько раз, прежде чем его перестали использоваться в начале XI в. Зерно мололи также с помощью жерновов, обломки которых часто попадаются среди археологических находок, некоторые из них вытесаны из лавы, привезенной из Эйфеля в Германии.

Об англосаксонском скотоводстве мы знаем еще меньше. Так, например, до сих пор никто не провел

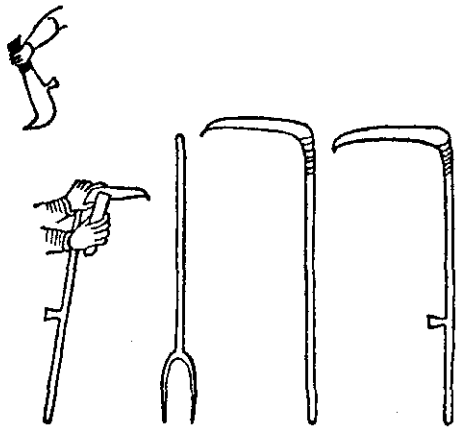


Рис. 12. Серп, вилы и косы из позднесаксонской рукописи

анализ костей животных, найденных на месте англосаксонских поселений. Англосаксы держали овец, крупный рогатый скот, свиней и коз. Шерсть, вероятно, являлась одним из главных предметов экспорта англосаксов, и производство тканей было хорошо развито. Однако до нас дошли разрозненные кости овец, несколько пар ножниц и какой-то предмет, найденный в Саттоне, который мог применяться для прочесывания шерсти. Овец и коров также разводили ради молока и мяса. В течение лета их откармливали, а осенью наиболее слабых забивали; мясо обычно солили или засушивали. Только самые сильные животные могли пережить зиму. Лошади считались роскошью и использовались для перевозок.

ГОРОДА И ТОРГОВЛЯ

Раскопки в городах — трудное и дорогостоящее дело, и возможность исследовать в достаточно большом масштабе городские постройки определенного периода выпа-

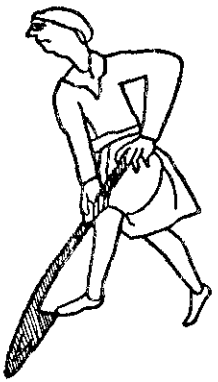


Рис. 13. Человек с лопатой. Гобелен из Байе

дает довольно редко. Фактически только в Тетфорде был обнаружен обильный археологический материал, относящийся к англосаксонскому городу. В истории городов в англосаксонскую эпоху имеется много неясностей, и главная из проблем — вопрос о преемственности между римскими и англосаксонскими городами.

В исторических источниках нет указаний на преемственность, аналогичную той, что имелась, например, в Галлии. Некоторые города (типа Сильчестера и Вроксетера) определенно были покинуты всеми, кроме горстки бедняков, вскоре после того, как римляне ушли из Британии. С другой стороны, нет никаких свидетельств того, что города сразу же впали в запустение. Герман, например, посетил Веруламий в 429 г. и увидел там хорошо организованную систему правления. Когда Паулин в 627 г. прибыл в Линкольн, его встретил человек, названный *praefectus* (должность, подразумевающая существование некой разновидности муниципальной администрации). Но несомненно, после того, как римская экономическая система перестала работать, города стали приходить в упадок. Это наглядно иллюстрируется тем фактом, что король Оффа в конце VIII столетия подарил покинутые всеми руины Веруламия аббатству, основанному на другой стороны реки в память о первом британском мученике, святом Альбане.

Кентербери был одним из тех городов, которые сохранились от римского периода, хотя тогда он назывался Дуровернум. Во время раскопок, произведенных здесь в 1960 г., было обнаружено шесть небольших полуземлянок V столетия, построенных приблизительно в 10 метрах от римской улицы, но вдоль нее. Кентербе

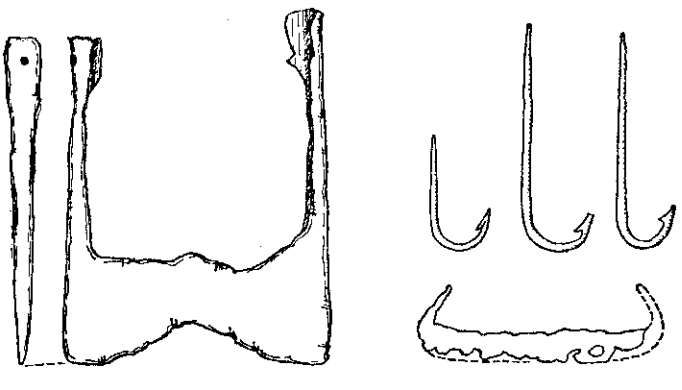


Рис. 14. Рыболовные крючки, лезвие ножа и часть лопаты из Сандтуна, Кент. Лондон, Британский музей

ри быстро стал важным англосаксонским городом и столицей Кента. В черте города оставались римские постройки, поскольку в 590-х гг. миссионер Августин обнаружил, что священник королевы использовал старую римскую церковь, но типичный план застройки римского Кентербери не оказал влияния на планировку средневекового города, хотя некоторые из улиц сохранились. То же касается и Йорка, несмотря на то что изначально в нем англосаксонские постройки возводились на месте римских. Недавно это подтвердили раскопки внутри монастыря в Йорке: было обнаружено, что первая архиепископская церковь, известная Алкуину, располагалась на месте римских зданий казарм или по крайней мере была пристроена к стене этого здания (в отличие от своей романской преемницы).

В Дорсете-на-Темзе, как и в Кентербери, были найдены ранние полуземлянки. За стенами римского города располагалось кладбище, где обнаружены захоронения германских наемников. Лачуги в пределах города, возможно, относятся к тому же времени, что и погребения, и разумно предположить, что постройки такого типа были

обычной разновидностью жилища германских наемников в ранней англосаксонской Англии и что они усвоили такой метод строительства в Нидерландах, Фрисландии и Германии. Подобные лачуги найдены по крайней мере еще в одном бывшем римском городе, Лондоне.

Теперь обратимся к рассмотрению городов, основанных англосаксами, в первую очередь Тетфорда, раскопки которого дали нам уникальный материал. Этот город в Восточной Англии впервые упомянут в записи под 870 г. «Англосаксонской хроники», где сказано, что армия викингов перезимовала там. Город, вероятно, вырос из нескольких мелких торговых поселений на берегу реки Уза. В середине X столетия, в период правления короля Эдгара, здесь чеканили монету, и некоторое время он был епископской резиденцией и одним из самых крупных городов страны. В XI в., однако, жители Тетфорда — в то время второго по величине города в Восточной Англии — переселились на северный берег реки и основали там новый город. Раскопки, проводившиеся в 1948—1952 гг. группой капитана Кнокера на южном берегу, позволили обнаружить следы нескольких зданий, которые современные археологи интерпретировали как хозяйственную зону. Позже Брайен Давидсон проводил археологические изыскания в центральной части города.

Самые древние из англосаксонских строений, обнаруженных в Тетфорде, представляли собой четыре полуземлянки длиной от 3,5 до 6 метров. Крышу поддерживал столб, расположенный посередине. В одной лачуге имелся очаг. Эти постройки, возможно, относятся к языческому англосаксонскому периоду. Они расположены отдельной группой без всякой очевидной связи с другими зданиями. На этом участке не было найдено ни одного артефакта VII или VIII столетия. Имеется, однако, большое количество прямоугольных строений IX и XII вв.; самый большой дом длиной 36 метров. Обнару-

жено также множество других прямоугольных построек меньшего размера; в двух были погреба (один — с известняковым полом).

Немного южнее центра, но в пределах городского вала было найдено множество обжигных печей XI столетия, в которых обжигали особо прочную, серую тетфордскую посуду. Печи располагались посреди подворья (хозяйственных построек рядом не было) и имели различную конструкцию. Наиболее интересный вариант — батарея из трех печей с общей топкой. Печи представляли собой обмазанные глиной ямы длиной от 2 до 3 метров. Одновременно в одной печи обжигали от двадцати до пятидесяти горшков.

Тетфорд рос случайно, в его планировке не прослеживается никакой системы. Вероятно, в нем имелись ремесленные кварталы, но даже если расширить зону раскопок, едва ли мы получим более точные сведения на этот счет, поскольку пока мы работаем только в богатом центральном районе. Лучшие образцы планировки англосаксонских городов позднего периода дают Лидфорд в Девоне и Норт-Элмхем в Норфолке, где проводилась систематическая застройка вдоль главной улицы, но эти города были очень небольшими.

Археология и исторические источники подтверждают, что еще до начала викингских нашествий в Англии существовали крупные торговые центры, одновременно исполнявшие роль крепостей. К их числу относятся Рочестер, Кентербери, Карлайл, Тетфорд, Винчестер, Дорсет, Линкольн, Химви (древний порт Саутгемптона) и, конечно, Лондон, который Беда в начале VIII столетия описывал как рыночный центр, куда стекались люди из разных земель, прибывавшие по морю и по суше. Однако наибольшего расцвета английские города достигли в период правления Альфреда в конце IX столетия. Тогда для защиты страны от датских вторжений были построены укрепленные бурги.

При археологических изысканиях в городах этого периода внимание ученых концентрировалось в основном на их укреплениях. В самом крупном из альфредовских бургов — Уоллингфорде — мистер Брукс обнаружил окруженные насыпью городские укрепления; подобные же фортификационные сооружения были найдены в Уореме, Дорсете, Лидфорде, Девоне. В Херефорде раскопки у городских стен выявили ряд последовательно возводившихся валов англосаксонского периода. Бурги, построенные Альфредом и его преемниками, задумывались как крепости, но, хотя они располагались на командных высотах, их функции не были чисто военными. На месте некоторых из них и до этого располагались процветающие города, ярмарки или королевские поместья. Экономические факторы решили их судьбу. Некоторые бурги пережили все ненастья и превратились в города, которые процветают до сих пор. Некоторые исчезли, и историки поныне спорят об их местоположении.

Например, долгое время обсуждалось, где находился бург Скефсей; недавно его отождествили с городом Сейш-на-Темзе.

Один из хорошо укрепленных бургов послеальфредовских времен — Саус-Кедбери в Сомерсете — был очень сильно укреплен. Этот город был построен на холме впереди земляных валов форта раннего железного века и в течение долгого времени, вплоть до XVI в. по крайней мере, отождествлялся с Камелотом легендарного короля Артура. Несмотря на то что на этом находят предметы периода «артуровского» правления, пока не обнаружено никаких существенных подтверждений того, что в этом месте в ранний англосаксонский период располагалась королевская резиденция. Но в начале XI столетия король Этельред построил укрепления в Саус-Кедбери. Возможно, город был разрушен преемником Этельреда Кнутом, поскольку чеканка монет прекратилась в нем в этот период. При раскопках в юго-за-

падной части этого позднего англосаксонского города были обнаружены останки ворот. Их ширина 3,3 метра, глубина 9 метров. Внешняя поверхность стены была облицована плитами из песчаника и покрыта известью.

Опираясь на данные Книги Страшного Суда, историки подсчитали примерную численность населения некоторых англосаксонских городов. По оценкам профессора Лойна, в 1066 г. жило населения: в Лондоне (реальные цифры нам не известны) — 12 000, в Йорке — 8000, в Норидже и Линкольне — по 5000, в Тетфорде — 4000, в Оксфорде — 3500 и в Колчестере — 2000. Это были крупные города, но мы не можем сказать о них ничего конкретного на основе имеющихся археологических данных, если не считать предварительных результатов раскопок в Тетфорде.

Города выполняли в англосаксонскую эпоху две главные функции: во-первых, они служили крепостями и административными центрами; во-вторых, являлись рыночными и хозяйственными центрами. Укрепления Уорхема иллюстрируют первую функцию: внутри этих стен люди могли жить в относительной безопасности в тревожное время, когда пираты и мародеры приплывали из-за моря. «Англосаксонская хроника» описывает любопытный эпизод: в 1006 г. жители Винчестера, укрывшись за городскими укреплениями, наблюдали с некоторого расстояния викингов, направляющихся с награбленным к морю. Не только горожане, но и жители окрестностей прятались за стенами бургов в случае опасности. Во времена короля Альфреда в Уэссексе существовал 31 бург, и, как показал сэр Франк Стентон, ни одна уэссекская деревня не находилась на расстоянии больше двадцати миль от укрепленного форта.

Но куда больше археологических свидетельств оставила экономическая жизнь городов. Экзотические материалы — драгоценные камни, стекло, — бронза, жернова, серебряные сосуды, монеты и много других предметов,

найденных в англосаксонских городах, указывают на их главную функцию — торговлю. На городские рынки доставлялись не только сельскохозяйственная продукция из близлежащих областей, но и чужеземные товары. Хотя обычно сделки осуществлялись посредством бартера, качество монет говорит о развитости более цивилизованной формы торговли.

Только в конце VII столетия были отчеканены первые англосаксонские монеты. Клад в Кронделле в Гэмпшире, спрятанный приблизительно в 670 г., представляет особый интерес в этой связи. Он содержал, помимо двух драгоценностей, 101 золотую монету, из которых 73 являются самыми древними сохранившимися англосаксонскими копиями римских и меровингских монет. Золото недолго оставалась главной валютой и было заменено серебром, но попытки сохранить золотой стандарт имели место, о чем говорит нам некоторое количество монет из электрона (сплава золота и серебра). К началу VIII столетия, однако, англосаксы перешли на серебряную монету, и этот принцип сохранялся до XIV столетия.

Самые ранние серебряные монеты были, несмотря на все старания сделать их соответствующими стандарту, плохого качества чеканки и не соответствовали весу, указанному на них. Но приблизительно в 780 г. Оффа заимствовал из Кента новую монету, пенни, которая вскоре приобрела широкую популярность. К концу своего правления Оффа установил вес пенни в 22 грана, и этот стандарт редко нарушался в течение последующих пятисот лет.

В Англии чеканка монеты являлась прерогативой короля, хотя архиепископам Кентербери и Йорка было позволено чеканить свои собственные монеты. На деле монеты чеканили во многих областных центрах, возможно под надзором королевского чиновника. Привилегией чеканить монеты обладали мастера-монетчики, чье имя обычно выбито на реверсе монеты. За изготовление фальшивых монет назначались большие штрафы, и, ве-

роятно, из-за этого подделок среди найденных монет очень мало. Как уже упоминалось, в период правления Эдгара и в последующие годы старые монеты регулярно изымались и чеканились новые. Сходным образом все чужеземные деньги, которые попадали в Англию в последние два столетия англосаксонской эпохи, были расплавлены и перечеканены. Таким способом король мог сохранять пробу своих монет без затрат для себя, поскольку чеканщики покупали монеты для перечеканки на вес, а не по номинальной стоимости. Тот факт, что англосаксонские короли заботились о поддержании стандарта своих монет, сделал английские деньги признанной и ценимой валютой от Балкан до Скандинавии.

Мы уже упоминали о найденных в англосаксонских городах экзотических предметах, которые, должно быть, попали в Британию благодаря торговле. Торговлей занимались люди из различных стран, но представители трех народов на протяжении длительного периода играли главную роль, а именно — фризы, евреи и арабы. Фризы, жившие на плодородных побережьях Голландии, фактически держали в своих руках торговлю Северной Европы. Они были отличными моряками; имели свои землячества в Лондоне и Йорке и курсировали между крупными балтийскими портами эпохи викингов — Биркой, Хедебю и Скирингассалем, доставляя туда рейнское вино, английское и франкское оружие, охотничьих собак, восточные шелка и английские ткани и обменивая все это на канаты, янтарь, меха — лисьи, бобровые, соболиные и горностаевые — и рабов. Евреи и арабы главенствовали в торговле Южной Европы, Азии и Африки. Ибн-Хордадбэх[1] так описал ев-

[1] Ибн-Хордадбэх — арабский писатель IX в., перс по происхождению, был баридом, т. е. начальником почтовой службы, в Кугистане, древней Мидии, и одновременно политическим агентом, извещавшим визиря и халифа о настроении умов, поведении правителя области и чиновников и т. п. Ибн-Хордадбэх — древнейший арабский писатель, писавший о восточных славянах и русских, по всей вероятности, по личному наблюдению.

рейского торговца: «Этот торговец говорил на арабском, персидском, латыни, французском, испанском и славянском.

Он путешествовал из западных стран в восточные, по суше и по морю. С запада вез евнухов, рабынь, мальчиков, парчу, шкуры бобра и куницы, другие меха и мечи». *Он начал свое путешествие в Западной Европе* (в землях франков) и морем добрался до Аль-Фарама (Пелузий в Египте), затем, меняя способ передвижения в зависимости от ситуации, проехал через Аравию в Индию и Китай. Возвращаясь в Константинополь, «он вез с собой изюм, алоэ, камфару, корицу и другие продукты Востока». То было всего лишь одно из многочисленных путешествий этого человека. Следует помнить, что международная торговля Европы в темные века была весьма развита и что торговым связям многих тогдашних купцов могли бы позавидовать некоторые наши бизнесмены.

Но не одни фризы, арабы и евреи занимались этим ремеслом — англосаксы также торговали с континентом. «Я вступил на борт судна, — говорит торговец в «Диалогах» Эльфрика, — вместе с моим грузом и отправился за моря продавать одни товары и покупать другие, которых нет в нашей стране. Я привожу их вам сюда, преодолевая все опасности моря, и порой в кораблекрушении теряю свои сокровища, радуясь тому, что сам уцелел». Он описывает товары, которые привозит: «Пурпур и шелк, драгоценные камни и золото, редкие одеяния и специи, вино и масло, слоновую кость и латунь, медь и олово, серу и стекло и другие подобные вещи...» Англосаксонские купцы привозили охотничьих собак, меха, серебро, льняные ткани, рыбу, лошадей и оружие в Италию и заключали торговые сделки с лонгабардскими королями. Торговцы покупали и продавали где только могли и руководствовались при этом чисто экономическими соображениями. Они были должны также платить пошлины местным дол-

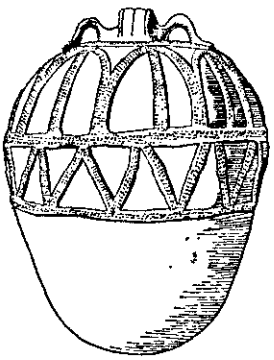


Рис. 15. Амфора из рейнских земель. Фрагмент сосуда такого типа нашли в Англии. Масштаб около 1:12

жностным лицам, и упоминания об этом бремени постоянно встречаются в документах; но еще больше неприятностей доставляли пираты, особенно викинги.

Торговля недолговечными предметами, которые составляли важную часть товарооборота в англосаксонской Англии, отражена в некоторых случаях в археологическом материале. Хотя нет надежды найти археологических свидетельств относительно главных товаров, экспортировавшихся из Британии — шерсти и тканей, — про импорт мы можем кое-что сказать. О континентальной керамике уже упоминалось. Начиная с VII столетия мы имеем свидетельства того, что глиняная посуда импортировалась с континента, что, возможно, было связано с германской винной торговлей. Большие *амфоры* (рис. 15), некоторые из которых имели высоту три или четыре фута, не могли использоваться ни для какой другой цели, кроме как для доставки вина. Деревянные бочки, которые изображены на гобелене из Байе (рис. 16) и в которых, возможно, содержалось французское вино, не сохранились в археологических слоях до Нормандского завоевания, хотя в культурном слое чуть более позднего периода в замке Певенси их остатки были найдены.

О торговле с Востоком свидетельствуют такие предметы, как египетское стекло, найденное в англосаксонском захоронении в Сассексе. Осколки восточного стекла обнаружены в Лондоне, Чичестере, Йоркшире и Файфе в археологических слоях христианского периода англосаксонской эпохи. Также с Востока доставлялись бронзовые чаши, импортировавшиеся из Александрии, гранаты, возможно, из Индии, раковины из Индийско-

го океана; наличие подобных предметов среди находок говорит нам, что коммерческие контакты с Востоком не были случайными. Но, если не считать отдельных фрагментов восточного шелка, мы не располагаем никакими указаниями на торговлю специями и красителями и другими недолговечными сокровищами, которыми восточные страны могли снабдить далекий остров на краю мира.

ТРАНСПОРТ

Среди наследия, оставленного римлянами, едва ли не самую большую ценность представляла система дорог, построенных для того, чтобы римские армии могли быстро продвигаться по стране. Этими качественными дорогами постоянно пользовались англосаксы. Не приходится сомневаться, что они ухудшились в течение англосаксонской эпохи, но движение по ним в то время было не оживленным, как в позднее Средневековье, при Тюдорах и Стюартах, и они, должно быть, находились в приличном состоянии. Скорость, с которой перемещаются войска, отражает состояние дорог.

Англосаксы явно не относились к дорогам так, как относились к ним римляне, для них они не являлись магистральной системой коммуникаций, а были всего лишь средством сообщения между торговыми городами. Узкие тракты прокладывались вновь у основанных деревень к ближайшему городу или ближайшей большой дороге. По дорогам странствовали гонцы и священники, королевские должностные лица и паломники, вьючные животные и телеги, перевозящие товары, а также королевский двор, перемещавшийся из одной резиденции в другую.

Практически ничего не сохранилось от средств передвижения тех времен. Детали лошадиной упряжки — вот

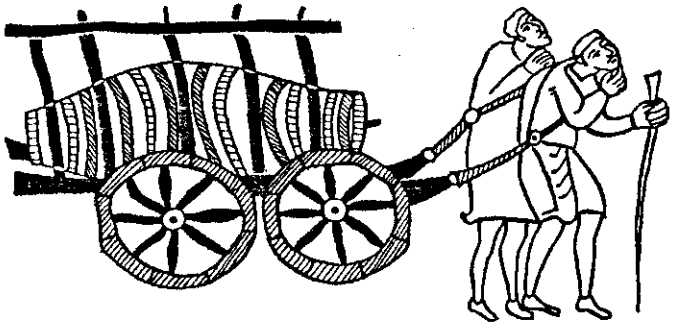


Рис. 16. Телега с бочками, перевозимая двумя мужчинами. Гобелен из Байе

и все, что дошло до нас. Никаких останков телег, изображенных в рукописях и в гобелене из Байе (рис. 16), не было найдено. Но изображения двух- и четырехколесных телег встречаются во многих рукописях, их могли везти как животные, так и люди. Корпус крестьянских подвод делался из легких планок или плелся из прутьев. Колеса были снабжены спицами и имели составной обод. Повозки, в которых путешествовали на значительные расстояния, сделали более прочными: у них был навес из кожи.

Но по возможности товары переправляли водным путем — это отнимало меньше времени и сил. Благодаря североевропейской практике корабельных погребений, о которой уже говорилось, мы получили возможность познакомиться с конструкцией трех англосаксонских судов. Все они датируются VII столетием, и все три найдены в Суффолке — одно в Снапе и два в Саттон-Ху. Все три ходили на веслах: самый большой корабль обнаружен в Саттон-Ху в 1939 г. (рис. 17). Древесина сгнила, но археологи смогли распознать отпечатки деревянных частей и железных гвоздей, которые крепили обшивку, и таким образом восстановили конструкцию судна. Длина судна

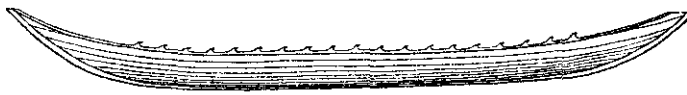


Рис. 17. Корабль из Саттон-Ху. Реконструкция

составляла приблизительно 29 метров, а наибольшая ширина 4,25 метра. Гордый нос корабля вздымался на 3,8 метров от нижней точки киля. Осадка ненагруженного корабля составляла около двух футов. Корпус судна обшивался «внакрой». К планширю крепились уключины в виде шипа. Киль представлял собой обычный толстый брус. Судно имело 26 шпангоутов, которые крепились только на концах. Их верхние концы входили в пазы бимсов, а к корпусу крепились с помощью гвоздей. Не сохранилось следов рулевого весла. Судно до захоронения использовалось по назначению, поскольку его, очевидно, ремонтировали.

Англосаксонские парусные суда не были найдены, но они почти наверняка существовали и до IX в., когда о них впервые упоминается в письменном источнике. Имеется свидетельство об отплытии из Лондона римского парусного судна, а континентальные памятники сообщают о парусных судах, бороздивших северные воды в эпоху англосаксонского язычества. Викинги приплывали в Англию на своих одномачтовых судах с квадратным парусом, которые стали символом скандинавских пиратов. Наши знания об этих судах с каждым годам становятся все обширнее, поскольку постоянно обнаруживаются их останки во вновь раскопанных захоронениях и в прибрежных водах Северной Европы. Благодаря этим данным мы знаем, что суда викингов мало чем отличались от кораблей англосаксов. Но все же отличались. В «Англосаксонской хронике» под 896 г. написано следующее: «Затем король Альфред построил большие корабли, чтобы противостоять датскому флоту. Они были почти в два раза длиннее, чем другие. И они были более быстрыми и более устойчивыми, а также

выше их. Эти корабли строились ни по фризскому, ни по датскому образцу, а так, как, по разумению короля, было лучше всего».

Лодки англосаксонского периода также не обнаружены в Англии. Некоторые, должно быть, представляли собой просто миниатюрные копии морских судов, но можно предположить, что лодки, сделанные из кожи или сплетенные из ивняка и обтянутые кожей, также использовались теми самыми рыбаками, которые потеряли свои рыболовные крючки в Сандтуне, в Кенте (рис. 14).

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Ни одного фрагмента англосаксонского повседневного одеяния размером больше квадратного дюйма не сохранилось. Поэтому нам приходится судить о том, во что одевались англосаксы, по континентальным археологическим свидетельствам, а также описаниям и рисункам, содержащимся в рукописях. Письменные источники снабжают нас скудными и довольно случайными сведениями. Например, английский епископ-миссионер, оставшийся зимовать в Германии, отправил домой отчаянное послание с просьбой привезти ему новый плащ. Другой священник, Алкуин, послал друга на континент, чтобы тот привез ему капюшон и одежду из козьей шерсти. Во франкских источниках мы находим более подробные описания одежды. Карл Великий, например, из патриотических чувств носил исконное одеяние франков. Эйнхард сообщает нам, что он носил льняную нижнюю рубашку, штаны, шерстяную тунику, в три четверти длины расшитую шелком и перевязанную поясом. Обувь он носил на завязках, которые обвязывались вокруг ноги. Он носил меховую накидку, которая, кажется, была довольно короткой, но закрывала спину

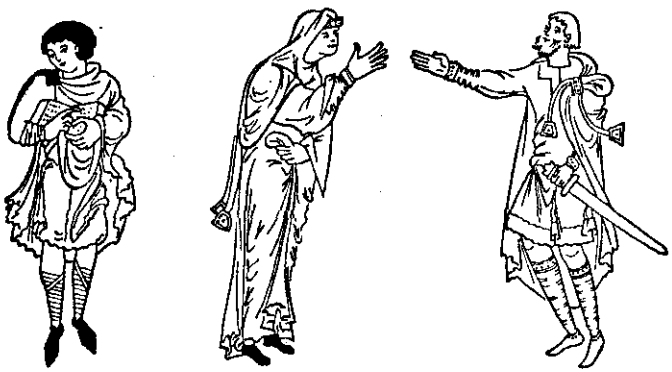


Рис. 18. Одежда знати в рукописи XI столетия

и грудь. Поверх же всего он надевал легкий плащ, заколотый на плече фибулой.

Так одевались повсеместно в Западной и Северной Европе со времен Римской империи и до Норманского завоевания все, за исключением самых богатых людей.

Одежда, описанная Эйнхардом, соответствует во многих деталях образцам, обнаруженным на континенте (некоторые из них, возможно, на четыре столетия старше этого описания), и одеяниям, изображенным на предметах англосаксонской работы, как, например (фото 56), на ларце Френкса (датированным примерно 700 г.) и в рукописях X и XI столетий (рис. 18). Мужской костюм состоял из штанов с подвязками или чулок, короткой туники, плаща, крепившегося на плече фибулой или булавкой, и (в некоторые периоды, по крайней мере) капюшона. Некоторые, очевидно, ходили с голыми ногами. Одежда значительно отличалась по ткани и выработке. Самые богатые англосаксы носили крашеные одеяния ярких цветов. На прическу тоже обращали внимание: по крайней мере в двух письмах содержатся предостережения против стрижки «на датский манер», —

это, возможно, означало, что у человека оставалась открыта шея.

Ученый клирик Алдхельм, порицая монахинь за излишества в одеждах, так описывает костюм VII столетия: «Одеяние обоих полов составляют нижняя рубашка из тонкой ткани, красная или синяя туника, головной убор и рукава с шелковыми краями; их обувь украшена кусочками выкрашенной кожи; волосы на их висках и на лбу закручены в локоны. Вместо темного головного платка они носят белые и разноцветные вуали, которые свисают до самых ног и крепятся на голове с помощью лент (*vittae*), пришитых к ним. Ногти их заострены подобно когтям хищных зверей...»

Из всей этой одежды сохранились лишь ленты (*vittae*), которые были найдены в многочисленных захоронениях богатых англосаксонских женщин. Эти ленты делались из тонкой ткани и вышивались золотой нитью (тот же метод использовался при изготовлении тесьмы), которой обшивали плащи и обшлага. Однако трудно говорить о какой-то определенной женской моде в англосаксонский период. Миссис Хоукс утверждает, что более богатые люди после принятия христианства начали носить одежду средиземноморского образца. Это предположение основано на том, что начиная с VII столетия обнаруживается обычно в богатых захоронениях одна фибула, а не две, как раньше. Для этого периода типичны роскошно украшенные круглые фибулы (например, фото 35). С X столетия мы можем детально представить себе одежду мужчин и женщин по многочисленным изображениям, подобным тем, что приводятся в этой книге (рис. 18, фото 70). О том, что носили англосаксы в более ранние времена, лучше не строить никаких предположений за неимением фактов.

Самой распространенной тканью была шерсть, производство которой даже в тот период, должно быть, играло важную роль в англосаксонской экономике. Фрагменты

изделий из шерсти сохранились: среди них попадаются и *очень тонкая ткань, похожая на фланель, и достаточно* грубая — как твид. Шерстяную ткань и льняное полотно ткали на ткацком станке, который представлял собой прямоугольную вертикальную рамку, установленную у стены; нити натягивались с помощью прикрепленных к их концам глиняных колец. Эти гирьки часто находят в англосаксонских поселениях; они — единственная деталь, по которой мы можем судить о конструкции англосаксонского ткацкого станка. *Иногда на полу сгоревших лачуг* находили цепочки из таких гирек. Вообще, присутствие грузиков от ткацких станков в полуземлянках заставляло археологов в течение долгого времени предполагать, что такие лачужки использовались только для ткачества. В этих домиках, однако, жили, и многочисленность подобных находок указывает лишь на повсеместное распространение и важную роль ткачества в жизни англосаксонской Англии.

Из шелка шили одежды для богатых людей, также он использовался для отделки. Из козлиных шкур делали одеяла, повсеместно использовался лен. Возможно, самым изысканным образцом англосаксонского ткачества являются епитрахиль и орарь святого Кутберта (фото 68). Эти шедевры были сотканы и вышиты в Винчестере между 909-м и 916 гг. и подарены церкви Святого Кутберта королем Этельстаном. Искусное соединение яркого золота и нежных полутонов свидетельствует о мастерстве английских вышивальщиц, которое в последующие столетия вызывало восхищение всей Европы.

Хотя украшения редко изображались в англосаксонских рукописях, судя по обилию фибул и других украшений в англосаксонских языческих захоронениях, англосаксы любили обвешивать себя всевозможными побрякушками. Ни одному другому предмету из археологических находок англосаксонского периода не уделялось столько внимания, как фибулам. Они — мечта

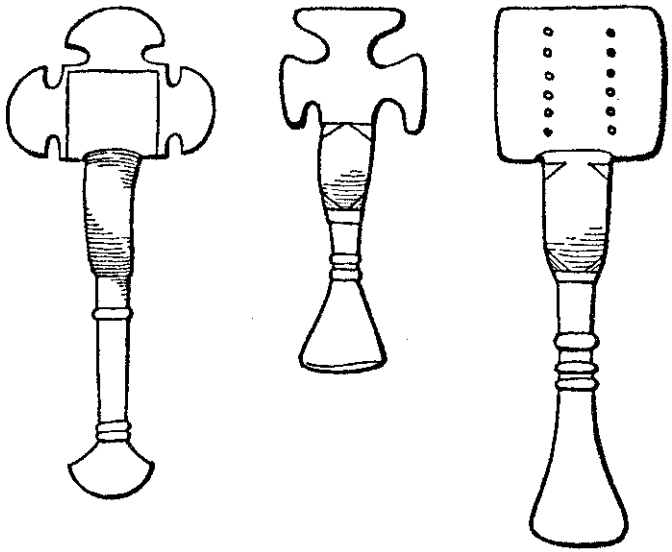


Рис. 19. Небольшие разомкнутые фибулы из Стапенхилла, Стаффса, Ротвелла, Нортанса и Иклингхема, Суффолк

топологов. Но специалисты часто забывают, что фибулы были неотъемлемой частью одежды до того, как появились пуговицы. У англосаксов было три типа фибул: кольцевые, разомкнутые и круглые. Кольцевые фибулы пришли к англосаксам еще от доримских кельтов и довольно просты по конструкции, за исключением отдельных более экзотических образцов. До VII—VIII вв. этот тип был самым распространенным на острове. В Нортумбрии, на пиктских территориях и в Ирландии в VIII и IX столетиях появляется разновидность кольцевых фибул с расширяющимися концами. Концы украшали звериным орнаментом. В другом варианте фибул концы были закруглены.

Часто встречающийся у англосаксов тип фибул — разомкнутые фибулы — развился из разновидности рим-

ской булавки и фибулы железного века под воздействием восточноевропейской традиции. Среди этих фибул встречаются простые и более сложные. Большие фибулы с квадратной головкой (некоторые из них сделаны из серебра) и крестообразные фибулы (фото 20) — часто бывали до 15 сантиметров длиной; но попадаются и образцы меньшего размера — фибулы (рис. 19) имеют длину 6 сантиметров. Фибулы с квадратной головкой часто украшали выгравированным орнаментом. Крестообразные фибулы обычно проще по декору. Фибулы вместе с декоративными элементами отливались, а затем обрабатывались долотом и зубилом. Пластинка и петелька, к которой крепилась игла, с обратной стороны были покрыты латунью, а лицевая сторона, если фибула была достаточно велика, украшалась золотом. Этот тип фибул исчез к концу VI столетия.

Третий тип фибул, круглые, имел римский прообраз. Встречаются различные виды круглых фибул: некоторые представляют собой простые плоские бронзовые диски, украшенные кольцами и точками или другим геометрическим орнаментом; другие покрыты серебром или оловом. Более сложная разновидность фибул — фибулы-блюдца — отливались и золотились (фото 21), их прототип обнаружен в долине Рейна. Самыми роскошными образчиками круглых фибул являются большие «гранатовые» украшения из Кента (фото 35—38), к которым мы еще вернемся позднее. В христианскую эпоху круглые фибулы стали изготовлять из серебра и золота. Они обычно имели чашеобразную форму наподобие стекла наручных часов, диаметр самой большой из таких фибул составлял 13 сантиметров.

Существовали фибулы и других форм: небольшие фибулы в форме птиц и животных, имевшие хождение у англосаксов в языческую эпоху, являлись копиями с континентальных прототипов. В христианские времена получили распространение крестообразные фибулы.

Небольшие фибулы (круглые, продолговатые и др.) обычно находят попарно в женских захоронениях V и VI вв. Их, очевидно, носили на тунике на груди, и иногда между ними подвешивались бусы. В VII столетии фибулы находят по одной, и, вероятно, они использовались, чтобы закреплять плащ на плече. Такой способ закрепления плаща мы видим во множестве рисунков и скульптур. Очевидно, такие большие фибулы использовали и мужчины, и женщины.

Ожерелья из стеклянных бусинок, янтаря и даже иногда из аметиста довольно часто встречаются в англосаксонских захоронениях. Они никогда не изображались в рукописях, но, судя по их расположению в могилах язычников, бусы обычно прикалывали или пришивали на одеяние на груди. Время от времени археологи находят более роскошные ожерелья из золота или граната, как, например, ожерелье из Десборо в Нортгемптоншире (фото 33). В нем золотые подвески чередуются с оправленными в золото гранатами — кабошонами, в центре ожерелья помещен небольшой крестик, а «цепочка» состоит из золотых бусин, по форме напоминающих бочки.

В языческий период и, вероятно, позднее женщины подвешивали к поясу бронзовыми плоскими болванками Т-образной формы так называемые «поясные подвески», имитировавшие ключи, и, возможно, двухсторонний костяной гребень. Они иногда носили бронзовые или серебряные серьги и кольца. Вышитые рукава женского одеяния, если его обладательница жила в Восточной Англии, могли застегиваться парой крюков; достаточно богатые женщины украшали самоцветами концы своего пояса. На руке и даже на ноге женщина могла носить серебряные, бронзовые или стеклянные браслеты, а в VII столетии у нее на поясе могла также висеть небольшая цилиндрическая шкатулка для иголок. Жена богатого крестьянина порой носила большое количество украшений и, вероятно, выглядела очень нарядно. На перевязи для меча, которую

ее муж перебрасывал через правое плечо, наверное, красовались большая, украшенная орнаментом пряжка, но, если он был слишком беден, чтобы иметь меч, у него безусловно был пояс с такой же пряжкой, на котором висел небольшой нож с деревянной ручкой.

ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА

Глиняная посуда в Англии, как и в других местах, сохранилась в большом количестве. В языческий период на смену римской посуде, изготовлявшейся с помощью гончарного круга, приходят грубые поделки, сплетенные вручную. Археологические данные об обжигных печах этого времени очень немногочисленны, но в Кассингтоне, в Оксфордшире, были обнаружены останки очень простой печи. Она состояла из топки в виде ямы, приблизительно 90 сантиметров в диаметре; горловина примерно 30 сантиметров шириной связывала ее с небольшой овальной камерой для обжига, 38 сантиметров в поперечнике. Остатки обожженного известняка, который, возможно, покрывал топку, были найдены вместе с кусками обожженной глины, на которых сохранились отпечатки тростника. Яму, возможно, накрывали крышкой из плетеного тростника, обмазанного глиной, и так получалась простейшая печь с верхней тягой. Глиняная посуда, обожженная в этой печи, также была найдена. Она представляла собой довольно неуклюжие кувшины, без особых отличительных признаков. Другая печь, обнаруженная в Бакдене (Хантингдоншир), возможно, не использовалась для обжига глиняной посуды, а применялась для сушки зерна. Яма в Саттон-Коуртенеи (Беркшир), которая, по мнению Е.Т. Лидса, служила для замешивания глины, является, возможно, еще одним сохранившимся образцом «оборудования», применявшегося в англосаксонском гончарном производстве.

В языческие времена глиняная посуда иногда производилась на продажу: так называемая иллингтонская (лекфордская) керамика (рис. 20, *б*) была обнаружена доктором Майрсом в захоронениях в Западном Норфолке, Западном Суффолке и Кембриджшире — в Иллингтоне, Лекфорде, Рушфорде, Вест-Стоу-Хит, Литл-Уилбрен и на Кембриджском кладбище на месте нынешнего поля для крикета Сент-Джонс-колледжа. Это стандартная, довольно качественная глиняная посуда, производившаяся в массовом количестве в середине VI столетия.

Однако раскопки дали обширный материал по англосаксонским обжигным печам более позднего времени — тем самым, где изготовлялась ипсвичская, тетфордская и торгсейская керамика (см. ниже). Печи из Тетфорда, описанные выше, свидетельствуют о развитости и весьма хорошей организации гончарного производства: изготовляющуюся в Тетфорде серую глиняную посуду, сделанную на гончарном круге, находят по всей Восточной Англии в культурных слоях от IX столетия и до Нормандского завоевания. Раскопки в Ипсвиче показывают, хотя и не столь убедительно, что в этом городе имелось много обжигных печей особенно в районе Кокс-Лейн. В Торкси найдено две печи позднесаксонского и ранненормандского периода (производивших глиняную посуду, очень похожую на ту, которая изготовлялась в Тетфорде), с центральной опорой и (в одном случае) колосниками, которые поддерживали пол печи.

Большая часть керамики позднего англосаксонского периода, найденной в Южной Англии, отличается чрезвычайно плохим качеством, часто не намного лучше керамики языческой эпохи. В Стамфорде в Линкольншире, однако, найдена хорошая посуда. Подобно посуде из Тетфорда и Торкси, она произведена с помощью гончарного круга. Но она имеет светлую окраску и иногда покрыта бледно-зеленой и желтой глазурью.

Одна печь, вероятно англосаксонского периода, была раскопана в Стамфорде. К сожалению, топку разрушили викторианские строители, но обжигная яма сохранилась, и мы можем утверждать, что эта печь была похожа на печи из Торкси и Тетфорда. В печи было найдено большое количество мусора, главным образом осколки горшков, фляжек и разливных чаш, в основном без глазури.

Дадим теперь краткую классификацию англосаксонской керамики. Во-первых, имеется простая, грубая посуда для хранения и приготовления пищи. Она обычно была серого или черного цвета, слеплена вручную и ничем не украшалась. Такую керамику иногда находят в ингумационных захоронениях, например, в Слифорде (Линкольншир) (рис. 20, *в*). Однако не вся посуда, обнаруженная при раскопках поселений, такова. Часть ее была очень изящно украшена и похожа на специальные урны, содержащие прах, найденные в кремационных захоронениях (рис. 20, *а*). Трудно не вникать в детали, когда речь идет о керамике, которая (больше чем любые другие артефакты англосаксонской древности) демонстрирует отчетливую и тесную связь с континентальной родиной англосаксов, но за недостатком места я дам лишь краткий очерк основных типов керамики языческого англосаксонского периода.

Типичная англосаксонская керамика этого времени (рис. 20) имела окраску от черного до серо-коричневого. Она представляла собой посуду ручной работы, настолько мягкую по своей структуре, что, прикоснувшись к ней ногтем, можно было оставить след. Многие более изящные образцы, найденные в захоронениях, украшены достаточно крупными овальными шишечками, а также отпечатанными или процарапанными узорами. Иногда это были изображения животных, но в основном посуду украшали геометрическим орнаментом. Некоторые исследователи стремились связать особенности де-

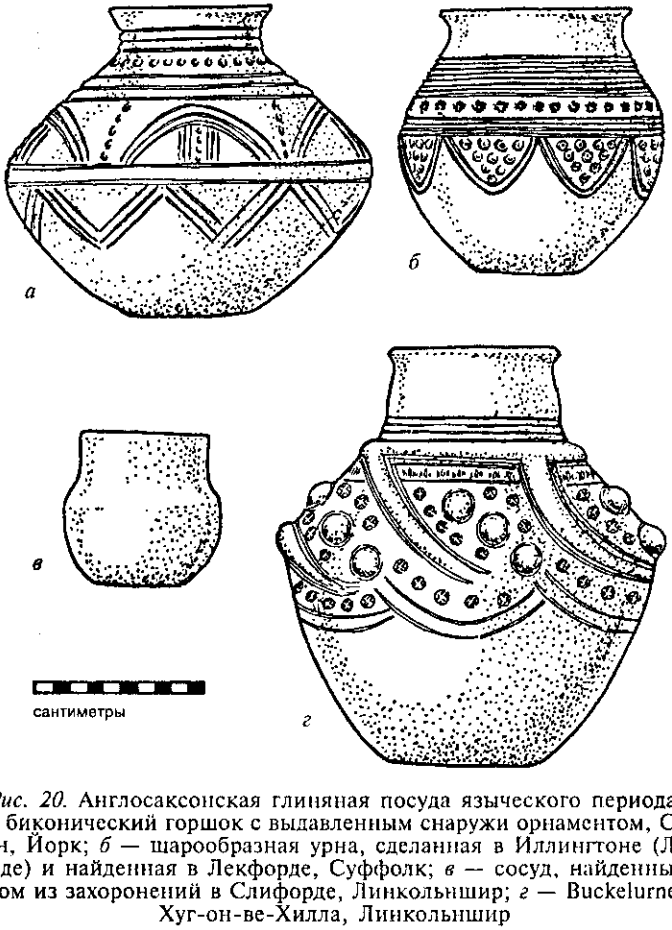


Рис. 20. Англосаксонская глиняная посуда языческого периода: *а* — биконический горшок с выдавленным снаружи орнаментом, Санктон, Йорк; *б* — шарообразная урна, сделанная в Иллингтоне (Лекфорде) и найденная в Лекфорде, Суффолк; *в* — сосуд, найденный в одном из захоронений в Слифорде, Линкольншир; *г* — Buckelurne из Хуг-он-ве-Хилла, Линкольншир

кора погребальной керамики с этнической принадлежностью захоронения, и были сделаны весьма удачные попытки сопоставить схожие типы керамики в Англии и на континентальной родине англосаксов. Но, учитывая смешанный характер англосаксонского населения во время колонизации острова, нам необходимо быть очень

осторожными в своих выводах относительно происхождения народа, использовавшего данную конкретную разновидность керамики в Англии.

На родине англов глиняная посуда украшена простыми горизонтальными линиями вокруг горлышка. Над участком вертикального орнамента, на пояске горшка иногда помещали небольшие «шишечки». Саксонская керамика украшалась удлиненными «шишечками», порой сложной формы, ниже пояска горшка, и вертикальным процарапанным и проштампованным узором. Керамика Северо-Западной Европы и Англии демонстрирует некое внутреннее единство, но нам трудно установить конкретные взаимосвязи в рамках этой общности.

Доктор Майрс, посвятивший всю жизнь изучению англосаксонской керамики языческого периода, предложил ряд выводов относительно ее декора. Самый ранний орнамент состоял из глубоко продавленного линейного орнамента (рис. 20, *а*), иногда дополненного точками и отпечатками пальца. Позднее, в V столетии, появилась тенденция к использованию твердых «шишечек», которые продавливались на поверхность изнутри. Иногда эти выпуклости имели странную сложную форму (рис. 20, *г*), такие горшки фигурируют в литературе под своим немецким названием *Buckelurnen.*

В течение VI столетия «шишечки» становятся проще и остаются только на пояске, кроме того, стал больше использоваться штампованный декор, образующий фон для линий и «шишечек» (рис. 20, *б*). Штампованный орнамент становится сложнее во второй половине VI в., а в VII в. превращается в бессмысленный и случайный набор фигур. По форме декорированные сосуды можно условно разделить на пять групп: 1) биконическая урна (рис. 20, *а*), типичная для V столетия, 2) вариация той же формы с суживающимся горлышком, 3) сосуды той же самой формы, как и № 1 (рис.

20, *б*), но с более округлыми очертаниями, датируемые периодом с конца V по конец VI столетия, 4) горшки с поясками, датируемые примерно 500 г., 5) чаши. К приведенному перечню можно добавить сосуды без декора разнообразных форм (рис. 20, *в*).

Различные виды керамики находят в кентских захоронениях (рис. 21, *а*): горшок с узким горлышком, обычно красноватой окраски. Его форма, вероятно, воспроизводила форму римских винных бутылок. Вполне возможно, что эта разновидность керамики производилась на континенте, например в долине Рейна. Грубую глиняную посуду редко находят в Кенте.

Керамика слифордского типа присутствует в захоронениях и на местах языческих поселений по всей территории Англии, а также в слоях конца VII и начала VIII столетия, например в монастыре Уитби. Глиняная посуда похожей формы, изготовленная с помощью гончарного круга, была найдена в слоях VIII и IX столетий в Восточной Англии и некоторых других местах, в частности в Лондоне. Наши сведения о керамике позднего периода главным образом базируются на материале Восточной Азии. О печах в Ипсвиче мы уже говорили. Изделия, произведенные с их помощью (рис. 21, *б*), были крепкими, имели желто-красную и серовато-черную окраску. У горшков были толстые стенки и вдавленное днище, и иногда их украшали штампованным орнаментом. Известно три разновидности такой глиняной посуды: простой горшок, прототипом которого служат горшки языческого периода, найденные в Слифорде и в других местах, разливной кувшин и бутыль.

В какой-то момент в среднесаксонский период появился гончарный круг. Часть глиняной посуды, обнаруженной в Ипсвиче, например, доказывает этот факт. В позднесаксонскую эпоху появляется более совершенная тетфордская керамика. В печах в Тетфорде обжигали разные по форме сосуды: кувшины, чаши, боль-

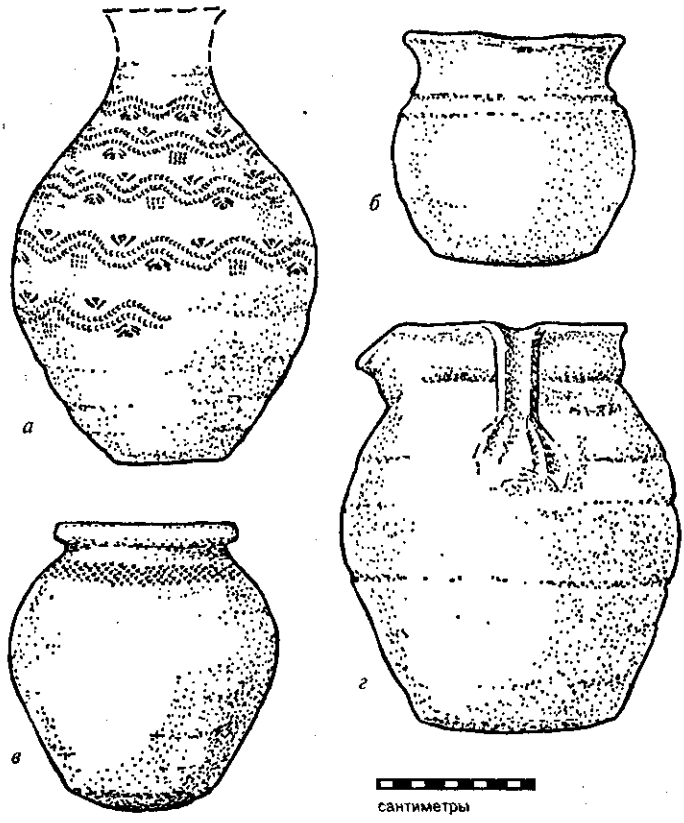


Рис. 21. Англосаксонская посуда, сделанная с помощью гончарного круга: *а* — кентский горшок с узким горлышком, найденный в захоронении № 4, Холборо, Кент; *б* — ипсвичский горшок; *в* — горшок из Тетфорда; *г* — кувшин с ручкой

шие кувшины для хранения продуктов (некоторые высотой до метра), бутыли и светильники. Этот вид керамики, очевидно, испытал на себе влияние рейнских образцов, таких, как рейнская амфора (рис. 15). На керамику из Тетфорда похожа посуда, найденная в Сен-Неотсе (город в Хантингдоншире), имеющая серо-фио-

летовый цвет и изготовленная из мягкой глины, в которую были добавлены измельченные морские ракушки. Наиболее распространенными разновидностями такой посуды являются чаши с широкими краями и горшки для готовки.

В Стамфорде (Линкольншир) впервые нашли глиняную посуду, покрытую глазурью, первую в постримской Англии. Кувшины с ручкой (рис. 21, *б*), простые кувшины, фляги и глубокие чаши этого типа находят даже в Оксфорде и Йорке. Одна из отличительных особенностей этой глиняной посуды заключается в том, что она покрыта светло-зеленой и желтоватой глазурью. Не известно, где возникла практика использования глазури. Возможно, что печи, с помощью которых производили такую керамику, работали примерно в то же время в голландском Лимбурге, однако невозможно установить, по какую сторону Английского канала глазурь появилась раньше. Разумно предположить, что практика покрытия керамики глазурью не была изобретена в Западной Европе и заимствована на Ближнем Востоке; глазированная посуда встречается в Персии и Византии.

Нужно отметить, что в поздний англосаксонский период керамика производилась не только в восточно-английском регионе, но и по всей территории острова, например в Кенте, Йорке и Честере. На юго-западе Англии находят покрытую глазурью посуду, которую использовали и после Нормандского завоевания. Импортированная глиняная посуда также применялась, и ее часто находят в прибрежных городах Южной Англии.

СТЕКЛО

Важнейшую группу находок среди артефактов, обнаруженных в англосаксонских захоронениях, составляют стеклянные сосуды. Хотя по своей форме изделия эти не

оригинальны и их цветовая гамма (желтая, зеленая, коричневая и синяя) не такая богатая, как у римских сосудов, все-таки они выглядят приятным разнообразием на фоне других, тяжеловесных англосаксонских древностей (рис. 22).

Англосаксонское стекло специально исследовал доктор Харден, и его работа является на данный момент главным источником для изучения этого предмета. Довольно большое количество римских стеклянных изделий (почти тридцать) было найдено в англосаксонских захоронениях, в том числе конические кубки, подобные кубку из Кемпстона (Бедфордшир) (рис. 22, *д*). Стеклянная посуда англосаксонского типа, произведенная и в Англии и на континенте, также имеется в нашем распоряжении. Наиболее распространены приземистые кувшины и круговые чаши. Менее распространены вытянутые кубки без ножки, по форме напоминающие мешок; также найдены два стеклянных рога (оба — в Рейнхеме, Эссекс). Эти редкие типы, также как и более распространенные, но уродливые высокие кубки на короткой ножке, почти наверняка изготовлялись на континенте и привозились в Англию богачами. Любопытно, что в захоронениях стеклянные сосуды обычно не стояли, а лежали, что также подтверждается иллюстрациями позднейших рукописей, а также гобеленом из Байе, где стеклянная посуда лежит на столах.

Ни одной стеклодувной печи языческого англосаксонского периода не сохранилось, но некоторые разновидности стеклянной посуды, как, например, чаши, находят в таких больших количествах, что, безусловно, они производились в Англии. Предполагается, что стеклодувное производство размещалось где-нибудь в окрестностях самых богатых англосаксонских кладбищ, например в Фаверсхеме, в Кенте. Единственный образец стеклодувной печи был найден в Гластонбери в Сомерсете. Под северо-восточным углом фундамента позднее-

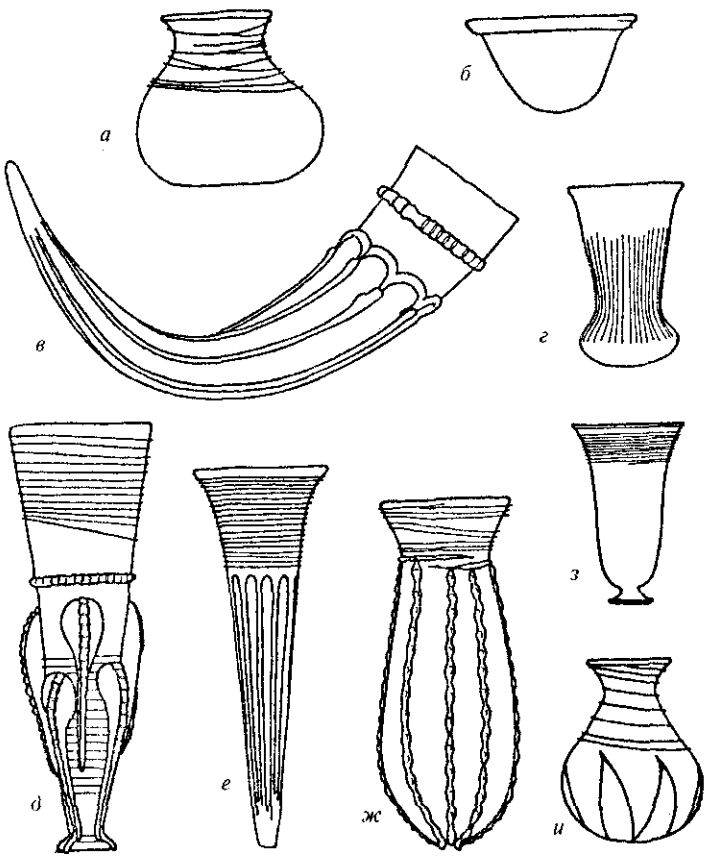


Рис. 22. Англосаксонская стеклянная посуда:
а — небольшой, широкий сосуд, найденный в Апчарче, Кент; *б* — потир из Фаверсхема, Кент (потир — греческое название чаши, из которой причащаются христиане); *в* — рог для питья из Рейнхама, Эссекс; *г* — чаша для вина из Ашфорда, Кент; *д* — кубок с зубчиками, Таплоу, Букингемшир; *е* — конусообразная чаша, Кемпстон, Бедфордшир; *ж* — мешковидный кубок, Фаверхсем, Кент; *з* — бокал с ножкой, Кройдон, Суррей; *и* — бутыль в форме кисета, Сар, Кент

средневекового монастыря были обнаружены остатки настилов трех печей. Осколки стекла, найденные там, указывают, что печи работали в IX или X столетии. В одной из печей осколков очень мало, возможно, это была печь для обжига. Еще не опубликованы все результаты раскопок, но похоже, это единственный дошедший до нас образец стеклодувного производства в Англии. Мы можем предположить, по аналогии с более поздними мастерскими, что все печи располагались под одной крышей и что стеклодувы, используя те же самые инструменты, которые применяются и сегодня, выдували свои изделия в промежутках между печами.

Глава 4
ВООРУЖЕНИЕ И ВОЙНА

Это была героическая эпоха: произведения на народном языке дают наглядное тому свидетельство. Даже Христа изображали воителем, «юным героем», «доблестным и решительным».

Больше всего в те времена ценилась верность своему повелителю. Воин получал свою часть военных трофеев, но был готов при необходимости отдать жизнь за господина; если вождь погибал в сражении, а кто-то из воинов оставался жив, то это считалось позором. Этот героический дух отражен и в поэзии, и в англосаксонской прозе и сохранялся долгие века после прихода христианства. Войны оставили после себя огромное количество археологического материала в виде множества оружия, захороненного в могилах воинов и крестьян. Обсуждая этот героический век, мы должны рассматривать и то, что от него осталось.

Хотя меч являлся главным оружием в англосаксонскую эпоху, мечи встречаются в англосаксонских захоронениях не слишком часто по сравнению с другими видами оружия. Болдуин-Браун еще давно назвал весьма показательные цифры: в 308 погребениях Кингстона найдены 2 меча, в 150 захоронениях в Бифронсе — 7; в Сарре же на десять погребений приходился один меч. К этим цифрам можно добавить более новые данные: один меч был найден после раскопок ста захоронений в Холивелл-Роу, и ни одного в 123 погребениях в Барвелле.

Мы знаем из источников, что меч считался сокровищем и передавался от отца сыну. Меч, принадлежавший Оффе[1], один из англосаксонских принцев в XI столетии завещал своему брату. В древнеанглийской поэзии мы постоянно встречаем упоминания о том, что меч обладал особой силой, поскольку он был древним или принадлежал кому-то из прославленных героев прошлого.

Мечами владели богатые и знатные люди. Некоторые мечи, как, например, меч Беовульфа Наэглинг, имели свои имена. Немногие из этих мечей дожили до наших дней. Но и в лучшем случае все, что от них осталось, — это остатки бронзовых или из более драгоценного металла частей рукояти (фото 2). Время от времени в наши руки попадают богато украшенные мечи, и тогда можно не сомневаться, что их владельцы занимали особое и важное положение.

Самые древние англосаксонские мечи языческого периода были обоюдоострыми и имели длину приблизительно 75 сантиметров, клинок был тонким, имел прямое лезвие и закругленное острие. Эти мечи именовались «спата», их далеким прототипом был кельтский меч латенской культуры, похожей длины и формы. Мечи носили в ножнах, которые делали из двух тонких деревянных планок, обтянутых кожей. Верх ножен иногда украшали металлической окантовкой. Одним из интересных образцов являются найденные в Чезел-Дауне ножны с позолоченными бронзовыми накладками на внешней стороне и рунической надписью на задней. Некоторые ножны были укреплены полосками металла и имели металлический наконечник, который иногда, как у ножен из Брингептона, покрывал орнамент. Порой ножны обтягивали необработанной кожей, вероятно для того, чтобы шерсть предохраняла лезвие от влаги.

[1] Едва ли имелся в виду Оффа Мерсийский. Скорее всего, это оружие связывали с именем легендарного Оффы, правителя англов на континенте.

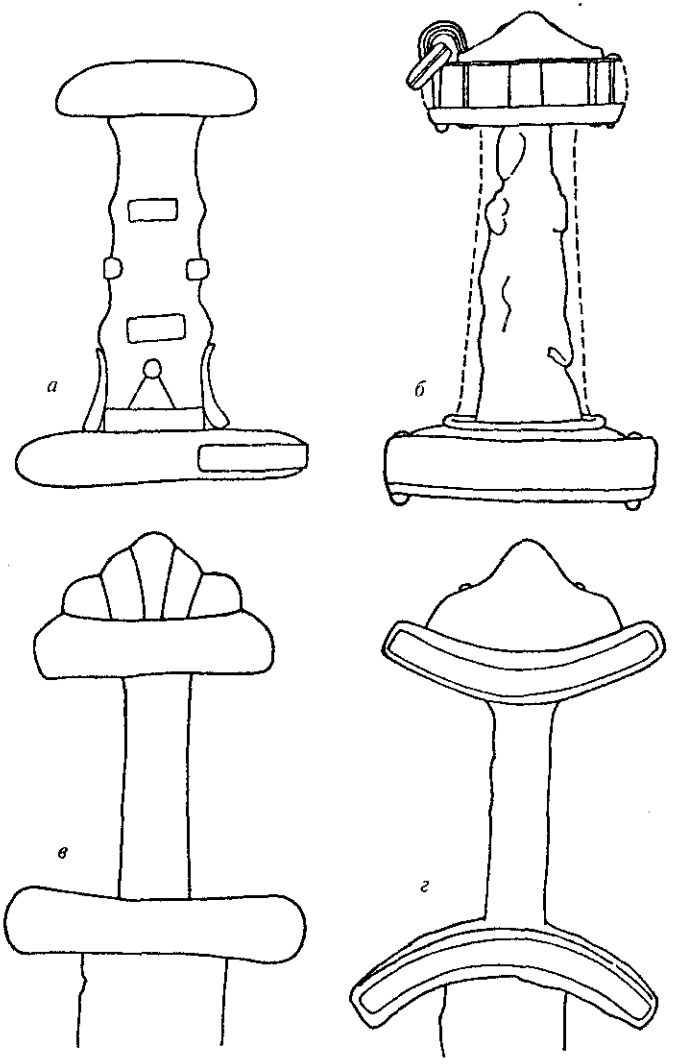


Рис. 23. Схематическое изображение рукоятей мечей:
а — рукоять из Камберленда (VII столетие); *б* — рукоять из Гилтона, Кент (VI столетие); *в* — викингская рукоять, место производства не установлено; *г* — рукоять из Абингдона (IX столетие, см. фото 22)

Профессор Аткинсон подробно описал ножны меча из Петерсфингера. В них чередовались слои древесины и кожи; внутри — тонкая деревянная пластина, снаружи — с одной стороны дерево, с другой — кожа. Эти пластины скреплялись по краям бронзовыми полосками. В Брушфилде, в Дербишире, Томас Бейтман нашел ножны, обтянутые кожей и украшенные ромбическим орнаментом; обломок подобных ножен (фото 25) был найден в Хексхеме в Нортумбрии. Лезвие меча было сравнительно тонким и иногда украшалось гравировкой: например, на лезвии меча из Ривер-Ларк выгравированы два кабана. Иногда при изготовлении лезвия несколько железных прутьев скручивались вместе и затем расковывались в тонкий клинок, который укрепляли по краям прочной сталью, — это придавало клинку особую гибкость. Лезвие меча после этого полировалась. В поэме «Беовульф» говорится об одном из таких мечей: «Также герою стало подспорьем то, что вручил ему вития Хродгаров: меч с рукоятью, старинный Хрунтинг, лучший из славных клинков наследных (были на лезвии, в крови закаленном, зельем вытравлены узорные змеи)». Часто, однако, лезвия ковали из цельного куска металла, и в большинстве случаев они не имели украшений.

Рукояти (рис. 23) использовались для типологической классификации мечей, но пока удовлетворительных результатов достигнуть не удалось. Рукоять надевалась на стержень, который являлся продолжением лезвия. Гарда представляла собой обычно тонкую прямоугольную пластину из кости или дерева, выступающую на 2—5 сантиметров за края лезвия. Рукоять делалась из дерева (реже — из кости) и обтягивалась тканью или кожей, а иногда обматывалась серебряной проволокой или шнуром. Иногда, как на мече из Чезел-Дауна, рукоятка была украшена металлическими плашками с орнаментом. На стержень, выступавший за пластину наверху рукоятки и не имевший никакого функционального назначения, надевали навер-

шие — «яблоко». Оно могло быть богато украшено и имело различные формы. У меча, найденного в захоронении во Флим-Дике (Кембриджшир), например, было шарообразное «яблоко». Иногда навершие представляло собой треугольную железную пластину. Но чаще оно имело форму, изящно обозначенную как «треугольная шляпа». Некоторые такие навершия украшали колечками, из которых одни свободно перемещались, в то время как другие были жестко закреплены. Эта разновидность «яблока» редко встречается в Англии, и в основном в Кенте, но в Северной Европе она была повсеместно распространена. Достаточно вспомнить отрывок из «Старшей Эдды»:

Мечи лежат на Сигарсхольме...
Есть там один самый лучший...
С кольцом рукоять, храбрость в клинке
Страх в острие для тех, чьим он станет...[1]

Кольцо, как часто указывалось, ассоциировалось с мужеством и отвагой.

Этот древний тип меча, спата (*spatha*), с простой рукоятью, очевидно, продолжали производить и в христианский период. На рисунках из каролингских манускриптов изображены мечи подобной формы. Но в конце VIII столетия, с началом викингских нашествий в Западной Европе, возможно, в Англии, а возможно, в долине Рейна появилась совершенно новая по своей конструкции и технике изготовления разновидность мечей. В Англии найдено приблизительно 50—60 мечей этого типа, некоторые из них, очевидно, принадлежали викингам. Они значительно отличаются друг от друга как по качеству, так и по размеру. Большинство из них имеют лезвия длиной в 75—80 сантиметров, по центру которых проходит желобок, и изготовлены описанным выше методом из сплетенных железных прутьев. Лучшие образцы — гибкие и обо-

[1] Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Пер. А. Корсуна. М., 1975. С. 255.

юдоострые. Примитивная рукоять *спаты* заменена более роскошной, с прекрасно отделанной гардой, которая могла быть прямой или изогнутой. По форме «яблока» рукояти грубо можно разделить на две типологические группы: одни закругленные и плоские, а другие полукруглые, несколько же типов не попадают ни в какую категорию.

Лезвия этих более поздних мечей были намного более крепкими и более тяжелыми, чем у *спаты*. Иногда на лезвии значилось имя мастера, который делал меч, благодаря чему мы знаем, что некоторые из мечей были изготовлены на континенте.

Некоторые англосаксонские рукояти отличались богатым декором. Например, «яблоко» меча из Феттер-Лейн (Лондон) (фото 24) сделано из серебра, покрыто позолотой, и на нем изображены переплетающиеся змеи на фоне лиственного орнамента. Это один из шедевров англосаксонского искусства, сохранившихся до наших дней. Чуть менее роскошный меч найден в Абингдоне (Беркшир) (фото 22). Его гарда и «яблоко» покрыты серебряными пластинами; на них чернением выполнены изображения животных, растений и даже людей. На абингдонский меч похожи мечи из Ривер-Уитэм около Линкольна (фото 23), а также находки из Долвена, Гроннеберга и Ховена в Норвегии. «Яблоко» и гарда обычно делались из железа и иногда покрывались серебром, но чаще просто украшались выгравированным орнаментом. Иногда, однако, они изготовлялись из бронзы, как, например, у меча из Экстера, на котором выгравирована надпись на латыни «eofri mefe» (т. е. меня сделал Эофри). Поскольку большинство таких мечей найдено в Англии случайно, то мы знаем о ножнах этого времени меньше, чем о ножнах более раннего периода. Однако остатки древесины и довольно изящная оковка ножен свидетельствуют, что они мало чем отличались от своих языческих предшественников. Меч носился на левом бедре на перевязи, которая перебрасывалась через правое плечо (рис. 24).

Родственник этого меча — нож с заточенным с одной стороны лезвием — *скрамасакс*. Такими ножами убили Сигиберта в 575 г. Григорий Турский описывал их как «крепкие ножи, обычно именуемые скрамасаксами, смазанные ядом». Вероятно, это заявление дало повод для неправильного предположения, что желоб на мечах делали специально для смазывания их ядом. Под общим названием «скрамасакс» объединяется большое количество ножей от самого короткого, длиной не более чем 7,5 сантиметров, до серьезного оружия, имевшего длину в 75 сантиметров. В этой главе мы опишем только боевые ножи.

Рис. 24. Воин, изображенный в позднесаксонской рукописи. Британский музей

Типичные *скрамасаксы* (фото 26, 27) периода Великого переселения народов, найденные на континенте, — это грубо сработанные ножи с лезвием длиной приблизительно 40 сантиметров и асимметричной рукоятью — стержнем, хотя иногда, как в случае ножа, найденного в Пуане, они имели длину 52 сантиметра и красиво украшенную рукоять. *Скрамасаксы* появились в Англии в конце языческого периода, а разнообразие их форм не позволяет четко их классифицировать, так, например, один из *скрамасаксов*, найденный в Анклеби в Йоркшире, имел длину 60 сантиметров, но встречаются и образцы длиной 35 сантиметров. Их носили на бедре, в ножнах, которые крепились к поясу с помощью небольших бронзовых петель. Гарда *скрамасакса* часто очень небольшая, в то время как «яблоко» могло иметь различные формы от скромной «треугольной шляпы» до изящного серебряного навершия, как, например, у ножа из Винчестера (фото 27), который состоит из трех частей:

к центральной выпуклости примыкают два боковых элемента, по своей форме напоминающие звериные головы. Еще одно интересное, хотя и относящееся к более позднему периоду навершие рукоятки скрамасакса было обнаружено в Виндзоре. В его центральной части помещена золотая пластина с орнаментом-плетенкой из золотой филиграни; из более толстой проволоки выполнен орнамент, завершающийся условным изображением звериных голов; дополняют декор виноградные грозди из маленьких золотых гранул.

Скрамасаксы оставались в ходу и после принятия англосаксами христианства. Так, скрамасаксы, найденные в Офтоне и Хоксне, в Суффолке и в Темзе около Вендсвурта, были сделаны в VIII столетии. Но наиболее типичные скрамасаксы позднего периода представлены двумя образцами, хранящимися в Британском музее, из Темзы и из Ситтингбурна (Кент) (фото 26). Скрамасакс из Темзы имеет длину 71 сантиметр; на нем инкрустацией медью, бронзой и серебром выполнен орнамент из треугольников и ромбов. Также инкрустацией изображен весь футарк, рунический алфавит. Скрамасакс из Ситтингбурна украшен пластинами с декором в винчестерском стиле начала X столетия. На них также выгравированы имена владельца и мастера, сделавшего меч: Сигеберет и Бьерктельм. На многих более поздних скрамасаксах была инкрустация медью и бронзой, и эта техника использовалась до XIII столетия. Скорее всего, скрамасаксы служили в качестве кинжалов, хотя позднее длинные образцы, возможно, применялись и как мечи.

Самым распространенным орудием защиты, обнаруженными в англосаксонских захоронениях, является щит (рис. 25). Англосаксонский щит был деревянным, круглой формы, в центре его имелся металлический умбон. Деревянный каркас иногда обтягивали кожей, а отверстие в центре позволяло перемещать руку внутри углубления, образованного умбоном, где крепилась руч-

ка. Некоторые из щитов оковывались по краям металлом, но это было редко, в большинстве случаев использовалась кожа. Щиты различались по размерам. Самый маленький английский щит, найденный в Петерсфингере (Уилтшир), имел 30 сантиметров в диаметре, а самый большой — диаметром 76 сантиметров — найден в Рингмере (Суссекс). Остатки деревянных щитов редко находят в англосаксонских захоронениях, поэтому к приведенным цифрам следует относиться с осторожностью. В Кенби в Линкольншире была найдена часть щита, толщина которого составляла около трех сантиметров; он был украшен позолоченными бронзовыми накладками с орнаментом-плетенкой. Судя по тому, что у некоторых щитов ручка и умбон были склепаны вместе через деревянный круг, и учитывая толщину сохранившихся деревянных фрагментов, англосаксонские щиты языческого периода были не толще 12 миллиметров. Здесь можно вспомнить, что викингский щит, найденный на гокстадском корабле, был большого размера и довольно тонкий. Такой щит был легок, и им удобно было пользоваться в сражении.

Щиты обычно делали из липы и иногда покрывали кожей, как в случае со щитом из Саттон-Ху. Деревянные каркасы порой расписывали, как мы можем видеть по находке в Гокстаде. Все сохранившиеся умбоны сделаны из железа и бывают трех различных форм: с вогнутыми поверхностями и клиновидные, с выпуклыми поверхностями и конические. Они крепились к деревянному щиту бронзовыми или позолоченными заклепками и обычно изготовлялись из цельной металлической болванки, но иногда, как у щита, найденного на Мельбурнском кладбище, конический умбон делался из свернутого в конус плоского металлического листа.

Много времени было потрачено в спорах о том, была ли поверхность щитов выпуклой или плоской. Часто говорится, что «скос кромки умбона указывает на зна-

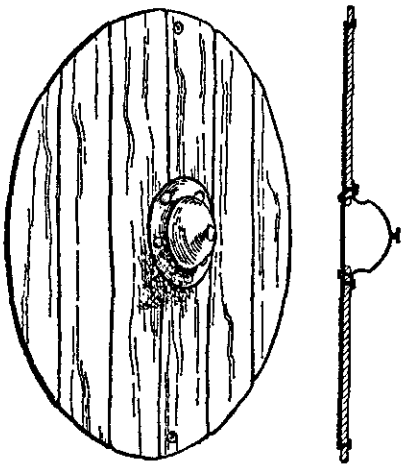


Рис. 25. Изображение англосаксонского щита

чительную кривизну поверхности щита». Этот аргумент неубедителен. Скос кромки умбона, вероятно, связан с техникой изготовления, поскольку очень трудно делать умбон с плоскими краями из-за внутреннего напряжения металла. В то же время скос кромки обеспечивал лучшее прилегание к дереву, когда умбон крепился заклепками. Но этот спор нельзя разрешить окончательно, поскольку до нас дошло слишком мало целых щитов. Во всей Северной Европе, однако, ни одного выпуклого щита не было найдено. С другой стороны, строение ручки щита из Саттон-Ху говорит о том, что он был выпуклым. Аналогичные аргументы приводятся в пользу выпуклости щитов в Италии и Германии. Детальное исследование ручки одного из щитов из Петерсфингера (Уилтшир) убедило археологов в том, что щит был выпуклым, с радиусом кривизны приблизительно 50 сантиметров. Конструкция этого щита весьма интересна. Профессор Аткинсон показал, что каркас щита «состоял из двух или более слоев дерева, при этом они распо-

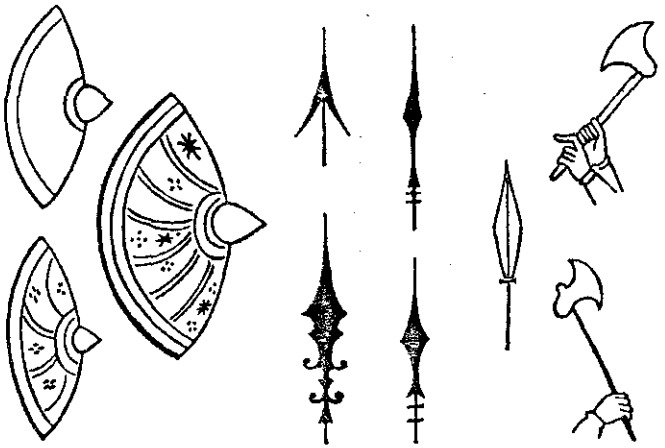


Рис. 26. Щиты, наконечники и боевые топоры, изображенные в англосаксонских рукописях

лагались так, что волокна древесины одного слоя шли под прямым углом к волокнам следующего слоя, как в современной фанере». Он предположил, что такая конструкция требовалась, чтобы сделать выпуклый щит. Описание щита, найденного в XIX в. в Линтоне, может быть интересно в связи с находкой из Петерсфингера: «Сохранность его была достаточной, чтобы понять, что он имел круглую форму и что деревянные планки сходились от краев к умбону. Планки крепились к основе щита, по всей видимости деревянной. Точный смысл этого описания не вполне понятен, но оно имеет много общего с описанием щита из Петерсфингера, и возможно, что эти щиты были конической формы или выпуклые. Вероятно, англосаксы использовали выпуклые щиты, и иллюстрации из рукописи (рис. 26) подтверждают это предположение.

Вооружение рядового воина состояло из щита и копья. Вероятно, это были просто деревянные щиты, обтянутые кожей, и только богатые люди имели щиты с

металлическим умбоном. В Оберфлахте в Германии, например, был найден овальный деревянный щит, покрытый кожей и без умбона. Тацит, описывавший германцев в начале нашей эры, говорит, что их щиты были плетеными. Весьма вероятно, что англосаксонские щиты имели такую же конструкцию. Большинство англосаксонских щитов, изображенных в рукописях, круглые, в то время как большинство щитов, изображенных на гобелене из Байе, имеют закругление в верхней части, прямые боковые стороны и заостренный конец. Однако других свидетельств того, что щиты в то время имели такую форму, у нас нет. Кроме того, из рисунков в рукописях и гобелене можно заключить, что щит уже в поздний саксонский период использовался в качестве носителя геральдической символики. Мы не можем утверждать наверняка, что изображения на щите определялись чем-то помимо принципов симпатической магии или художественных вкусов владельца, но не исключено, что эти рисунки могли свидетельствовать о принадлежности к тому или иному роду.

«Arma, id est scutum u lancum» (оружие человека — щит и копье), — говорится во франкских законах, и простые англосаксы сражались главным образом с этим двумя предметами. Если говорить об оружии, железные наконечники копий наиболее частая находка в англосаксонских захоронениях. Но вероятно, в силу их скучного однообразия поэтому их никогда детально не изучали. Копье, применявшееся не только как оружие на войне, но и как орудие для охоты, можно с одинаковым успехом обнаружить и в могиле бедного человека, и в королевском погребении Саттон-Ху. Оружие Водена использовалось повсюду и всеми, и образцы наконечников, инкрустированных драгоценными металлами, служат ясным указанием на то, что оно у англосаксов ценилось.

Источником наших знаний об англосаксонских копьях с археологической точки зрения являются железные

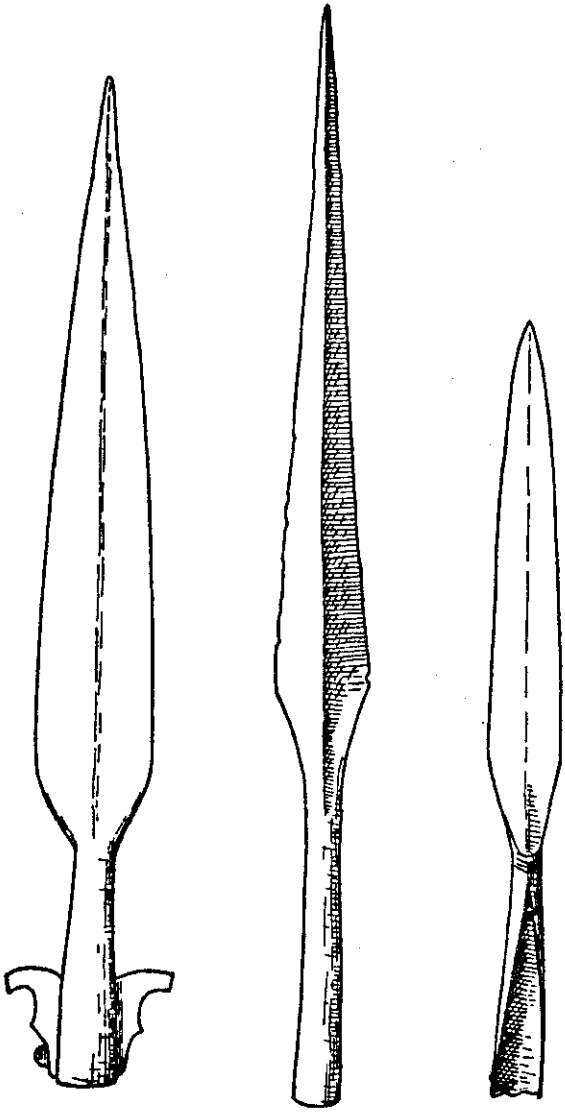


Рис. 27. Англосаксонские наконечники копий, найденные в Лондоне

наконечники. Наконечники обычно делались в форме листа и имели паз для соединения с древком (рис. 27). В сечении они представляли собой ромб.

Наконечники отличались по своим размерам: они имели длину от 20 до 60 сантиметров. Их форма в течение саксонского периода почти не изменялась. В некоторых случаях они ковались из переплетенных железных прутьев, но это бывало очень редко. Одной из поздних деталей, отличающих наконечники, называемые также каролингским, являются два «крыла» (рис. 27, *а*). У них имелось конкретное предназначение: они служили для того, чтобы копье не входило слишком глубоко и можно было легко вытащить. Такую конструкцию копий можно видеть во многих рукописях начиная с IX столетия. Из этих рисунков (рис. 26) ясно, что иногда «крылья» крепились не к раструбу, а к древку, тогда они делались из дерева. Ни одно из англосаксонских копий полностью не сохранилось. Но в Оберфлахте, в Германии, было найдено целое копье, захороненное рядом с гробом, в котором покоился воин. Длина его составляла приблизительно 210 сантиметров, а наконечник был прибит к древку позолоченными гвоздями и примотан кожаной лентой. Благодаря этому копью мы можем считать достоверными иллюстрации в рукописях, где копье по длине превосходит рост человека. Косвенным подтверждением служит расстояние между концом наконечника и концом копья в погребениях в Чезел-Дауне и Петерсфингере.

Меч, *скрамасакс*, щит и копье — наиболее распространенное оружие, постоянно встречающееся в англосаксонских захоронениях и на месте англосаксонских поселений. Однако следует поговорить о менее распространенных типах оружия и доспехов. К ним относятся топор, шлем, лук и стрелы, дротик и кольчуга. Обычным оружием на континенте в языческую эпоху была *франкиска*, или метательный топор (рис. 28), который имел

Рис. 28. Франкиска, или боевой топор, найденный в Хоулеттсе, Кент. Лондон, Британский музей

сравнительно короткую ручку и обух, который шел от ручки под тупым углом к слегка вздернутому лезвию. Топоры такой формы применялись главным образом у франков, но иногда попадаются и в Англии, например в Кенте на обухе. Одного из таких топоров, обнаруженного в Хоулеттсе, имеется позолоченная пластина на обухе. В более позднюю англосаксонскую эпоху широкое распространение получил топор с широким закругленным лезвием, укрепленным под прямым углом на рукоятке (рис. 26). Его использовали в основном как боевой топор в рукопашной схватке; подобные топоры изображены на гобелене из Байе, поскольку к этому времени боевой топор становится типичным оружием англосаксов (Стентон говорит, что он был традиционным орудием личных королевских воинов — «хускарлов») наряду с копьем. Такая разновидность топора, вероятно, использовалась и для рубки дерева (хотя Т-образный топор чаще применялся для этой цели). Топоры с металлической рукоятью, найденные в Саттон-Ху,

также, должно быть, представляют собой разновидность боевых топоров. Железную рукоять нельзя разрубить метким ударом другого топора.

Только два шлема были найдены в англосаксонских захоронениях, и оба принадлежат к языческому периоду. Первый обнаружен в Бенти-Грейндж в Дербишире в 1848 г. и имеет очень сложную конструкцию (фото 29). Шлем составлен из металлических полос, образующих сферу: на наноснике серебром инкрустирован крест. Промежутки между полосами были покрыты пластинами из рога (которые не дошли до наших дней). Они крепились к каркасу серебряными заклепками. На гребне шлема помещалась фигурка кабана (фото 28), украшенная позолоченными серебряными накладками. На месте глаз помещались гранаты, оправленные в золотую филигрань. По-видимому, тело кабана было первоначально покрыто эмалью. Второй шлем найден в Саттон-Ху. Он, по всей вероятности, был привезен издалека, и поэтому мы поговорим о нем в другом месте. Фигурка кабана на шлеме из Бенти-Грейндж проясняет ряд образов, встречающихся в древнеанглийской литературе, в частности, в «Беовульфе», где шлем именуется «кабаном»: «И тогда на костер золотые сокровища вместе с воином, с героем Скильдингом, были возложены: люди видели окровавленные битв одежды железотканые с кабаном позолоченным на груди вождя».

«Золотой... железобокий кабан» — наиболее примечательная деталь шлема из Бенти-Грейндж.

В англосаксонский период шлем носили, скорее всего, только вожди или богатые люди. На ларце Френкса, например, только шлемы предводителей имеют наносник, а у остальных воинов головные уборы из мягкой кожи. Даже на континенте, в германских погребениях, шлемы находят редко, хотя во Франции, Германии и Швеции они встречаются гораздо чаще, чем в Англии. В рукописях

христианской эпохи только знатных людей изображают в шлемах. В битве при Гастингсе у всадников[1] были шлемы с коническим верхом и наносником. К сожалению, ни одного шлема этого типа не было найдено в Англии, хотя в других местах подобные шлемы часто встречаются: например, шлем святого Вацлава, хранящийся в Пражском кафедральном соборе, который, подобно шлему из Бенти-Грейндж, украшен изображением христианского символа (в этом случае — распятия) на наноснике. Кажется весьма вероятным, что к концу англосаксонской эпохи шлемы стали носить все воины, о чем свидетельствует запись англосаксонской хроники под 1008 г., где говорится, что с каждых восьми гайд земли должны были быть предоставлены шлем и кольчуга. Но мисс Келлер, несомненно, права, когда говорит, что шлем был сравнительно редкой вещью до этого периода. Простой воин, вероятно, носил так называемый фригийский колпак, который, возможно, как предполагает Лейниг, был обшит металлическими пластинками.

Лучники изображены на ларце Френкса, сделанном в VIII столетии (фото 56), на гобелене из Байе и во многих рукописях англосаксонского периода. Луки и стрелы, однако, очень редко находят в англосаксонских захоронениях. В отчете о раскопках в Чезел-Дауне Хиллер написал: «Присутствие лука около пяти футов в длину можно установить по явно выраженному темному следу сгнившего дерева, оставшемуся в меловой почве». Болдуин-Браун нашел аналогический след в Бифронсе. Также в Чезел-Дауне были найдены наконечники стрел и следы многочисленных древков, которые были сделаны, по предположению археологов, из орешника. Наконечники стрел иногда находят, но это не самый распространенный артефакт англосаксонской эпохи, и, по мнению Болдуин-Бра-

[1] По-видимому, автор имеет в виду нормандских всадников. Англосаксы, как известно, всегда сражались пешими.

Рис. 29. Воины несут оружие. Гобелен из Байе

уна, это вполне мог быть наконечник копья или метательных копий. Среди них встречаются наконечники с раструбом и стрежнем, некоторые явно поцарапаны. Однако возможно, что стрелы делали вообще без наконечника, а просто сушили в огне. В Оберфлахте, в Швабии, например, были найдены стрелы длиной приблизительно в 60 сантиметров, «настолько иссохшие, что их приняли за тетиву»; на месте наконечника имелось лишь коричневое пятно. Там же было обнаружено несколько луков; длина одного из них составляла около 2 метров. Они были сделаны из тиса, укреплены в центре, сужены к концам и слегка изогнуты.

Лук был оружием рядового пешего воина и служил как для охоты, так и для сражения. Стрелы с оперением носили в колчане, который висел на плече. Луки, изображенные на гобелене из Байе, имеют длину приблизительно 1,2 метра, но едва ли разумно делать какие-то выводы по поводу размера луков, основываясь на иллюстрациях. Гораздо более длинный лук был найден в Хедебго в Германии; единственный сохранившийся до

наших дней лук, найденный в Англии и датированный началом XIII столетия, имел длину 1,2 метра. Считается, что лук не был привычным оружием англосаксов, и в утверждении Генри Хантингтонского[1], что Вильгельм Завоеватель одержал победу из-за того, что у англосаксов не было хороших лучников, возможно, есть доля истины.

Агафий, писавший о войнах между Юстинианом и «тевтонами», вторгшимися в Италию, сообщает, что главным оружием захватчиков было легкое оружие, которое могло использоваться и как метательное копье, и в рукопашной схватке. «Древко было покрыто листом металла так, что дерево едва было заметно». Описание Агафия несколько путаное, и попытки уяснить, что же он имеет в виду, пока не дали результатов. Это мог быть «ангон», который часто находят на континенте; но также и в Англии, главным образом в Кенте, где образцы подобного оружия нашли в Сарре, Бифронсе, Хай-Дауне и Струде. Другие экземпляры обнаружены в Беддингтоне в Суррее. Но это оружие является, несомненно, чужеземным и настолько редко попадается в Англии, что не стоит обсуждать его здесь.

Кольчуги, которые в большом количестве изображены на гобелене из Байе, практически не представлены среди археологических находок. Фрагменты кольчуги были обнаружены в Саттон-Ху и в Бенти-Грейндж, но от кольчуги из Бенти-Грейндж сохранился очень маленький кусок, возможно, что она всего лишь покрывала шею (подобный шлем нашли и в захоронении № 6, Вальсгарде, Швеция). Кольчуга из Саттон-Ху, безусловно, представляла собой кольчужную рубашку. В отличие от континентальных кольчуг кольца в ней были не заклепаны, а сцеплены. Подобная техника имела

[1] Генри Хантингтонский — английский хронист середины XII в.

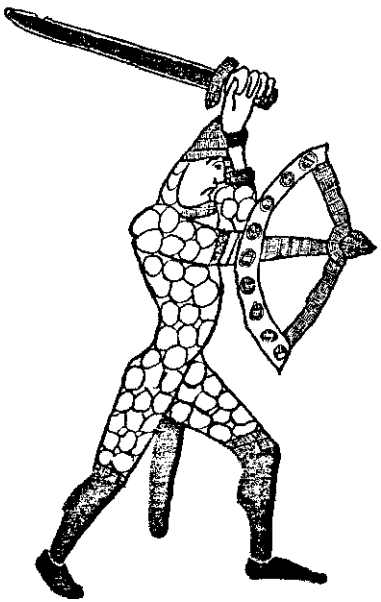


Рис. 30. Изображение воина. Гобелен из Байе

только одно преимущество — простоту исполнения. У кольчуг, изображенных на гобелене из Байе (рис. 29, 30), короткие широкие рукава и нижняя часть в виде «юбки», с «разрезами» впереди и позади, чтобы удобнее было ехать верхом. Сэр Джеймс Манн указал, что, несмотря на эти прорези в «юбке», ездить в такой кольчуге даже сильному и выносливому воину было трудно. Такие кольчуги, должно быть, стоили дорого, и, очевидно, их носили только знатные воины. Кожаная безрукавка считалась достаточной защитой для простого человека. Кольчуга надевалась на такую же безрукавку, чтобы, если она будет пробита, кольца не впивались в кожу.

В качестве примера, на котором можно уяснить приемы ведения боя и использование разных видов оружия,

я выбрал описание сражения, происшедшего 11 августа 991 г. около Мэлдона в Эссексе. По названию этого города его именуют Битвой при Мэлдоне. Сражение произошло на берегу реки Блэкуотер. Даны[1] первоначально находились на острове Нортхей, но по неразумению англосаксов переправились через реку по насыпи, которую можно видеть и сегодня. Этой битве был посвящен гобелен, который до наших дней не сохранился, его подарила аббатству Эли вдова Бюрхтнота, предводителя англосаксов; а также поэма на древнеанглийском языке, текст которой я привожу ниже. Я сократил поэму, убрав из нее некоторые риторические пассажи и те фрагменты, которые не относятся к нашей теме:

Сам он всадникам приказал
всех коней отпустить,
спешно спешиться, —
уповали бы в рукопашной
молодые лишь на доблесть
да на доброе свое оружие...
...стал по уставу Бюрхтнот
ставить войска,
скакал на коне, указывал
каждому воину,
кому какое мужу место,
а вместе наказывал,
чтобы щиты
наизготове держали
крепко в руках и прямо,
дабы страха не ведать;
когда же рать-преграду
построил как должно,
там он спешился,
среди приспешников верных,
среди приближенных дружинников,
живших в доме его.

(Тут появляется вестник викингов, предлагающий англам заплатить выкуп и таким образом избежать битвы; его предложение с презрением отвергнуто.)

[1] Даны — датчане, викинги.

Там со щитами
он [Бюрхтнот] поставил воинов,
над рекой по его приказу
войска стояли,
и только протока
противников разлучала...

(Через какое-то время Бюрхтнот любезно позволяет врагам переправиться через брод.)

Стая волчья
стала переправляться,
войско викингов
— воды Панты их не пугали —
через потоки светлые со щитами
на восточный берег
вышли и вынесли
боевые доспехи;
Бюрхтнот же к бою
с ратоборцами изготовился,
сторожил кровожадных,
и сложить повелел,
собрать из щитов ограду,
чтобы ратовать стойко
дружине в сраженье:
приближалась битва,
слава близилась,
время пришло
пасть избранниками израненным
на поле брани.
Вот взволновалось войско,
вороны кружат,
орел воспарил, стервятник,
крики на поле;
тут пустили стаю
копий, как сталь, каленых,
остреные древки,
дроты взлетали,
луки труждались, жала,
визжа, в щиты вонзались,
сшиблись дружины,
мужи гибли,
первые пали юноши
на поле ратном...
был племянник Бюрхтнота
избит мечами,
сын сестрин
в сече изрублен...

сам он [Бюрхтнот] двинулся в сечу,
меч подъявши
и щит для защиты,
ища противника,
войсковода отважный
воину вражьему шел навстречу —
зла, не блага,
они желали друг другу;
морестранник направил
с полдня копье остреное
и поранил, задел
вождя ратного, —
тот щитом прикрылся,
распласталось надвое древко,
ясень копейный,
вспять прянул,
и тут же неукротимый
пустил ответное,
горло гордому
врагу пронзило,
смелым бойцом
умело нацеленное
жало прошило
шею ратнику, —
жизни решил он
несокрушимого,
и сразу грозный
срезал второго,
грудь пронзил,
просквозил доспехи,
от плеча разошлась кольчуга,
торчал из сердца
дрот отравленный...

(Бюрхтнот снова ранен.)

...меченосец новый
к знатному приближался,
коваными кольцами
искал поживиться,
чистой кольчугой,
мечом очеканенным;
Бюрхтнот не мешкая —
меч из ножен,
сверкнул широколезвым,
по железу ударил;
но поздно: на помощь недругу
подоспел корабельщик,

отсек предплечье,
изувечил раной, —
в землю вонзился
золотом украшенный
клинок его,
и не смог бы воитель
взяться — отказали руки...

(Бюрхтнот произнес торжественную речь, после чего был убит вместе с двумя своими воинами; кое-кто из англов бежал с поля боя, но другие смело кидаются в битву, состязаясь при этом в героических речах.)

За них же прилежно
и заложник ратовал,
из нортумбрийцев
знатного рода,
этот Эскферт,
Эглафа отпрыск,
прочь не пустился,
из потехи бранной,
но мечет, не мешкая,
меткое жало,
то по щиту,
а то и в тело,
раз по разу
дразнит, ранит,
колет, доколе
рукой владеет.
Там же еще остался
статный Эадвеард...
рушил щит-ограду,
ратовал с недругом,
воздал морским бродягам
за вождя кольцеподателя,
местью за смерть,
и с мертвыми лег он;
так же Этерик:
этот знатный,
ратник рьяный,
брат Сибюрхта,
не на жизнь сражался;
и дружинники многие
копья в щиты вгоняли,
оборонились храбро;
сшибались щитов ободья,
битва страшную пела

песнь доспехов...
щиты грохотали,
одолевали мореекитальцы...
Бюрхтвольд молвил,
щит подымая,
тряс он, яростный,
дротом ясеневым,
ратник старый
учил соратников:
«Духом владейте,
доблестью укрепитесь,
сила иссякла —
сердцем мужайтесь;
вот он, вождь наш,
повергнут наземь,
во прахе лежит добрейший;
да будет проклят навечно,
кто из бранной потехи
утечь задумал;
я стар, но из стычки
не стану бегать,
лучше, думаю, лягу,
на ложе смерти
рядом с господином,
с вождем любимым[1].

Эта поэма, написанная вскоре после сражения, когда память о героических деяниях была еще свежа, позволяет воссоздать военную тактику, применявшуюся в англосаксонскую эпоху.

Англосаксы сражались в пешем строю. Битва была тяжким делом: как только противники сходились, сражение превращалась в рукопашный бой на ограниченном пространстве, длившийся до тех пор, пока одно из сражающихся войск не было полностью уничтожено или не обращалось в бегство. Из поэмы видно, что, несмотря развитые политические институты, характерные для Англии этого периода, в армии были живы героические традиции языческого времени, и их основой были вза-

[1] Цит. по: Битва при Мэлдоне / Пер. В.Г. Тихомирова // Древнеанглийская поэзия: Изд. подготовили О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982. С. 137—156.

имные обязательства воина и его повелителя. Когда вождь побеждал, его воины делили с ним богатства и славу, когда же удача ему изменяла, они делили его судьбу и, подобно Бюрхтвольду и Этерику, погибали рядом с ним на поле боя. Бежать с поля битвы после смерти повелителя значило покрыть себя позором. Почти все сражения того времени длились очень долго и были кровопролитными.

Из текста поэмы «Битва при Мэлдоне» следует, что предводитель англосаксов строил своих воинов в боевой порядок, создавая стену из щитов. Высказывались предположения, что стена из щитов строилась по принципу римского *testudo* — боевого порядка, при котором воины держат щиты над своими головами. По мнению профессора Гордона, «стена из щитов была своего рода оборонительным укреплением, созданным из рядов воинов, стоящих близко к друг другу и державших свои щиты так, чтобы получалась сплошная стена. Передний ряд выставлял щиты вперед, а задние ряды держали их над головами, чтобы защитить стоящих впереди и себя». Эта интерпретация в общем верна, но мне кажется, в ней присутствуют некоторые идеи, чуждые англосаксонским представлениям о битве. Прежде всего, я считаю, что мы должны отбросить идею о перекрывании щитов, поскольку в таком случае любой маневр становился невозможным. Даже в отлаженном римском *testudo* щиты держали так, что они не перекрывали друг друга. Также сомнительно, что воины во втором ряду, если вообще была вторая шеренга, держали свои щиты, прикрывая свои головы и головы первой шеренги. Сражение в те времена начиналось тем, что воины с обеих сторон пускали в противника стрелы и метали копья, а при таком построении невозможно ни натянуть лук, ни бросить копье. Можно предполагать, что войско строилось более или менее в линию и достаточно тесно, каждый воин держал щит перед собой. Противникам при этом

казалось, что они видят стену из щитов. Воины второй шеренги делали то же самое. Когда кто-то «разбивал стену из щитов», он, по всей видимости, прокладывал себе путь через ряды стоящих воинов.

Щиты действительно играли важную роль в сражении: иногда в них попадало столько стрел и копий, что воины, не в силах их удержать, просто бросали их на землю. Ими пользовались в качестве защиты в рукопашной схватке и, как указано в поэме, отражали удары копья. В литературе того времени довольно часто описывается, как щит был расколот. В руке у воина в таком случае не оставалось ничего, кроме умбона, который он мог применять как оружие нападения. После сражения нетрудно было заменить разбитый щит.

Меч использовали как рубящее оружие, а копье — как колющее. Важность этих оружий следует из приведенного отрывка: на его примере отчетливо видно, что именно они решали исход сражения.

Глава 5
АНГЛОСАКСОНСКОЕ ИСКУССТВО

Англосаксонское искусство вобрало в себя элементы трех традиций — островной кельтской, классической средиземноморской и континентальной германской. В различные периоды разные влияния доминировали. Сэр Томас Кендрик, описывая искусство англосаксонской Англии до 900 г., говорит, что оно представляло собой «серию столкновений между принципами варварской и классической эстетики». Но эту борьбу можно истолковать как борьбу за примирение этих двух начал, примирение, которое было достигнуто дважды: в начале VIII столетия и в X—XI столетиях. История англосаксонского искусства чрезвычайно сложна, но изложу ее здесь схематично и кратко, избегая, по возможности, спорных вопросов.

Ключ к пониманию англосаксонского искусства лежит в том факте, что мастера-умельцы варварского мира ненавидели натурализм настолько же, насколько классики Средиземноморья ненавидели абстракцию. Англосаксонские мастера до X столетия не пытались точно воспроизвести фигуру человека или зверя. Они творили в абстрактной манере, изображая животных с помощью кривых сплетающихся линий, и их принципы коренным образом отличались от натурализма их средиземноморских современников.

Мы должны также иметь в виду, что произведений искусства рассматриваемого нами периода сохранилось

не так уж много. От первых 250 лет англосаксонской эпохи до нас дошли лишь отдельные украшения или изделия из металла, камня или кости. У нас нет образцов живописи, резьбы по дереву или монументального искусства той эпохи. Следующие 350 лет дают нам примеры живописи и скульптуры, что позволяет нам представить богатство искусства этого периода. Но по богослужебным книгам, украшенным миниатюрами, сохранившимся до наших дней, нельзя составить представление о настенных росписях, витражах и светской живописи. Точно так же мемориальные кресты, разбросанные по всей стране, не могут сообщить нам ничего о мастерстве древних резчиков по дереву и скульпторов. Сохранившийся материал позволяет представить англосаксонское искусство в общих чертах, но эта картина далеко не полна. И если до нас не дошли произведения искусства определенной эпохи, это не значит, что искусства в то время не существовало, просто наши сведения скудны и недостоверны.

ЯЗЫЧЕСКИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ И УКРАШЕНИЯ

Англосаксонские мастера медленно уходили от традиций своих римских предшественников, и только к V веку англосаксонское искусство возникло как самостоятельное явление, имеющее, очевидно, германские корни. Первый особый стиль, который появился после римлян в Кенте и на юго-востоке острова, назван «стилем кольцевых фибул» (qoit-brooch stily), поскольку образцы его встречаются в основном на фибулах этого типа. Главный мотив этого стиля (рис. 31) — согнувшееся четвероногое животное, изображенное в профиль; тело обведено двойным контуром, небольшие насечки имитируют шерсть, лапы иногда обозначены спиралями.

Рот часто открыт, а губы вывернуты наружу. Рисунок выполнялся в технике неглубокой чеканки на плоской поверхности, а полихромный эффект часто достигался за счет позолоты, если основой служило серебро, или серебрением, если изделие было из бронзы. Такие животные (рис. 31, *а*) изображены на большой пряжке из Макинга (Эссекс); такого типа, какой носили римские воины в провинциях, что свидетельствует о связи этого стиля с искусством римского мира. Отдельные его элементы встречаются в декоре римских ложек и других изделий. Миссис Хоукс предположила, что стиль принадлежал ютам и что он зародился на юге Скандинавии. Эта гипотеза большинством исследователей была отвергнута, и кажется, что более удовлетворительным объяснением сходства скандинавских находок с кентскими служит идея, что они имели общий римский прототип. Если в характере этого декора есть нечто германское (теория, предложенная другими учеными), то эти элементы должны были быть привнесены в него задолго до конца римского периода, поскольку мы видим образчики этого стиля на римской столовой утвари и на римских пряжках. Но каково бы ни было его происхождение, этот стиль получил распространение среди англосаксонских мастеров в начале V столетия.

Римские пряжки позднего периода, типа той, что была найдена в Макинге, оформлялись в технике, которую первоначально использовали для резьбы по твердому дереву. Метод состоял в следующем. На поверхность наносился орнамент из Х-образных крестов; затем резец устанавливали в центре креста и наносили резьбу таким образом, чтобы она была глубже всего в центре, а к концам сходила на нет. После изъятия вырезанной части на месте крестов получались пирамидальные углубления.

Эта техника стала использоваться в мастерских римских провинций для работы по металлу, и в Англии найдено некоторое количество образцов (фото 30—32). По-

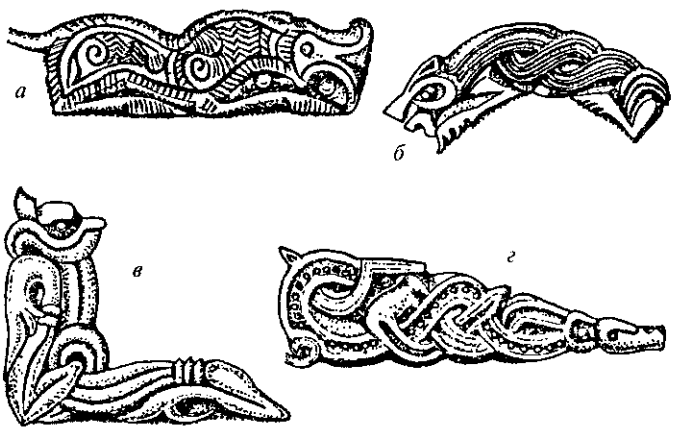


Рис. 31. Раннеанглосаксонский звериный орнамент:
а — животные, изображенные в «стиле кольцевых фибул» с застежки из Макинга, Эссекс; *б* и *в* — животные, выполненные в «стиле № 1» с круглой фибулы из захоронения № 46, Лонг-Уиттенхем, Беркшир, и с круглой фибулы из Суффолка; *г* — животные, выполненные в «стиле № 2» с обрамляющих вставок рога для питья из Таплоу, Бакингемшир

знакомившись с ней, германские ремесленники Южной Скандинавии попробовали применить ее к звериному орнаменту, и в таком измененном виде она вскоре стала известна всей Западной Европе. Одним из первых примеров использования этой техники не римлянами является фибула из Хаслингфилда (Кембриджшир), сделанная в Англии или, возможно, в Германии (фото 34). Фибула покрыта спиральным орнаментом подобным тому, который мы видим на пряжках, и изображением смотрящих в разные стороны животных.

Многие работы англосаксонских мастеров V—VI столетий украшены орнаментом, выполненным в описанной выше технике. Наибольшее распространение (рис. 31, *б* и *в*) в то время получил звериный орнамент, который, как пишет сэр Томас Кендрик, «утратил свою зоологическую реальность и превратился просто в узор. Головы и ноги, хвосты и зубы образуют беспорядочную

и притягательную смесь, и это хитросплетение линий и фигур покрывает каждый квадратный дюйм поверхности предмета». Подобный декор встречается на предметах, найденных в Германии и Скандинавии, а также в Венгрии и Восточной Европе. Трудно установить, где зародился «звериный стиль», но практически наверняка к англосаксам он пришел из Южной Скандинавии.

Этому стилю шведский ученый Бернхард Салин дал название «стиль № 1». В рамках «стиля № 1» встречается большое количество разнообразных, сходных по форме орнаментов, и английские образцы полностью подпадают под эту классификацию. Расцвет его приходится на период с конца V до конца VI столетия, когда на смену ему пришел «стиль № 2». В нем динамика и резкость первых звериных орнаментов уступали место (рис. 31, *г*) более простому декору, основу которого составляло переплетение лентоподобных тел животных и змей. В действительности смысл этого нового декоративного приема был тем же: заполнить поверхность сложным узором. Здесь по-прежнему не проявлялось никакого стремления к реализму. Симметрия либо присутствовала, либо нет по желанию мастера. На «яблоке» рукояти меча из Крандейл-Даун (рис. 32, *справа*) симметрия полностью нарушена; на золотой застежке из Саттон-Ху (рис. 32, *слева*) только головы зверей расположены симметрично, а «плетенка» — нет. Место зарождения этого «ленточного стиля» неизвестно, но, очевидно, что он появился не в Англии.

У англосаксов мы наблюдаем интересное смешение двух стилей, ярким примером которого служит декор оправы рога из Таплоу: в нем фрагментарный узор первого стиля сочетается с плетеным орнаментом «стиля № 2». (Интересно, что в оформлении разных частей этого артефакта представлены оба стиля, а также «смешанный вариант».) Любопытная особенность «стиля № 2», которую можно проследить на примере застежки и пряжки из Тап-

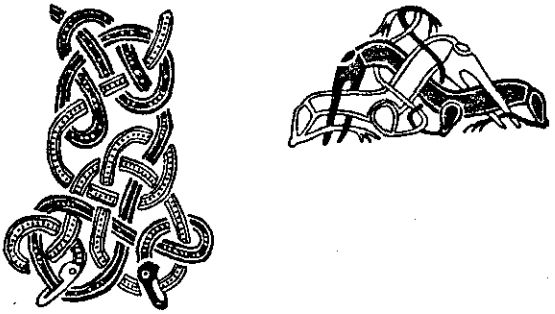


Рис. 32. Ленточный стиль звериного орнамента пряжки из Саттон-Ху и с набалдашника меча из Крандейл-Даун. Лондон, Британский музей

лоу (фото 44), состоит в сочетании эффекта ложной резьбы с филигранью. Эффект ложной резьбы достигается за счет того, что одним из наиболее впечатляющих образцов англосаксонского языческого искусства являются полихромные драгоценности из Кента и Восточной Англии. Они инкрустированы гранатами и сине-зеленым стеклом, также при их изготовлении использовалась чернь. Существует два главных типа этих украшений. Первый — роскошные драгоценности (фото 35), в котором плоские камни и стекло помещены в золотые и серебряные ячейки на золотом или серебряном основании. (На французском языке эта техника получила название *клуазоне*, от cloison — ячейка.) Пространство между ячейками украшал орнамент из филиграни, филигрань также использовалась в оправах камней. На дне ячеек позади граната помещалась фольга. Солнечные лучи, отражаясь от нее, проходили через камень под разными углами, создавая игру света, без которой камень казался бы довольно тусклым и плоским. Гранаты из некоторых ячеек креста Уилтона (фото 42) потеряны, но фольга сохранилась.

Второй вид более скромен (фото 36, 37); основание и ячейки отлиты из одного куска металла; в промежут-

ках выгравирован орнамент, иногда имитирующий филигрань. Эти ячейки были заполнены гранатами; цветное стекло встречается реже. По краям многих украшений этого типа наносились чернью маленькие кольца.

Чаще всего в подобной технике делались круглые фибулы, которые часто находят в Кенте, но известны случаи, когда ее применяли при изготовление других украшений; гранатами, например, часто декорировали верхнюю квадратную часть больших разомкнутых фибул.

Формы ячеек в более богатых полихромных украшениях дали повод для дискуссии относительно происхождения этой техники. Многие черты, характерные для нее, обнаруживаются у изделий из Италии, Швеции или Нидерландов. Хотя образцы, найденные в Англии, безусловно, более высокого качества, трудно на основании этого судить, сделана ли застежка из Уиналдама (фото 39), обнаруженная недавно в Голландии, датским или английским мастером или она была, по словам Бруса-Митфорда, «работой мастера, обученного в Кенте или Суффолке, но трудившегося для своего континентального покровителя». Древнейшие прообразы полихромных украшений можно найти у готов Причерноморья, а готские мастера, вероятно, унаследовали некоторые приемы и навыки у скифов. Украшения IV в., найденные в Румынии и Венгрии, свидетельствуют о популярности техники клуазоне в Восточной Европе, а качество драгоценностей из захоронения Хильдерика (умершего в 481 г.), найденного в Бельгии, говорит о том, что в Западной Европе она достигла высокой степени развития. В Англии, в частности в Кенте, техника изготовления полихромных украшений стала известна в начале VI столетия, вероятно, от обитателей франкских земель. Поначалу она сводилась к инкрустации гранатами (фото 36, 37), но к концу VI столетия уже создавались роскошные вещи, подобные кингстонской фибуле (фото 35). В VII столетии эта техника распространяется повсеместно в Англии (например, фото 38, 40—42).

По большей части ювелирные изделия, изготовленные в Англии, были такого же качества, как и в англосаксонский период континентальные, но в некоторых случаях, как мы видим на примере в украшениях Саттон-Ху (фото 1 и 4), мастера достигали невиданных высот, не имеющих аналогов в Европе.

В конце нашего краткого очерка искусства англосаксонского языческого периода мы должна рассмотреть вопрос о кельтском влиянии. Кельтские мотивы появляются обычно в декоре довольно обширной группы предметов, классифицируемых как подвесные чаши (фото 43, 45). Все они, за исключением последних двух образцов, сделаны из бронзы и имеют диаметр от 20 до 45 сантиметров. Три колечка для подвешивания крепились к чаше с помощью заклепок-крючков, которые являлись продолжением декоративных плашек с орнаментом. В более поздних образцах плашки покрывали эмалью, и еще одна пластина крепилась узором на дне чаши. Эти пластины украшены спиральным, восходящим к бриттскому кельтскому орнаменту. Об этих подвесных чашах мы уже говорили, когда обсуждали захоронение в Саттон-Ху. Декор чаш, однако, отражает лишь один аспект вновь возникшего интереса к кельтским формам и темам. Кабан на шлеме из Бенти-Грейндж (фото 28, 29) является прямым потомком множества кабанов, которых изображали в сходной манере кельты до римского периода. Кабаны также изображены на мече, найденном в реке Ларк. В изображениях людей также прослеживаются любопытные кельтские аллюзии. Маски, вырезанные на точильных камнях из Саттон-Ху и Хуг-он-Хилл (фото 10), например, имеют безусловно кельтское происхождение и, возможно, проникли в англосаксонское искусство через Шотландию или Ирландию. Вообще кельтские мотивы широко представлены в работах англосаксонских мастеров. В VII и VIII столетиях мы встречаем их в оформлении рукопи-

си, также как в декоре изделий из кости и металла. Изящные спиральные орнаменты, выполненные с таким совершенством в Линдисфарнском Евангелии (фото 48), датируются приблизительно 700 г., являются развитием орнаментальных мотивов, присутствующих на пластине из Миддлтона (фото 43). Декор шкатулки из моржового клыка (рис. 7) из Гандерсхейма (теперь хранящейся в музее в Браунсвике) выполнен в англосаксонском «зверином стиле». Но на одной из стенок этой шкатулки помещена панель, покрытая спиральным орнаментом, — это одно из последних четких проявлений данного мотива в англосаксонском искусстве.

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА

До сих пор мы говорили только о произведениях декоративно-прикладного искусства. Христианство принесло в Англию новый вид искусства — живопись — и пробудило интерес к монументальной скульптуре. Естественно, это происходило постепенно, как и само христианство было принято не сразу. У нас нет ни одной рукописи, созданной ранее второй половины VII столетия, то же относится и к скульптуре.

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ VII—IX ВЕКОВ

Археологи часто забывают, что кенотаф в Саттон-Ху был возведен через тридцать или сорок лет после миссии Августина и что большинство драгоценностей, найденных в Саттон-Ху, и по крайней мере большая часть украшений в «стиле № 2» были сделаны после официального принятия христианства. Следует подчеркнуть, что мастера, изготовлявшие языческие украшения, не бросили своего ремесла с принятием христианства. Мы

Рис. 33. Звериный орнамент, изображенный на булавке из Уитхема, в увеличенном масштабе. Булавка изображена на фото 55

видели, как они применяли свои умения для сохранения христианских артефактов, таких, как наперсный крест святого Кутберта (фото 40) и другие подобные кресты. Умельцы сменили религию, но продолжали работать в традициях своих предков, совершенствуя свое мастерство и расширяя собственные возможности. Естественно, новое искусство оказывало на них влияние, но они придерживались знакомых форм. Последний пример использования гранатов в полихромной технике мы наблюдаем на застежке в виде трилистника, найденной в киркосвальдском кладе (фото 62). О живучести прежней гравировальной традиции свидетельствуют булавки из Уитхема (фото 55): на позолоченных бронзовых пластинах «звериные» фигуры умело вплетены в новый и более натуралистический вариант декора в «стиле № 2». Не стоит думать, что англосаксонские мастера этого периода использовали исключительно «звериные» мотивы. Орнамент-плетенку можно видеть на фибуле из

Рис. 34. Орнамент, изображенный на кольце из Послингфорда, Суффолк. Лондон, Британский музей

Киркосвальда, периодически появляются элементы лиственного орнамента. Иногда звериный и лиственный орнаменты сочетались, примером этого служит декор кольца, найденного несколько лет назад в Послингфорде в Суффолке (рис. 34).

Гравировка по позолоченной бронзе в конце VIII столетия сменяется гравировкой по серебру, которую иногда дополняли чернью или золотой инкрустацией (фото 64). Фигуры зверей и другие элементы декора намечались неглубокой гравировкой и прорисовывались концом долота. Рисунки, конечно, наносились на металл заранее, и следы этих наметок можно иногда заметить. Порой мастер пробовал свой узор на костяных пластинках. Один из таких пробных образцов для гравировки по серебру был найден в XIX столетии в Йорке (фото 67). Один из лучших образчиков этой техники — оправа рога из клада в Трухидле (Корнуолл) (фото 63), по которому получил название данный стиль (рис. 35).

Мастерство англосаксонских ювелиров славилось по всей Европе. В Риме англосаксонский умелец из *саксонской школы* делал сосуды для алтаря святого Петра. Когда герцог Тассило в Австрии основал монастырь Кремсмюнстер в 777 г., он подарил аббатству потир (фото 61), носящий его имя и, несомненно, сделанный мастером, обучавшимся в Англии или в англо-каролингской школе. На поверхности этой позолоченной чаши выгравированы звериный и лиственный орнаменты английского происхождения, а также изображения Христа и апостолов (что является, несомненно, следствием средиземноморского влияния). Звериный орнамент не

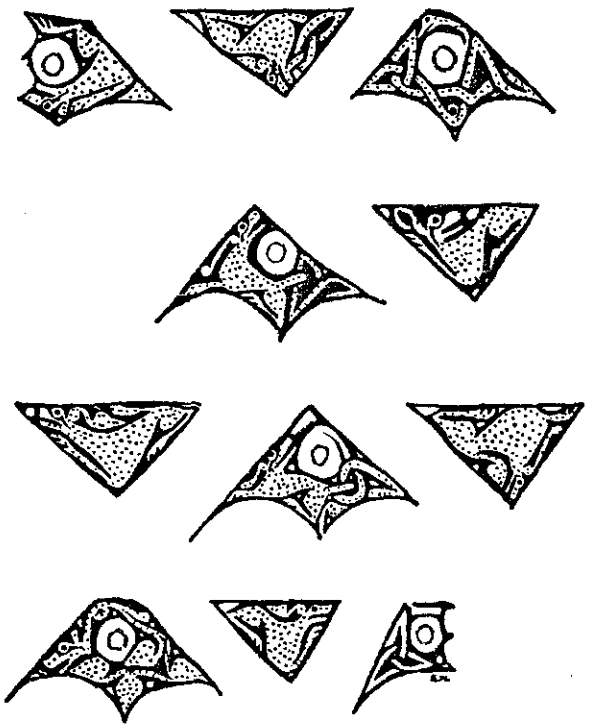


Рис. 35. Звериный орнамент с вставок для питьевого рога. Трухиддл, Корнуолл. См. фото 63

имеет прямых английских аналогов, но столь близок по стилю к английским, что его можно рассматривать как образчик англо-континентального стиля (рис. 36). Английское влияние также прослеживается в работах ирландских и шотландских мастеров. Звериный орнамент на Келлском посохе, например, очень похож на декор трухиддлских накладок, а некоторые звериные орнаменты, украшающие находки из клада Сент-Ниншан на Шетлендских островах, напоминают ранний англосаксонский звериный орнамент, лучше всего представлен-

Рис. 36. Германский, ирландский и английский орнаменты: *а* — изображенный на чаше Тассило; *б* — Келлском посохе; *в* — вставках, обрамлявших рог из Трухиддла

ный в Линдисфарнском Евангелии. Этот стиль затем стал главенствующим в европейском искусстве. Блестящим образчиком его является фибула Фуллера (фото 65), которая достойна занять свое место среди шедевров мирового искусства. VIII и IX вв. были периодом величайшего расцвета ювелирного дела в англосаксонской Англии: свидетельством тому служит «яблоко» меча из Феттер-Лейн в лондонском Сити (фото 24), на котором чернью и позолотой нанесены звериный и лиственный орнаменты, или украшение, возможно, сделанное по указанию короля Альфреда Великого — Драгоценность Альфреда (фото 57, 58), — одно из главных сокровищ Оксфордского университета.

Драгоценность Альфреда, теперь хранящаяся в музее Ашмола, была найдена в 1693 г. в Ньютон-парке, неподалеку от острова Этелни в Сомерсете. Кусок обработанного хрусталя, оправленного в золото, прикрывает выполненное эмалью поясное изображение человека, держащего два скипетра. Оправа камня заканчивается раструбом, выполненным в форме звериной головы; на самом камне имеется надпись золотыми буквами на древнеанглийском языке: «Aelfred mec heht gewyrcan» (Альфред повелел меня сделать). На обратной стороне золотой подложки выгравирован лиственный орнамент, сочетающий в себе англосаксонский и каролингский стили. Раструб, заканчивающийся звериной головой, украшенный филигранью и золотыми гранулами, должно быть, первоначально крепился к деревянной или

костяной рукояти или древку. Назначение этой вещи не известно. Единственным ее аналогом является украшение из Минстер-Ловелл (фото 59), которое также хранится в музее Ашмола в Оксфорде. Эти предметы представляют собой два редких образца позднесаксонской перегородчатой эмали. Третий пример — круглая брошь из Доугейт-Хилл (фото 60), на которой изображена фигура с нимбом или с короной на голове, по стилю очень напоминающая изображение на Драгоценности Альфреда.

РУКОПИСИ VII—IX СТОЛЕТИЙ

В конце IX столетия в ювелирном искусстве появляются новые мотивы, но мы должны прерваться и обсудить другие виды искусства, существовавшие в христианскую эпоху у англосаксов. Церковь научила язычников, населявших Англию, переписывать и иллюстрировать книги. У художников, украшавших рукописи, было три образца. У своих средиземноморских собратьев они позаимствовали идею относительно натуралистического изображения человеческой фигуры и некоторые другие приемы, как, например, использование аркад в качестве декоративного элемента для канонических таблиц (перечень параллельных мест в разных Евангелиях).

От ирландцев они, вероятно, позаимствовали идею буквиц, например, таких, как в 18-м стихе главы I Евангелия от Матфея, *Christi autem generatio sic erat.* Из исконного англосаксонского искусства пришло использование ленточного и звериного орнаментов, а также обычай покрывать целые страницы орнаментом, в результате чего получались так называемые «ковровые страницы». Существует много нюансов внутри этой простой схемы, и по мере того, как древний варварский англосаксонский дух брал верх, средиземноморское влияние становилось все

менее заметным в работе писцов, и три перечисленных выше составляющих слились в итоге в характерный англосаксонский иллюстраторский стиль.

Самой ранней рукописью англосаксонского происхождения является Евангелие из Дарроу (фото 46), которое, хотя и считалось когда-то произведением ирландских мастеров, в настоящее время признано образцом работы нортумбрийцев. Рукопись датируется второй половиной VII столетия и, вероятно, была создана около 675 г. В декоративном оформлении этой книги использованы островной вариант «ленточного орнамента» и кельтский спиральный орнамент, аналогичный тому, который присутствует в декоре подвесных чаш. Изображение евангелистов, которые предваряют каждое Евангелие, весьма далеки от натурализма и средиземноморских прототипов, но тем не менее узнаваемы. Стилистическое сходство Евангелия из Дарроу с эмалевыми плашками подвесных чаш становится явственным, если посмотреть на цветовое решение. Красный и желтый цвета, доминирующие в оформлении книги, характерны также для эмали того времени. Орнаменты Евангелия из Дарроу восходят к языческим англосаксонским образцам. «Ковровые страницы» Евангелия из Дарроу можно сравнить с декором некоторых находок из Саттон-Ху, то же самое справедливо и для звериного орнамента. Один из новых декоративных элементов, простая плетенка, впервые появившаяся в Евангелии из Дарроу, часто встречается в декоре предметов позднего англосаксонского периода.

Вскоре после Евангелия из Дарроу в Нортумбрии были созданы еще несколько рукописей (фото 47—50), из которых для нас наибольший интерес представляют три: Кодекс Амиатинус, Линдисфарнское Евангелие и Эктернакское Евангелие. Все они датируются рубежом VI—VII вв. Две из этих рукописей — Линдисфарнское Евангелие и Эктернакское Евангелие — являются продолжением традиции, начатой Евангелием из Дарроу, однако в них она

доведена до невиданного прежде совершенства. Третья книга (фото 47), известная как Кодекс Амиатинус (теперь хранящаяся в Библиотеке Святого Лаврентия во Флоренции), была одной из трех копий Евангелия *(«tres pandectes novae translationis»*, как назвал их Беда), написанных по повелению первого настоятеля монастыря в Ярроу (Кеолфрита, умершего в 716 г.). Одна копия предназначалась для монастыря Монквермута, одна — для монастыря Ярроу и одна — для римского папы. Кеолфрит отправился в Рим, чтобы лично ее передать, но по пути умер в Лангре во Франции, и книгу доставили его спутники. Она была, очевидно, создана по образцу книг, привезенных из Италии Бенедиктом Бископом, и все ее оформление выполнено в итальянском стиле. Влияние местной нортумбрийской традиции практически не заметно, что кажется довольно удивительным, если учесть, что почти в то же время, когда составлялся Кодекс Амиатинус, всего в нескольких милях от Ярроу на небольшом острове неподалеку от побережья Нортамберленда, было создано Линдисфарнское Евангелие (фото 48, 49), написанное и оформленное в характерном англосаксонском стиле. Его создателем был Эадфрит, епископ Линдисфарне в 698—721 гг. Недавние исследования говорят о том, что оно было написано около 698 г., с разбросом в год-два. Эта книга, которая является одним из самых прекрасных произведений искусства, когда-либо созданных в Англии, объединила на своих богато украшенных страницах традиции трех миров: Средиземноморья, кельтского севера и англосаксонской Англии. Четыре портрета евангелистов, например, восходят к итальянским прототипам, немного обрезанных художником ради экономии места. Буйство сплетающихся звериных форм на ковровых страницах вместе с ювелирной точностью прорисовки являются чисто англосаксонскими особенностями. Звери отчасти напоминают изображения на булавках из Уитхема (фото 35). Третья из этой группы рукописей — Эхтернахское Еван-

гелие — стилистически родственна Линдисфарнскому Евангелию, хотя и не столь совершенна. Она была создана, вероятно, в Нортумбрии, вероятно (согласно профессору Брауну), в том же скриптории, что и Линдисфарнское Евангелие, и вскоре была передана вновь основанному монастырю Эхтернах в Германии, где послужила образцом для нового стиля книжной иллюминации, прародиной которого, таким образом, можно считать Нортумбрию.

Эти знаменитые, великолепно украшенные рукописи конца VII начала VIII столетия затмевают своей красотой более скромные манускрипты, рукописи, созданные между 725-м и 850 гг. Некоторые рукописи, такие, как Евангелие Святого Чада (фото 51), хранящееся в Библиотеке Личфилдского собора, выполнены в традиции Евангелий из Дарроу и Эхтернаха, а оформление большей части рукописей середины VIII — середины IX столетий из Кентербери, сохраняя многие из черт, характерных для Линдисфарнского Евангелия, постепенно вбирает в себя также элементы и континентального декора, и орнаментов каролингского возрождения. Самые роскошные из этих рукописей — Кодекс Оуреус, хранящийся в Королевской библиотеке в Стокгольме, и Евангелие (фото 52) из Британского музея. Внешний вид рукописей несколько испорчен тем, что по крайней мере в книге из Британского музея серебряные буквы окислились и потускнели. Портреты евангелистов и рамки вокруг них в этом Евангелии можно сравнить с аналогичными рисунками в каролингских рукописях, в то время как принцип оформления канонических таблиц сближает его с Линдисфарнским Евангелием.

Однако в одной из более ранних рукописей этой школы, Кентерберийской псалтыри, находящейся в Британском музее, рамка, обрамляющая изображение Давида,

выполнена в кельтском стиле. Арка, под которой он сидит в окружении музыкантов, состоит из спиралей, похожих на те, которые встречаются на подвесных чашах, в то время как колонны, которые поддерживают арку, покрыты орнаментом-плетенкой, напоминающем орнамент в Линдисфарнском Евангелии. Точно так же в Псалтыри и стокгольмском Кодексе Ауреус содержится много буквиц. В первой из рукописей в оформлении буквиц использованы изображения библейских сцен; впервые такая практика возникает в этой книге, но впоследствии она становится обычной для средневековых английских рукописей. Интересно отметить, что в самой богатой и самой поздней из названных рукописей, Евангелии из Британского музея, буквиц нет. Даже в оформлении этих книг можно заметить влияние ювелирного искусства. Небольшие фигурки зверей помещены на черном фоне, что напоминает нам применение серебра и черни в трухиддлском стиле. Кентерберийский скрипторий стал центром английской книжной иллюминации, после того как нортумбрийские монастыри пришли в упадок из-за постоянных смут на севере. Но и его в период викингских нашествий постигла та же судьба. Сетования короля Альфреда по поводу упадка учености и просвещения в Англии, которыми он предварил свой перевод «Обязанностей пастыря» Григория Великого, были вполне оправданны, и это подтверждается тем фактом, что у нас нет рукописей, написанных в Англии в конце IX столетия.

СКУЛЬПТУРА VII—IX ВЕКОВ

Развитие искусства книжной иллюминации в Англии шло параллельно с возникновением, хотя и в меньшем масштабе, монументального искусства. Об этой группе памятников сэр Томас Кендрик писал в 1938 г.: «Ни одна достопримечательность, доставшаяся там от про-

шлого, не требует в такой мере систематического изучения, как английские кресты... принципиальные вопросы хронологии и смены стилей едва ли могут быть решены, прежде чем будет собран весь необходимый материал». В 1970 г. это замечание все еще не потеряло своей актуальности. Обзор, задуманный Кендриком, не был закончен, и, хотя работа продолжается, едва ли можно ожидать в течение ближайших лет публикации какого-либо обобщающего труда. Любые суждения касательно хронологии выносятся только на основе стилистических особенностей, что чревато серьезными опасностями. Здесь я приведу лишь краткий очерк этого весьма запутанного материала.

Происхождение англосаксонской скульптуры не вполне ясно. Мемориальные камни VI — начала VII столетия в Западной и Северной Британии, судя по всему, не оказали заметного влияния на англосаксонскую скульптурную традицию, и разумно предположить, что скульптура пришла в Англию вместе с христианством из Средиземноморья, первоначально в качестве элемента архитектурного декора. Лишь позже (к концу VII столетия) появляются самостоятельные скульптурные произведения: памятные кресты или кресты для поклонения. Такие памятники, кажется, были англосаксонским новшеством, поскольку ни в Европе, ни на Британских островах не найдены каменные кресты более раннего времени. Хотя скульптура продолжала использоваться и в качестве декора зданий, именно кресты являются наиболее замечательными образчиками этого вида искусства в англосаксонской Англии.

В VII—VIII вв. искусство резьбы по камню достигло своего расцвета в Нортумбрии. Как и в случае книжной иллюминации, к концу VIII столетия центром каменной скульптуры становятся Мерсия и Южная Англия, так что, когда в начале X столетия на севере снова начали возрождать резьбу по камню, первые изделия были

очень грубыми и тяжеловесными. Образцов англосаксонской скульптуры настолько много, что мне не хватило бы и всей книги, чтобы описать их. Поэтому я намерен описать только самые выдающиеся из них, по возможности вписав их в более широкий контекст.

Одним из самых выразительных произведений нортумбрийской скульптуры является 5,5-метровый Рутвелский крест из Дамфрисшира (фото 53), о котором мы уже упоминали ранее. Хронологически его, вероятно, можно сопоставить с Линдисфарнским и Эхтернахским Евангелиями. На четырех перекладинах креста первоначально находились портреты четырех евангелистов, но только две перекладины сохранились. Ниже перекрестья на широком основании креста изображены многочисленные персонажи и сцены из христианской истории: Иоанн Креститель, Господь во Славе, Павел и Антоний в пустыне, бегство в Египет, Мария Магдалина, омывающая ноги Христа, Благовещение и Распятие Христа. На боковых поверхностях основания изображен орнамент из виноградных лоз, украшенный фигурками птиц и животных. Сцены и орнамент обрамляет простой бордюр: бордюр на боковых сторонах представляет собой записанный рунами текст одной из самых прекрасных англосаксонских поэм «Видение Креста». На бордюре, обрамляющем изображения, помещены латинские надписи, поясняющие содержание изображенных сцен. Резные фигурки на этом кресте были выполнены очень искусным мастером, линии резьбы глубоки и плавны, сами изображения более натуралистичны, чем это было свойственно англосаксонскому искусству того периода. Но тот факт, что здесь трудился англосаксонский скульптор, не вызывает сомнений. Фигуры чересчур статичны *для работы средиземноморского скульптора*. Кендрик указал, что в сцене с участием Марии Магдалины женщина изображена грубо и линиям ее одеяния недостает той плавности, которая, безусловно, присутствует

в творениях средиземноморских мастеров. Тем не менее все прочие образчики нортумбрийской скульптуры уступают Рутвелскому кресту в реализме рисунка и тонкости исполнения. На Бьюкастлском кресте, например, возможно созданном по образцу Рутвелского, изображения человеческих фигур более абстрактны и ближе к традиционным англосаксонским. Хотя изображения библейских сцен часто встречаются на нортумбрийских крестах, во многих случаях они являются вторичными по отношению к абстрактным орнаментам из переплетенных звериных тел и виноградных лоз.

В искусстве Южной Англии в конце VIII столетия главенствовал орнаментальный стиль, знакомый нам по Трухиддлскому кладу и Евангелию из Британского музея (фото 52, 63, рис. 35). Образцы скульптуры Южной Англии более раннего периода очень немногочисленны, хотя фрагменты Рекулверкского креста являют собой важное исключение. Предположительно, имеющиеся фрагменты — все, что осталось от великолепного креста VII столетия; археологические свидетельства подтверждают эту теорию. Судя по этим обломкам, крест имел цилиндрическое основание, украшенное изображениями человеческих фигур в окружении ленточного орнамента. В резьбе присутствует утонченность, которая не встречается нигде более как в англосаксонской скульптуре, но, к сожалению, сохранилось слишком мало фрагментов, чтобы делать какие-либо выводы. В образцах каменной скульптуры, найденных в Мерсии и Южной Англии, прослеживается очевидное влияние нортумбрийского стиля и искусства иллюминации. В верхней части креста из Кроптхорна, Вустершир (фото 66), например, изображены животные, напоминающие изображения в Евангелии из Британского музея, в то время как птицы и лиственный орнамент родственны нортумбрийским «виноградным лозам». Кроптхорнский крест — одно из наиболее ярких достижений англосак-

сонского монументального искусства IX столетия на юге Англии, большинство скульптур этого периода кажутся плоскими и грубыми, и только в X столетии скульптура Уэссекса и на юге достигает своего расцвета.

Обсуждая англосаксонскую скульптуру, нельзя не упомянуть еще два произведения нортумбрийской школы. Первое — дубовый гроб святого Кутберта (фото 54), который был, очевидно, изготовлен в 698 г. Его украшают резные изображения евангелистов, апостолов, архангелов и т. д., в стиле, напоминающем портреты евангелистов в Линдисфарнском Евангелии. Профессор Кицингер показал, что фигуры с гроба святого Кутберта по стилю восходят к континентальным прототипам, точно так же, как фигуры евангелистов Линдисфарнского и Эхтернахского Евангелий обнаруживают родство с некоторыми континентальными изображениями; и те и другие имеют много общего с изображениями на Рутвелском кресте. Второй достойный упоминания предмет — ларец Френкса (фото 56) (названный так в честь сэра Августа Френкса, хранителя отдела британской древности в Британском музее в 1866—1896 гг., который подарил его музею). Он сделан из китового уса и покрыт резными изображениями сцен из мировой истории, таких, например, как подвиги Вёлунда-кузнеца, захват Иерусалима Титом и поклонение волхвов. На всех сторонах ларца имеются рунические надписи, и в целом он выполнен в чисто «варварском» стиле, весьма далеком от слегка «варваризованного» классицизма, изображений Линдисфарнского Евангелия, фигур Рутвелского креста и резьбы гроба святого Кутберта. Ларец является уникальным образцом «народного искусства» начала VIII столетия. Для нас эти две вещи важны в первую очередь потому, что они входят в число очень немногих предметов, изготовленных из плохо сохраняющихся материалов, которые дошли до нас и напоминают нам о том, что наши знания об англосаксонском искусстве очень односторонни.

ВОЗРОЖДЕНИЕ X СТОЛЕТИЯ

За войнами Альфреда с викингами последовал период политической консолидации, в результате чего был проведен ряд успешных военных кампаний против викингов; а вступление на трон Эдгара в 959 г. и монастырская реформа Освальда, Дунстана и Этевольда ознаменовали новую полосу процветания для Англии и, соответственно, для ее искусства. Конец IX — начало X столетия можно было бы считать бесплодными для декоративно-прикладного искусства англосаксов, если бы не два предмета: епитрахиль и манипула (фото 68), найденные в гробе святого Кутберта.

Нам очень мало известно об английской вышивке англосаксонского периода, но, судя по указаниям письменных источников, она славилась по всей Европе. Известно, что, когда Вильгельм, герцог Нормандии, вернулся домой после своего визита в Англию в середине XI столетия, его приближенные были поражены тем, какие красивые одежды он там приобрел. Надписи на епитрахили и орарь святого Кутберта говорят о том, что эти прекрасные вещи были изготовлены, вероятно, в Винчестере, между 909-м и 916 гг. Сами изображения мы уже описали выше. Чуть удлиненные фигуры выполнены с удивительным изяществом, они одеты в длинные свободные одеяния, их позы естественны, а лица реалистичны и не стереотипны. Их разделяет лиственный орнамент. Вышивка выполнена голубыми, зелеными и розовыми нитями на золотом фоне. Единственный сохранившийся образец английской вышивки данного периода, помимо этих одеяний, хранится в Милане, хотя отдельные фрагменты начала IX столетия были обнаружены в Норвегии и Бельгии.

Судя по виду епитрахили и ораря, на юге Англии по крайней мере, образованные люди часто заимствовали новые веяния на континенте. Декор епитрахили и ораря святого Кутберга выдержан полностью в каролинг-

ском стиле, истоки которого лежат в Византии: в нем мы не находим ничего от местной англосаксонской традиции. Подавляющее большинство произведений свидетельствуют о бедственном состоянии английского искусства вплоть до середины X столетия; исключение составляют эти две вышивки, каролингские по духу. Ювелиры и скульпторы пытались подняться до уровня своих предшественников в условиях сильного скандинавского влияния. В книжной иллюминации мастера пытались сохранить английский стиль IX столетия, но одновременно с этим следовали континентальным образцам. Сочетание каролингских аканфовых листьев и буквиц, принадлежащих англосаксонской традиции в псалтыри Юниуса (Бодланская библиотека, Оксфорд, и рукописи жития святого Кутберта из Дарема (Корпус-Кристи-колледж, Кембридж) производит впечатление, но далеко от совершенства.

РУКОПИСИ ОТ НАЧАЛА ПРАВЛЕНИЯ ЭДГАРА ДО НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

В середине X столетия, однако, мы наблюдаем расцвет нового стиля книжной иллюминации, в основе которого лежали континентальные образцы. Дунстан и другие просвещенные клирики могли познакомиться с ними во время своих визитов во Францию. Эти рукописи обычно классифицируют как принадлежащие к винчестерской школе, но следует помнить, что и в других местах имелись скриптории, способные соперничать с Винчестером.

Наиболее знаменитая и ценная из рукописей этого периода — «Благословение святого Этельвольда»; теперь она хранится в Британском музее. Рукопись была создана в Винчестере между 971-м и 984 гг. Эта самая роскошная из поздних англосаксонских книг может срав-

ниться разве что с другой рукописью, также винчестерской, известной как «Благословение Роберта Жюльенского» (*теперь хранящейся в библиотеке Руана*). В начале «Благословения святого Этельвольда» помещены стихи на латыни, описывающие, как эту книгу писали и оформляли: «Он (Этельвольд) приказал сделать в этой книге рамки, украшенные разноцветными фигурами и золотом». Наиболее интересными элементами декора книги являются именно эти рамки, которые обрамляют и текст, и миниатюры. В них можно заметить характерную черту для англосаксонских художников — любовь к орнаменту ради самого орнамента, прослеживающуюся в ранних рукописях. Каролингские аканфовые листья выходят за границы рамки, в центр страницы и на края. Иногда в тех местах, где декор более скромен, художник продемонстрировал свое умение изображать человеческие фигуры. В сцене «Благословения» (фото 69) мы видим ангела в окружении драпировок. В оформлении рукописи пастельные тона сочетаются с яркими красками — пурпурной, золотой, зеленой и голубой.

В первые годы XI столетия винчестерский стиль все еще не утратил своих позиций, что можно видеть на примере иллюминированной копии дарственной грамоты Нью-Минстеру от короля Эдгара (первоначально выпущенной в 966 г.) (фото 70). Он пережил Норманское завоевание, но был вскоре новым вытеснен романским стилем, получившим распространении повсюду в Европе.

Однако в оформлении англосаксонских рукописей X—XI вв. прослеживается еще одна традиция, восходящая к франкской реймсской школе. Рукопись первой половины IX столетия, утрехтская псалтырь (созданная в Отвиле, неподалеку от Реймса), очень важна для понимания истории поздней англосаксонской живописи. Влияние этого стиля в англосаксонском искусстве X—XI столетий сложно переоценить, что подтверждается, в

частности, наличием копии утрехтской псалтыри (фото 71), хранящейся в Британском музее, которая была сделана на юге Англии (вероятно, в Кентербери) около 1000 г. и декор которой повторяет в целом декор оригинала. Стиль этот «импрессионистичен»: фигуры условные и нарисованы словно бы одним движением пера. В копии линии статичнее и четче, но в ней присутствует то же ощущение движения и света. Этот стиль не годился для роскошных рукописей винчестерской школы, но его влияние чувствуется и в них, что можно заметить на примере грамоты Нью-Минстера. Также это влияние прослеживается в оформлении книг по естественной истории и компутистике, которые в довольно большом количестве дошли до наших дней. К концу XI столетия стиль реймсской школы все еще бытовал в английской живописи, хотя линии постепенно становились более резкими, в то время как фигуры, нарисованные одним движением, превращались во все более условные изображения.

Таким образом, англосаксонское искусство книжной иллюминации позднего периода находилось под влиянием двух континентальных традиций. В традиции формализованного каролингского искусства берет свое начало пышный, своеобразный винчестерский стиль; традиция легкого, воздушного, импрессионистского стиля реймсской школы представлен в декоре утрехтской псалтыри.

СКУЛЬПТУРА ОТ АЛЬФРЕДА ВЕЛИКОГО ДО НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Скульптуру этого периода можно разделить на две группы: первая создавалась в рамках винчестерских традиций; вторая появилась в Нортумбрии, и для нее характерно сочетание древнего орнамента из сплетающей-

ся виноградной лозы с элементами нового «викингского» стиля. Образцы первой группы редки, в то время как «нортумбрийские», хотя и многочисленны, часто кажутся, по словам Кендрика, «огромным и унылым собранием резьбы низкого качества или откровенно плохой».

На юго-западе Англии сохранились около двадцати фрагментов каменной скульптуры, созданной под влиянием винчестерского стиля. Ангелы в маленькой церкви в Бредфорд-на-Эйвоне (фото 73), сцена «Муки ада» в Бристольском кафедральном соборе и Инглесхемское распятие — самые знаменитые из этих образцов. Линии одеяний резных фигур еще более жестки, чем в современных им рукописях, в то время как лица, там, где их можно еще различить, достаточно грубы и стереотипны. Скульптуры, однако, с точки зрения техники достаточно качественны. Ангел с креста из церкви Святого Лаврентия в Бредфорд-на-Эйвоне, например, по мастерству исполнения вполне может соперничать с аналогичным изображением из грамоты Нью-Минстера (фото 70), которая была создана примерно в то же время. Но ни одна из этих скульптур не является подлинным шедевром. Лучше всего резьба выполнена на винчестерской треугольной пластине из моржового клыка (фото 75), сравнимой по качеству с рисунками в винчестерских рукописях.

На севере Англии скульптура продолжает традиции мемориальных камней и крестов более раннего периода. В этих работах прослеживается влияние викингского искусства. Например, на кресте в Халтоне в Ланкашире изображены сцены из песни о Сигурде. Именно здесь родился стиль, который достиг своего расцвета в Дании и известен археологам как еллингский стиль. То, что грубые узоры на камнях с севера Англии могли породить нечто подобное еллингскому стилю, кажется невероятным. Викинги принесли в Нортумбрию звериный орнамент, состоящий из гротескных и чудовищных фи-

гур. На кресте в Миддлтоне (Йоркшир), например, изображен зверь, лишенный всякого изящества. Как и на всех поздних северных крестах, резьба плоская, нет и намека на попытку придать ей ощущение глубины.

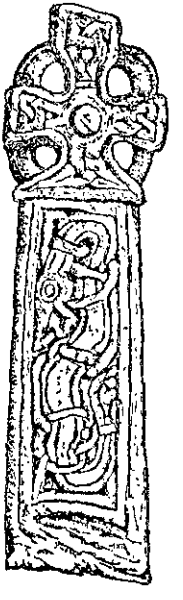


Рис. 37. Каменный крест из Миддлтона, Йоркшир

В Мерсии и Восточной Англии мы видим образцы той же самой унылой скульптуры, которая в изобилии встречается на севере. Нортумбрийское влияние ощущается даже на юге. Крест в Рамсбери (Уилтшир) и крест из церкви Всех Святых в Лондоне являются наглядным свидетельством того, что некоторые скульпторы работали в стиле, характерном для севера Англии.

Одним из выдающихся образцов смешения викингских и англосаксонских традиций является надгробный камень с кладбища собора Святого Павла в Лондоне (фото 74). На этом камне мы можем видеть барельеф большого зверя, выполненный в викингском стиле Рингерик. Голова зверя повернута назад, его тело покрыто небольшими точками (возможно, он унаследовал их от пятнистых животных, изображавшихся в IX столетии). Его большие лапы, маленькая голова, спиральные бедра и длинный хвост с закрученным кончиком типичны для английской версии искусства викингов, влияние которой прослеживается в английской скульптуре и ювелирных изделиях и даже нескольких образцах книжной иллюминации. Камень датируется началом XI столетия и, возможно, относится к тому периоду, когда Англия была частью Датской империи.

В том же стиле выполнен гребешок из моржового клыка, хранящийся в Британском музее (фото 76, 77).

Одна сторона гребенки покрыта резьбой в виде переплетенных звериных тел в стиле Рингерик. На другой стороне изображены животные, похожие на кошек; похожие головы можно увидеть и в рукописях, и на ювелирных украшениях этого периода (фото 79).

ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО 900—1066 ГГ.

Эту главу мы закончим тем, с чего начали, а именно ювелирным искусством. Даже в позднюю эпоху англосаксонские мастера любили работать с этим материалом. К сожалению, самые прекрасные образцы англосаксонских ювелирных изделий до наших дней не сохранились, и до нас дошли лишь несколько незначительных предметов, в которых видна скорее тень славы английских ювелиров. Почти все золотые и серебряные изделия были в свое время расплавлены, и до нас дошла лишь горстка фибул и безделушек и несколько образцов церковной утвари. Даже самый выдающийся образец, сохранившийся от этого периода, — золотая с серебром фибула из королевской школы (Кентербери) — является второразрядным изделием, выполненным в трухиддлском стиле, с достаточно примитивным звериным орнаментом, нанесенным по черни. Подобный черненый фон имеется на двух пластинах раки, хранящихся в Британском музее. Хотя звери на них изображены в трухиддлском стиле, автор, судя по всему, не был полностью свободен от влияния художественных стилей Еллинга и Рингерика. Примером англосаксонского украшения, выполненного в рингерикском стиле, является довольно грубая фибула из Саттона, остров Эли (фото 78), найденная в конце XVII столетия вместе с кладом монет Вильгельма Завоевателя. Звери и змеи, изображенные на этой фибуле, представляют собой довольно качественную адаптацию викинг-

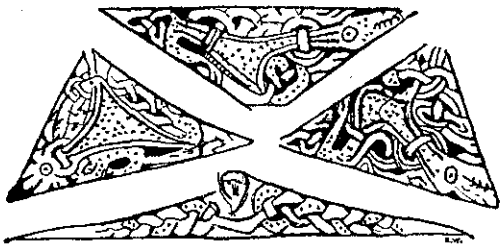


Рис. 38. Звериный орнамент, изображенный на англосаксонской пластине раки X столетия. Британский музей

ского стиля, смягченного гротескными элементами, привлекавшими английских художников на протяжении многих столетий.

Винчестерский стиль также проникает в ювелирное дело. Яснее всего это видно на примере ряда бронзовых изделий, в декоре которых мы видим все элементы, использовавшиеся при оформлении рукописей, включая изображения зверей и лиственный орнамент. Один из этих предметов — футляр кадила из Кентербери (фото 79), украшенный изображениями птиц и аканфовыми листьями. Сходство со стилем винчестерских рукописей прослеживается и в декоре переносного алтаря (фото 16), теперь хранящегося в музее Клюни, о котором мы уже говорили выше.

Эту книгу, в которой я попытался изложить историю англосаксонской Англии, увиденную глазами археолога, завершает обзор англосаксонского искусства. Его часто недооценивают даже сами англичане. На протяжении столетий от падения Рима до Нормандского завоевания английское искусство несколько раз достигало расцвета, и искусствовед может указать некоторые особенности современного английского искусства, восходящие к традициям англосаксонских времен.

Однако не только традиции англосаксонского искусства живут и поныне. Многие черты современной английской жизни впервые возникли в те времена. Наша административная система (и местная, и общенациональная), наши законы, наш парламент, наш язык и наша литература в конечном счете имеют англосаксонское происхождение. За прошедшее столетия они изменились до такой степени, что англосакс, живший во времена короля Альфреда, едва узнал бы их и признал своими, но для историков их истоки очевидны. Подтверждения этой преемственности можно видеть повсюду; многие личные имена и географические названия произошли от англосаксонских, и в те же времена возникли большинство деревень, и некоторые города возникли во времена англосаксов.

Границы наших округов и графств, и даже принцип датировки исторических событий от Рождества Христова, появились в англосаксонские времена. Викинги, нормандские властители, французские государственные деятели, германская знать, французские протестанты и беженцы из Центральной Европы вливались в английскую нацию, которая в основе своей остается англосаксонской.

ПОДПИСИ К ФОТОГРАФИЯМ

Вследствие замечаний, сделанных во вступительной части, следует подчеркнуть, что даты приведены мной в примечании лишь для удобства читателя и являются относительными.

1. Пара застежек из захоронения в Саттон-Ху. Булавка с навершием в виде головы животного, прикреплена цепочкой к застежке и может быть вынута, после чего застежка распадется на две части. Застежка крепилась к одежде посредством петель с оборотной стороны. Украшена гранатами и эмалью (см. рис. 3). Начало VII в. Длина 12,4 см. Лондон, Британский музей.

2. Золотые накладки рукояти меча из Саттон-Ху, некоторые из которых инкрустированы гранатами. Две куполообразные круглые накладки украшали ножны, накладка в виде усеченной пирамиды, вероятно, украшала пояс меча. Конец VI или начало VII в. Длина навершия рукояти 6,5 см. Лондон, Британский музей.

3. Две из десяти серебряных чаш византийского происхождения из погребального корабля в Саттон-Ху. Диаметр каждой около 20 см. Лондон, Британский музей.

4. Небольшая пряжка из погребения в Саттон-Ху. Золото инкрустировано гранатами. Длина 4,5 см. Лондон, Британский музей.

5. Золотая пряжка, инкрустированная гранатами, из погребения в Саттон-Ху. Верхняя часть поворачивается на 90 градусов по отношению к позиции, в которой она изображена на

фото. Конец VI или начало VII столетия. Длина 5,3 см. Лондон, Британский музей.

6. Золотая пряжка, инкрустированная гранатами, из погребения в Саттон-Ху. Конец VI—начало VII столетия. Длина 7,7 см. Лондон, Британский музей.

7. Большая застежка из погребения в Саттон-Ху, на которой чернью нанесены изображения змеи и другой звериный орнамент (см. рис. 32). Начало VII в. Длина 13,2 см. Лондон, Британский музей.

8. Шлем из погребения в Саттон-Ху. Шлем, вероятно, в VI в. был сделан в Швеции. Он состоял из железного каркаса, покрытого сверху бронзовыми пластинами, со вставками из серебра и позолоченной бронзы. Шлем удалось почти полностью восстановить. Надбровья украшены гранатами. Высота около 31,8 см. Лондон, Британский музей.

9. Крышка кошелька из погребения в Саттон-Ху. Белый фон — работа современных реставраторов. Содержит гранаты и фрагменты мозаичного стекла. Кошелек содержал 37 меровингских золотых монет, 3 заготовки и 2 слитка. Начало VII столетия, 18,8 см. Лондон, Британский музей.

10. Концевая часть большого точильного камня (скипетра) из погребения в Саттон-Ху. Бронзовый корпус покрывал раскрашенный красным кончик. Конец VI или начало VII в. Длина представленной на фотографии части приблизительно 13 см. Лондон, Британский музей.

11. Фигура из подвесной чаши из Саттон-Ху; бронзовая рыба на стойке, помещенной в середине покрытого эмалью диска. Конец VI или начало VII столетия. Длина рыбы 9,3 см. Лондон, Британский музей.

12. Башня церкви Всех Святых, Эрлз-Бартон, Нортгемптоншир. Это один из самых прекрасных образцов англосаксонской архитектуры в Англии. Верхний горизонтальный ряд кладки и парапетная стена башни построены позднее, но основная часть постройки возведена в X столетии. Стены покрыты штукатуркой и украшены пилястрами, аркадами и другими скульптурными деталями. Высота башни с современными надстройками почти 21 м.

13. Интерьер церкви в Эскомбе. Графство Дарем. Одна из сохранившихся лучше всего англосаксонских церквей. На фото изображена круглая, узкая арка алтаря, с радиальными

клинчатыми камнями, а также закругленные окна и прямоугольная дверь. Конец VII столетия. Ширина нефа приблизительно 4,4 м.

14. Апсида церкви Всех Святых в Уинге (Бакингемшир) X столетия. Большая часть строения церкви сохранилась, но южный придел и башня церкви, присутствующие на иллюстрации, построены в XIV—XV столетиях. Длина апсиды 7 м.

15. Церковь Святого Лаврентия, Бредфорд-на-Эйвоне в графстве Уилтшир. Построена Алдхельмом в конце VII или в начале VIII столетия. Восстановлена вместе с достройками в X в. (ангел, изображенный на фото 73, был добавлен) и использовалась как домашняя церковь. Вновь открыта в 1858 г. после тщательной реставрации. Внешняя длина приблизительно 14,6 м.

16. Дубовый пересной алтарь из порфира с окантовкой из позолоченного серебра. Сверху изображено распятие Иисуса Христа, а внизу агнец Божий. Также изображены фигуры евангелистов, архангелы, Мария и святой Иоанн. IX столетие. Длина 26,4 см. Париж, музей Клюни.

17. Серебряная чаша из Трухиддлского клада (см. фото 63). Одна из двух сохранившихся англосаксонских чаш. Внутренняя часть была первоначально позолочена. Чаша была восстановлена. IX столетие. Высота 12 см. Лондон, Британский музей.

18. Две пластины раки X столетия. Пластины были сделаны из серебра и покрыты чернью, верхняя пластина украшена звериным орнаментом (см. рис. 38). Длина прямоугольной части 12,4 см. Лондон, Британский музей.

19. Англосаксонские серебряные монеты различных периодов. На фото показан и реверс и аверс каждой из монет. Монеты правителей слева направо: Оффы, около 785 г.; Альфреда, около 886 г.; Эдварда Старшего, около 920 г.; Эдварда Старшего, около 920 г.; Сигтрика Одноглазого, около 923 г.; Анлафа Гутфритсона, около 940 г.; Эдварда Мученика, около 975 г.; Этельреда II, лето 1009 г.; Этельреда II, около 1010 г.; Этельреда II, около 1010 г.; Кнута, около 1025 г.; Эдуарда Исповедника, осень 1065 г. Лондон, Британский музей.

20. Группа крестообразных фибул. Найдены слева направо: Грин-Бенк, Дарем; Вест-Стоу-Хез, Суффолк; Баррингтон, Кембриджшир; Баррингтон, Кембриджшир. VI столетие. Длина самого большой фибулы 15 см. Оксфорд, музей Ашмола.

21. Группа круглых фибул. Слева направо: Кассингтон, Оксфордшир; Ветли, Оксфордшир; Брайтхемтон, Оксфордшир; Феирфорд, Глостершир; Брайтхемтон; Феирфорд. Диаметр самой большой фибулы 8,3 см. Оксфорд, музей Ашмола.

22. Абингдонский меч. «Яблоко» и гарда меча украшена серебряными пластинами, покрытыми чернью. Найден в Нью-Кат-Милл, Абингдон, Беркшир. Длина гарды 12 см. IX столетие. Оксфорд, музей Ашмола.

23. Рукоять меча, найденного на берегу реки Уитэм, около Линкольна. Серебряные пластины, которыми он украшен, покрыты черненым звериным орнаментом. IX столетие. Длина навершия 6,8 см. Шеффилд, Городской музей.

24. Навершие меча из Феттер-Лейн. Найден в Феттер-Лейн, Лондон. Серебряное «яблоко» было покрыто позолотой, поверх которой выполнили резьбу и покрыли чернью. Резной рисунок изображает переплетенных змей. IX столетие. Длина 9,5 см. Лондон, Британский музей.

25. Фрагмент кожаных ножен скрамасакса из Хекхема, Нортамберленд, украшенный плетеным ленточным орнаментом. Длина 11,2 см. Лондон, Британский музей.

26. Скрамасакс, найденный в Ситтингбурне, Кент. Инкрустирован медью и серебром. Также имеется надпись мастера «BIORK-TELM» и владельца «SGEBEREHT». X столетие. Длина 32,3 см. Лондон, Британский музей.

27. Скрамасакс с серебряным «яблоком» и гардой. Найден вместе с подвесными чашами, изображенными на фото 45 в одном из погребений Винчестера. VII столетие. Длина 40,5 см. Лондон, Британский музей.

28. Кабан со шлема из Бенти-Грейндж, изображенный на фото 29. Длина 9,5 см. Шеффилд, Городской музей.

29. Каркас шлема VII столетия, найденного в Бенти-Грейндж, Дербишир. Шлем первоначально был набран из роговых пластин, скрепленных железными вставками, которые только и сохранились до наших дней. Наносник украшен небольшим серебряным крестом, по краям которого идет орнамент из точек. Шеффилд, Городской музей.

30. Бронзовая пряжка из Вормса, Германия. На ней изображен самый распространенный римский резной орнамент. IV—V столетия. Длина 7 см. Лондон, Британский музей.

31. Бронзовая пряжка, выполненная в провинциальном римском стиле, из Кента (?). IV—V столетия. Длина 11,4 см. Лондон, Британский музей.

32. Бронзовая резная пряжка, выполненная в провинциальном римском стиле, из Смитфилда, Лондон. IV—V столетия. Длина 8,2 см. Лондон, Британский музей.

33. Золотое женское ожерелье из захоронения Десборо, Нортгемптоншир, украшенное гранатами. VII столетие. Длина центрального креста 2,5 см. Лондон, Британский музей.

34. Серебряная позолоченная фибула из Хаслингфилда, Кембриджшир. Фибула изготовлена на континенте или одним из первых англосаксонских поселенцев в Англии. V столетие. Длина 10 см. Кембридж, Университетский музей археологии и этнологии.

35. Кингстонская фибула. Самый роскошный артефакт, найденный за пределами захоронения в Саттон-Ху, в Кингстон-Даун, захоронении № 205, Кент. Поверхность украшена золотым филигранным орнаментом, ракушками и голубым камнем. В тех ячейках, где отсутствуют гранаты, можно увидеть фольгу, поверх которой они вставлялись. VII столетие. Диаметр 8,4 см. Ливерпуль, Городской музей.

36. Круглая фибула кентского типа из Брич-Даун, Кент. Фибула сделана из серебра и позолочена. Ее окантовка покрыта чернью. В ячейки инкрустированы гранаты. VI столетие. Диаметр 3,8 см. Лондон, Британский музей.

37. Круглая фибула из Фаверсхема, Кент. VI столетие. Диаметр 4 см. Лондон, Британский музей.

38. Золотой кулон, покрытый гранатами из Фаверсхема, Кент. Плоская пластина украшена филигранью, в центре животные изображены с помощью клуазонской техники. В глаза животных вставлены кабошоны. VII столетие. Диаметр 11,4 см. Лондон, Британский музей.

39. Золотая пряжка, украшенная гранатами из Уиналдама, Фрисландия, Голландия. В верхней части изображена пара переплетенных между собой, смотрящих в разные стороны четвероногих животных. VII столетие. Длина 9,2 см. Леуварден (Голландия), Фрисский музей.

40. Наперсный крест святого Кутберта. Этот крест был найден в могиле святого Кутберта в Даремском соборе. Вероятно, он был помещен в гроб после смерти святого Кутберта в

687 г. Одна из сторон креста была повреждена и восстановлена в первоначальном виде. Украшен золотом, ракушками, гранатами. Этот крест — один из последних образцов применения гранатов англосаксами. VII столетие. Ширина 6 см. Дарем, Библиотека кафедрального собора.

41. Золотой крест из Иксворта. Найден в могиле в Стантоне, Иксворте, Суффолке. Инкрустирован гранатами. Седьмое столетие. Ширина 3,8 см. Оксфорд, музей Ашмола.

42. Золотой крест из Уилтона. Крест украшен гранатами, а в основании имеет монету Гераклиуса (610—641), византийского императора. Возможно, сделан в Саттон-Ху. VII столетие. Высота 4,9 см. Лондон, Британский музей.

43. Бронзовая часть крепления подвесной чаши, найденная в Миддлтоне Юлгравом, Дербишир. VI—VII столетия. Диаметр диска 5,2 см, Шеффилд, Городской музей.

44. Две золотые застежки, украшенные филигранью, и золотая пряжка, украшенная гранатами, найденные в кургане VII столетия в Таплоу, Бакингемшир. Длина пряжки 10,2 см. Лондон, Британский музей.

45. Подвесные чаши, найденные вместе со скрамасаксом (фото 27) в погребении в Винчестере. Чаша украшена эмалью. VII столетие. Диаметр обода 28,2 см. Лондон, Британский музей.

46. Евангелие из Дарроу. Портрет евангелиста Матфея. Тело евангелиста изображено в средиземноморской манере. Использованы красные, желтые и зеленые цвета. Вторая половина VII столетия. Длина страницы 24,3 см. Дублин, Библиотека Тринити-колледжа.

47. Кодекс Амиатинус. Представленная здесь страница (портрет Ездры) считалась работой итальянского мастера. Но недавние исследования показали, что она является ярким примером классического англосаксонского рукописного искусства VII в. Длина страницы 49 см. Флоренция, Библиотека Святого Лаврентия.

48. Линдисфарнское Евангелие. Одна из самых больших и знаменитых ковровых страниц, покрытая переплетенным орнаментом из зверей и птиц. Создана ранее 700 г. Длина 34,5 см. Лондон, Британский музей.

49. Линдисфарнское Евангелие. Страница, на которой изображен евангелист Иоанн. Создана ранее 700 г. Длина 34,5 см. Лондон, Британский музей.

50. Эхтернахское Евангелие. Изображение евангелиста Матфея, созданное в Нортумбрии (возможно, в Линдисфарнском скриптории) около 700 г. Длина 26,2 см. Париж, Национальная библиотека.

51. Евангелие Святого Чада. Портрет евангелиста Марка, сверху украшенный его символом — львом. Евангелие создано в Нортумбрии в начале VIII столетия. Длина 24,5 см. Личфилд, Библиотека кафедрального собора.

52. Каноническая таблица из рукописи Евангелия, хранящейся в Британском музее. По краям идет орнамент, сопоставимый с орнаментом, наносимым на ювелирные украшения в VIII—IX столетии. Начало IX столетия. Длина 47 см. Лондон, Британский музей.

53. Рутвелский крест. На одной стороне изображены христианские сцены, на другой листообразный и звериный орнамент. Рутвел, Дамфрисшир.

54. Панель гроба святого Кутберта. Верхняя половина фигуры Иисуса Христа вырезана на крышке гроба. Его правая рука поднята для благословения, а в левой он держит книгу. Конец VII столетия. Дарем, Библиотека кафедрального собора.

55. Булавки из Уитхема (рис. 33). Набор из трех связанных между собой круглых бронзовых позолоченных булавок был найден в реке Уитхем около Фискертона, Линкольншир. Украшены орнаментом. В глаза животных инкрустированы голубые камни. VIII столетие. Длина центральной булавки 12 см. Лондон, Британский музей.

56. Ларец Франкса. Ларец выполнен из моржового клыка нортумбрийским мастером и покрыт резными изображениями сцен из мировой истории. Сцены сопровождают надписи. Начало VIII столетия. Длина 22,3 см. Лондон, Британский музей.

57. Драгоценность Альфреда. Была найдена в Ньютон-парке, Сомерсет, в 1693 г. Длина 7,4 см. Оксфорд, музей Ашмола.

58. Оборотная сторона Драгоценности Альфреда. На золотую подложку нанесена гравировка.

59. Украшение из Минстер-Ловелл. Найдено в Минстер-Ловелл, Оксфордшир. Выполнено в той же самой манере, что и Драгоценность Альфреда (фото 57), но, вероятно, позднее (возможно, в X столетии). Длина 3,2 см. Оксфорд, музей Ашмола.

60. Золотая брошь из Доугейт-Хилл. Найдена в Доугейт-Хилл, Лондон. Покрыта филигранью и эмалью. По стилю напоминает Драгоценность Альфреда (фото 57). IX—X столетия. Диаметр 3,3 см. Лондон, Британский музей.

61. Потир Тассило. Позолоченная бронзовая чаша, на которой выгравировано имя Тассило III, герцога Баварского (748—788). Потир был подарен монастырю Кремсмюнстер, основанному герцогом в 777 г. Высота 26,7 см. Кремсмюнстерский монастырь, Австрия.

62. Фибула из Киркосвальда. Эта фибула в виде трилистника сделана из серебра и покрыта филигранью, а также инкрустирована гранатами (из которых только один сохранился). Она была найдена в Киркосвальде, Камберленд, вместе с монетами, которые датируются от 850-го до 860 г. VIII—IX столетия. Длина 8,9 см. Лондон, Британский музей.

63. Артефакты из Трухиддлского клада (см. также фото 17 и рис. 35). Найдены в Трухиддле, около Сен-Остела, Корнуолл, вместе с монетами, датированными приблизительно 875 г. Среди представленных на фото предметов — части ремня, булавка и оправа рога для питья. Многие из предметов украшены звериным орнаментом в стиле, названным трухиддлским. Лондон, Британский музей.

64. Фибула из Стрикланда. Сделана из серебра и покрыта позолотой и чернью. Названа в честь сэра Уильяма Стрикланда, который, как предполагается, приобрел ее в начале XIX столетия. IX столетие. Диаметр 11 см. Лондон, Британский музей.

65. Фибула Фуллера. Серебряная круглая дискообразная фибула, покрыта чернью. В центре помещены пять аллегорических фигур, изображающие человеческие чувства: вкус, обоняние, слух, осязание и зрение. IX столетие. Диаметр 11,2 см. Лондон, Британский музей.

66. Резной каменный крест из Кроптхорна, Вустершир. IX столетие. Кроптхорнская приходская церковь.

67. Пробный образец резьбы по кости, найденный в Йорке. На пластине изображены животные (вырезанные в стиле, похожем на трухиддлский). IX столетие. Длина 11 см. Йорк, Йоркширский музей.

68. Две части епитрахили святого Кутберта, сделанной в Винчестере (?) между 909-м и 916 гг. Они, вероятно, были

подарены церкви Святого Кутберта королем Этельстаном в 934 г. Слева изображен святой Петр, справа Иона. Длина части, представленной на фото, приблизительно 18 см. Дарем, Библиотека кафедрального собора.

69. Страница из «Благословения святого Этельвольда». Эта страница — подлинный шедевр винчестерского стиля. Сделана для или по приказу Этельвольда, епископа Винчестера, в 971—984 гг. Длина 19 см. Лондон, Британский музей.

70. Страница грамоты Нью-Минстера в Винчестере. На ней изображен король Эдгар, который вручает грамоту восседающему Иисусу. Страница, должно быть, была создана в начале XI столетия. Длина 20,5 см. Лондон, Британский музей.

71. Деталь псалтыри. При украшении использованы различные чернила. Так, для буквицы 103-го псалма использовались красные, черные, синие и коричневые чернила. Датируется приблизительно 1000 г. Высота изображенной части приблизительно 29,2 см. Лондон, Британский музей.

72. Фрагменты англосаксонских резных каменных крестов и надгробных камней в церкви Баквелл, Дербишир. На фрагментах представлены различные стили англосаксонских орнаментов.

73. Ангел, вырезанный на камне, в церкви Святого Лаврентия в Бредфорд-на-Эйвоне (см. фото 15). Один из самых прекрасных образцов поздней саксонской каменной скульптуры; его можно сравнить с ангелами, изображенными на фото 70 и 75. X столетие. Длина приблизительно 150 см. Королевское хранилище исторических памятников (Англия).

74. Надгробный камень с кладбища церкви Святого Павла, Лондон, выполненный в стиле Рингерик. Он был первоначально окрашен в два или три цвета, и тело животного было покрыто белыми пятнами. X—XI столетия. Длина 61 см. Лондон, музей Гилдхалла.

75. Резная панель из Винчестера, выполнена в винчестерском стиле. X столетие. Высота приблизительно 7,6 см. Винчестер, Городской музей.

76—77. Две стороны гребенки, сделанной из моржового клыка. На одной стороне изображены животные, выполненные в викингском стиле, а на другой англосаксонские животные, которые похожи на подобных же животных на футляре

кадила, изображенном на фото 79. Начало XI столетия. Высота 5,2 см. Лондон, Британский музей.

78. Фибула из Саттона. Найдена в Саттоне, остров Эли, в 1694 г. вместе с монетами Вильгельма I. Фибула украшена в рингерикском стиле. X—XI столетия. Диаметр 15 см. Лондон, Британский музей.

79. Бронзовый футляр кадила из Кентербери, сделанный в форме здания и покрытый черненными изображениями животных, покрытых чернью. X—XI столетия. Высота 12 см. Лондон, Британский музей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Изучение англосаксонской археологии 7
Глава 1. Исторический контекст и языческие погребения 22
Глава 2. Христианские древности 52
Глава 3. Повседневная жизнь людей 70
Глава 4. Вооружение и война 121
Глава 5. Англосаксонское искусство 148

Подписи к фотографиям 179